

В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ

**КРУПНАЯ
БУРЖУАЗИЯ
В ПОРЕФОР-
МЕННОЙ
РОССИИ**

1861
1900

В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ

КРУПНАЯ БУРЖУАЗИЯ В ПОРЕФОР- МЕННОЙ РОССИИ

1861
1900

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
МОСКВА · 1974

9 (С) 16
Л 13

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Л $\frac{10604-240}{004 (01)-74}$ БЗ-25-7-74

© Издательство «Мысль» · 1974

ВВЕДЕНИЕ

Разработка узловых проблем отечественной истории в период капитализма действительно требует специального и глубокого изучения особенностей развития и выступлений на общественно-политической арене основных классов. Естественно, что в первую очередь внимание привлекал и привлекает российский пролетариат, ставший гегемоном буржуазно-демократической революции и в союзе с беднейшим крестьянством впервые в мире совершивший социалистическую революцию. Вместе с тем для всесторонней оценки всемирно-исторического подвига рабочего класса России необходимо детальное рассмотрение расстановки политических сил и тщательное изучение важнейших классовых битв в стране.

Крупная буржуазия — это сила, непосредственно противостоящая российскому пролетариату. Определение ее роли и места в экономической жизни страны, в политической системе российского абсолютизма в пореформенные десятилетия является самостоятельной и первостепенной научной задачей. Кроме того, важно выявить ее значение и удельный вес в социальной структуре пореформенного общества. Разработка данной проблемы поможет проследить эволюцию самодержавного строя, лучше осмыслить указание В. И. Ленина о том, что еще при Александре II «русский царизм начинал превращаться в «плутократическую» монархию»¹, что помещичья монархия Александра III «пыталась опираться на «патриархальную» деревню и на «патриархальность» вообще в русской жизни. . .»². Определение пределов, в которых самодержавие выражало классовые интересы буржуазии и за которыми эти интересы расходились, несомненно, важно при рассмотрении истории России в период капитализма. При этом необходимо иметь четкие представления о степени классовой зрелости буржуазии на том или ином этапе ее исторического развития, об особенностях ее формирования в класс капиталистического общества.

В трудах В. И. Ленина содержатся оценки и выводы, являющиеся методологической основой при изучении истории формирования крупной российской буржуазии в пореформенное время. Отмечая, в частности, что «буржуазный либерально-монархический центр» наметился «вполне явственно в эпоху падения крепостного права», В. И. Ленин подчеркивал противонародную, антидемократическую сущность российской буржуазии, указывал, что она была «тысячами экономических нитей связана и с старым помещным землевладением, и с старой бюрократией», что она «больше боится демократии, чем реакции»³. Отмечая, что по сравнению с дворянством купечество в пореформенные годы «казалось более довольным, менее оппозиционным»⁴, он указывал при этом, что и его представители принимали участие в буржуазно-оппозиционном движении⁵. Итогом многолетних наблюдений за общественно-политической деятельностью различных групп российской буржуазии был вывод В. И. Ленина о том, что только в годы первой русской революции она начала впервые складываться в класс, превращаться в единую и сознательную политическую силу⁶.

Представляется необходимым проследить пути и особенности формирования российской крупной буржуазии в класс капиталистического общества. Дореволюционная буржуазная историография по существу игнорировала необходимость изучения и рассмотрения этой проблемы. Отсутствуют не только специальные исследования, обобщающие процессы развития крупной буржуазии, но даже и постановка этого вопроса. Лишь в начале XX в. некоторые авторы⁷ дают в своих работах поверхностные сведения, которые в основном носят случайный характер, о торгово-промышленных кругах. Недостаточно и весьма тенденциозно освещены также отдельные стороны процесса развития классового самосознания крупной буржуазии. Исследователи, как правило, ограничивались рассмотрением позиций крупных капиталистов по какому-либо одному вопросу. Так, М. Туган-Барановский, характеризуя отношение московских и петербургских промышленников к проектам и законам о фабрично-заводском труде, переоценивал факты их сопротивления вводимым правительством мерам⁸. Известным преувеличением роли и значения крупной буржуазии в связи с политикой царизма по рабочему вопросу страдают и книги И. Х. Озе-

рова и Ив. Чистякова⁹. М. Н. Соболев освещает позиции капиталистов (прежде всего Центрального района) при введении новых таможенных тарифов¹⁰.

На страницах довольно многочисленных изданий по истории предпринимательских организаций рассматриваются отдельные стороны общественной и сословной деятельности купечества. Так, в 1887 г. появился краткий очерк истории торгово-промышленных совещательных учреждений, содержащий сведения о возникновении и характере деятельности Мануфактурного и Коммерческого советов, а затем их преемника — Совета торговли и мануфактур и соответствующих подразделений¹¹. Даже в этом полуофициальном издании, написанном чиновником Министерства финансов, делались определенные выводы о их несоответствии духу времени. Разнообразные факты о «профессиональной» узкокупцовской деятельности содержат истории биржевых и купеческих обществ и других предпринимательских организаций¹². В этих заказных изданиях обязательно присутствуют детальные описания возникновения, реорганизаций и всех сторон деятельности соответствующих учреждений, занимавшихся самыми разнообразными вопросами, начиная от тех, которые в какой-то степени касались важных сторон внутренней политики и кончая благотворительностью. Описательная манера изложения лишь внешне прикрывала апологетический характер подобных изданий. Таким является, например, исторический очерк П. И. Фомина, написанный по заказу Совета съезда горнопромышленников Юга России¹³.

Первая серьезная попытка рассмотреть процесс политического развития крупной торгово-промышленной буржуазии была предпринята М. Н. Покровским. Однако его «Русская история с древнейших времен» без купюр цензоров увидела свет лишь после Великой Октябрьской социалистической революции¹⁴. В этом труде содержались интересные оценки деятельности буржуазии при Александре II (политический «индифферентизм», отсутствие интереса к активной внешней политике и т. п.). Но некоторые верные наблюдения обесценивались тем, что не только политика царизма, но и процесс классового самоопределения крупной буржуазии как бы выводились автором из борьбы торгового капитала с промышленным. В результате те или иные политические настроения ее

оказывались прямым следствием экономической конъюнктуры, а это явно противоречит исторической действительности. Так, по мнению автора, в 80-е годы промышленная буржуазия была настроена консервативно в силу застоя и кризиса. ««Полевение буржуазии», — по утверждению Покровского, — всегда происходит на фоне промышленного подъема и оживления»¹⁵. В работах, написанных после Октября, в частности в «Очерках русского революционного движения XIX—XX вв.», Покровский продолжает развивать свою концепцию: многие важные общественно-политические события и явления, как и ранее, объяснялись антагонизмом торгового и промышленного капиталов¹⁶.

Бесспорно, в первые пореформенные десятилетия можно найти факты подобного «антагонизма». Однако и здесь будет правильнее говорить о различиях или противоречиях тех или иных групп буржуазии, которые имели свои особенности и специфику. Например, интересы крупной буржуазии портовых городов, посредничавшей во внешней торговле, и крупной торговой буржуазии Центра страны, специализировавшейся на внутренней торговле, не всегда совпадали. Интересы последней больше соприкасались с владельцами фабрично-заводских предприятий этого района.

В 1922 г. появилась работа П. А. Берлина, остающаяся единственной пока попыткой освещения истории русской буржуазии с начала XVIII и до XX в.¹⁷ По своей методологической основе книга примыкает к дореволюционной буржуазной историографии. Автор рассматривает предпринимательские организации, торгово-промышленные съезды, их деятельность; во второй части книги Берлин характеризует эволюцию буржуазии в пореформенные годы, при этом он обратил внимание на значение ряда периодических изданий («Русский курьер», «Волгарь» и др.) как выразителей взглядов торгово-промышленного мира. В книге наряду с интересным фактическим материалом и приемлемыми оценками по отдельным частным вопросам есть и такие, которые не соответствуют действительности или требуют корректировки (характеристика М. Н. Каткова и «Московских ведомостей», оценка «Русского курьера»). Книга дает известное представление о развитии общественно-политических взглядов в предпринимательской среде. Но в работе нет анализа причин

политической ограниченности и косности крупных капиталистов, автором допущена идеализация политики правительства по отношению к буржуазии, не раскрыта двойственность и противоречивость этой политики. Берлин преувеличивает политическую сознательность и общественную активность московской буржуазии в конце XIX в., противопоставляет ее остальной русской буржуазии, тонувшей, по его словам, «во мраке политической темноты и бессознательности».

На серьезные источниковедческие пробелы в исследовании Берлина еще в 20-е годы справедливо обратил внимание Б. Б. Кафенгауз, в частности отметивший недостаточное использование автором купеческих мемуаров. Он показал также, что некоторые русские капиталисты были связаны с такими периодическими изданиями, как «Москва», «Москвич» и др.¹⁸

М. Балабанов в очерках по истории рабочего класса России дает некоторые верные оценки выступлениям русской буржуазии в 80—90-е годы и характеризует позицию ее различных групп по рабочему вопросу¹⁹.

Вплоть до конца 40-х — начала 50-х годов нашего времени проблема развития русской буржуазии во второй половине XIX в. исследователями не рассматривалась. В связи с разработкой истории Москвы и Ленинграда она снова привлекает внимание историков. Соответствующие главы этих многотомных изданий (в особенности «Истории Москвы») можно рассматривать как качественно новый этап в разработке проблемы²⁰. Советская историческая наука, изжив искусственные схемы М. Н. Покровского, развивалась на твердой основе марксистско-ленинской методологии. Н. М. Дружинин, разрабатывая историю московской буржуазии, претендовавшей на лидерство в общероссийском масштабе как в XIX, так и в начале XX в., опубликовал статьи, в которых освещались факты, свидетельствующие о пробуждении московского купечества под влиянием Крымской войны и в связи с готовящейся отменой крепостного права²¹. Рассмотрение процесса вовлечения купечества в общественную жизнь он продолжил в IV томе «Истории Москвы» (1954 г.).

История развития буржуазии в дореформенные годы дана в III томе того же издания (1954 г.), где специальная глава была написана С. В. Бахрушиным, П. Г. Рындзюнским и М. К. Рожковой.

В период подготовки этого издания появилось учебное пособие П. И. Ляшенко, в котором содержались краткая, но выразительная характеристика особенностей московской буржуазии в пореформенные годы и оценка ее экономической программы²². Освещение некоторых сторон деятельности русской буржуазии второй четверти XIX в. дано было также в монографии М. К. Рожковой об экономической политике царизма на Среднем Востоке²³.

С появлением этих работ интерес и внимание к вопросам развития русской буржуазии как класса капиталистического общества еще более возрастают. Буржуазная идеология в России 50—60-х годов изучается Н. А. Цаголовым и Н. К. Каратаевым²⁴. Общественно-политическая роль купечества в середине XIX в. характеризовалась Ш. М. Левиным²⁵. Значительное внимание русской буржуазии уделяет М. К. Рожкова в своей монографии, опубликованной в 1963 г.²⁶ Несомненное научное значение имели выводы С. А. Никитина о связях московских капиталистов с газетами «День» и «Москва», издававшимися И. С. Аксаковым²⁷. Пути формирования московской буржуазии во второй половине XIX в. обстоятельно освещаются в статье А. С. Нифонтова²⁸. Интересные наблюдения о политической активности некоторых представителей московской буржуазии на рубеже 50—60-х годов были сделаны К. С. Куйбышевой. Тщательно анализируя общественную деятельность крупного дельца середины XIX в. В. А. Кокорева и оценивая его социально-политические взгляды, автор, несмотря на известное преувеличение степени сознательности даже более передового московского купечества, расширяет представление о процессах, протекавших в торгово-промышленной среде накануне и в период отмены крепостного права²⁹. Общественно-политическая программа русской буржуазии в период революционной ситуации 1859—1861 гг. (по материалам журнала «Вестник промышленности») рассматривалась Л. Б. Генкиным³⁰. Позиция московской буржуазии по различным вопросам экономической политики царизма освещалась в статьях Г. Ф. Семенюка³¹. Процесс комплектования крупной московской буржуазии и ее состав детально изучались М. Л. Гавлиным, в статьях которого содержатся выводы о консолидации капиталистов как класса буржуазного общества³².

Заметный сдвиг в разработке составных частей одной

общей проблемы все настоятельнее определял потребность в обобщении выводов конкретных исследований.

Советские историки издали ряд трудов³³, в которых убедительно показали контрреволюционность русской буржуазии во время буржуазно-демократических революций, узкоэгоистический, антинародный характер ее политики в 1900—1917 гг. Авторы, используя указания и оценки В. И. Ленина, выявили исходные позиции и причины, определившие пресмыкательство перед царизмом, политическую дряблость и крайнюю умеренность оппозиционных выступлений капиталистов. И. Ф. Гиндин в статье «Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности» значительное место уделил и пореформенному периоду. Систематизируя имеющиеся в литературе оценки и опираясь на солидную базу собственных изысканий, он определяет особенности развития русской буржуазии с 1861 по 1917 г. Автор справедливо отмечает, что слабая предприимчивость и недостаточная инициативность русской буржуазии исходят не от какой-то ее национальной особенности, а объясняются возможностями использования в ее интересах всех докапиталистических форм эксплуатации. Указывая на взаимосвязь и взаимозависимость полукрепостнического самодержавия и крупной русской буржуазии, он считает, что «в течение всего пореформенного периода до конца века протекал двойной процесс приспособления» их друг к другу. «Этот двойной процесс, — как отмечает И. Ф. Гиндин, — выражал собой формирование союза крепостников-помещиков с крупным капиталом в качестве социально-экономической опоры самодержавия».

Вместе с тем в ряде случаев необходимые оценки в статье лишь намечены, вопросы только поставлены, но на них не дано ответа или ответ этот нельзя признать убедительным. В значительной степени такое положение объясняется схематизмом, неизбежным в сравнительно небольшой работе, посвященной сложной и многогранной проблеме. В других случаях неточность выводов является следствием источниковедческих пробелов в исследовании некоторых важных вопросов. Во-первых, вызывает сомнение правомерность чрезмерного противопоставления «настоящего» буржуазного либерализма, возникшего, по мнению Гиндина, в России на рубеже XIX и XX вв., и буржуазного либерализма предшествующего периода. Нельзя

согласиться и с категоричностью утверждения о том, что «политически неразвитая и реакционная крупная буржуазия оставалась в стороне от российского либерализма». Во-вторых, автор, объясняя отсутствие у русской буржуазии стимулов к проникновению в новые районы и отрасли промышленности, прежде всего указывает на необходимость более высоких капитальных вложений в предприятия тяжелой, горнодобывающей и другие отрасли промышленности. Но важно обратить большее внимание и на условия реализации этих капитальных вложений в горном деле (право собственности владельцев земли на ее недра), в железнодорожном строительстве (зависимость капиталистов от чиновников) и пр., являющиеся прямым проявлением пережитков феодально-крепостнических отношений. В-третьих, для пореформенной эпохи недостаточно говорить только о «взаимном приспособлении» крупной буржуазии и самодержавия. При характеристике мер воздействия абсолютизма на буржуазию необходимо отметить, как активно он стремился всеми средствами (сословными привилегиями и экономическими подачками, административным нажимом, репрессиями и пр.) задерживать и приостановить процесс вызревания в среде крупной буржуазии классового самосознания.

Трудно безоговорочно принять и утверждение Гиндина о том, что «источники для изучения российской буржуазии в период капитализма невелики». Исследователи действительно встречаются с большими препятствиями. Особенно это относится к периоду до первой русской революции, когда не существовало политических партий, общероссийских и многих отраслевых предпринимательских организаций. При огромном количестве сведений, содержащихся в периодической печати, публицистике, мемуарах, официальных и полуофициальных изданиях, архивных документах правительственных учреждений и торгово-промышленных организаций, особенно важно обнаружить и выделить такие, которые выражают магистральные процессы и тенденции, а не носят случайного характера. Большое значение при этом имеет изучение связей определенных периодических изданий с теми или иными группами капиталистов и предпринимательскими организациями. Доказательство таких связей и выявление характера их, определение степени выражения в газете или журнале позиции торгово-промышленных кругов или отдельных капи-

талистов дают неоценимый материал для понимания процесса вызревания общественно-политических взглядов крупной буржуазии и складывания ее классового самосознания. Поэтому при подготовке настоящей работы автор, продолжая труд своих предшественников, большое внимание обратил на изучение связей капиталистов Промышленного Центра с газетами «Москва», «Москвич», «Московские ведомости», на выступления газет «Русь», «Русский курьер» и «Волгарь». Наряду с этим удалось установить тесные связи московских капиталистов с «Вестником промышленности» и «Акционером», издававшимися И. К. Бабстом и Ф. В. Чижовым, с «Торговым сборником», «Русским миром» (когда во главе издания стоял М. Г. Черняев). Не меньший интерес представляют взаимоотношения текстильных фабрикантов с издателями газет «Голос Москвы» и «Русский труд», сахарозаводчиков — с «Зарей» и «Киевским словом» и т. д.

Значительное количество материалов (записок, докладов, отчетов и пр.), характеризующих отношение торгово-промышленных кругов к важным направлениям политики царизма (рабочий вопрос, пересмотр таможенных тарифов, вопросы о промысловом налоге и акционерном законодательстве и пр.), содержится в уникальных печатных изданиях, собранных в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Полное звучание эти материалы, так же как и архивные документы, получают при правильном определении места и значения тех или иных учреждений, выражавших взгляды торгово-промышленной буржуазии. В частности, нуждается в корректировке оценка Общества для содействия русской промышленности и торговле. Нельзя согласиться с утверждением, что в обществе преобладала формирующаяся буржуазная интеллигенция³⁴. Действительно, особенно на первых порах, интеллигенция (в значительной степени чиновная) в обществе играла значительную роль, но решающие позиции здесь с самого начала занимали все-таки крупные предприниматели. К середине 70-х годов их положение еще более упрочилось, и общество последовательно стало выражать интересы промышленников (по тарифному вопросу, в частности). Что же касается местных отделений, то здесь картина была еще более определенной. При отсутствии других представительных организаций московские капиталисты в такую организацию по существу пре-

вратили Московское отделение общества. Об этом свидетельствуют протоколы заседания совета, сохранившиеся в бумагах бывшего секретаря отделения С. Ф. Шарапова (Государственный архив Смоленской области).

При рассмотрении проблемы до последнего времени недооценивалась также роль Нижегородского ярмарочного комитета, пытавшегося в пореформенные годы выражать мнение общероссийского купечества. Изучение хорошо сохранившегося фонда этой организации дает возможность яснее представить пути и особенности консолидации русской буржуазии после 1861 г.

Материалы делопроизводства правительственных учреждений страдают одним общим недостатком — они сугубо официальные, а поэтому часто малосодержательны по вопросам, которые особенно интересуют исследователя. В них (даже в фондах полицейско-карательных органов) почти отсутствуют сведения об общественно-политических взглядах купечества. Пробел этот в известной степени восполняется изучением находящихся в различных хранилищах СССР личных фондов общественно-политических деятелей (И. К. Бабста, Ф. В. Чижова, И. С. Аксакова, С. Ф. Шарапова и др.).

Разнообразные источники, выявленные при подготовке книги, позволяют, опираясь на существующие исследования, внести некоторые уточнения в оценки процесса формирования российской буржуазии в класс капиталистического общества. Рассмотрение важнейших частей этого процесса, его составных элементов является основной задачей настоящей работы. Обращая особое внимание на складывание крупной торгово-промышленной буржуазии в класс, автор стремится раскрыть противоречивое воздействие российского абсолютизма на этот процесс, показать, что его особенности были продуктом определенных социально-экономических условий и общественно-политической обстановки. Под этим углом зрения рассматриваются все важнейшие вопросы, освещаемые в книге: особенности развития промышленного и торгового капитала, общественно-политическая роль крупных капиталистов и их отношение к политике царизма.

Необходимость дать законченную характеристику некоторых важнейших процессов, завершившихся лишь в начале XX в., определяет расширение в ряде случаев намеченных хронологических рамок.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ

Рост торговли и промышленности, появление частных коммерческих банков и возникновение первых монополистических союзов

Капиталистические отношения в царской России, как и в других странах, зародились еще при феодально-крепостническом строе. Десятилетия, непосредственно предшествовавшие 1861 году, в известной степени следует рассматривать как период вызревания нового, более прогрессивного, капиталистического способа производства¹. В. И. Ленин писал, что крестьянская реформа 1861 г. была проведена крепостниками под воздействием силы «экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма»².

Буржуазные преобразования, осуществленные царизмом и крепостниками-помещиками, в 60—70-е годы XIX столетия, не до конца искоренили старые производственные и общественные отношения. Пережитки крепостничества, тормозившие поступательное движение капитализма, сохранялись как в экономике, так и в политическом строе. Тем не менее новые буржуазные отношения получили определенный простор для развития. Отмена крепостного права, устранив наиболее стеснительные преграды на пути роста производительных сил, способствовала развитию капиталистической промышленности и расширению товарно-денежного хозяйства. Расширение промышленного производства и увеличение численности неземледельческого населения стимулировали в свою очередь развитие товарного производства в сельском хозяйстве. В. И. Ленин писал, что «старая патриархальная Россия после 1861 года стала быстро разрушаться под

влиянием мирового капитализма. Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде... Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря «дешевому труду» разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность»³.

В пореформенный период в России завершается промышленный переворот, начавшийся в 30—40-е годы в хлопчатобумажном производстве. Еще тогда машины стали вытеснять ручной труд сначала в ситценабивном деле, а затем в прядении. В 60—70-е годы фабричное производство здесь быстро утверждается, сосредоточиваясь на крупнейших предприятиях. В 1879 г., например, прядильные фабрики насчитывали более 1600 рабочих в среднем на каждое предприятие. К этому времени как в прядении, так и в набивке миткалей машинное производство стало безраздельно господствующим⁴. Несколько медленнее развивается механическое ткачество. Тем не менее число ткацких фабрик неуклонно увеличивалось. В 1866 г. насчитывалось уже 42 механические бумаготкацкие фабрики с 94,6 тыс. рабочих. Однако на ручных ткацких станках (в «светелках» и на дому) работало еще 66 тыс. человек. К 1876 г. количество фабрик возрастает до 92, а число рабочих на них к 1879 г. — до 162,7 тыс. человек. Ручным ткачеством в этом году было занято немногим более 50 тыс. рабочих. Численность рабочих-кустарей продолжала сокращаться, но даже в 1894—1895 гг. их было 20,5 тыс.⁵ Несмотря на значительное количество ручных ткацких станков, фабричное производство в 80-е годы становится явно преобладающим и в этой отрасли промышленности⁶.

Весьма интенсивно промышленный переворот протекал и в других отраслях производства⁷. Наряду с текстильной промышленностью заметный сдвиг наблюдался и в машиностроении. Если в 1860 г. на 99 машиностроительных заводах числилось 11 600 рабочих, то в 1896 г. на 544 предприятиях насчитывалось уже 85 445 человек⁸.

Развитие крупной промышленности в целом шло бурными темпами. Если в 1866 г. в фабрично-заводской промышленности России, по данным, приводимым В. И. Лениным, насчитывалось 6891 предприятие с 342 473 рабочими, то в 1891 г. — 16 770 предприятий с 738 146 рабочими⁹. Общая численность рабочих в фабрично-за-

водской, горной промышленности и железнодорожном транспорте с 1865 по 1890 г. возросла более чем вдвое (с 706 тыс. до 1 432 тыс.)¹⁰. Особенно значительные изменения наблюдаются на крупнейших предприятиях. В 1866 г. на фабриках и заводах Европейской России с числом рабочих свыше 100 человек (644 предприятия) имелось 231 729 рабочих, а сумма производства оценивалась в 201 066 тыс. руб. В 1890 г. 1421 такое предприятие уже насчитывало 599 206 рабочих и производило продукции на 815 153 тыс. руб.¹¹

В крупнейшей в России хлопчатобумажной промышленности концентрация производства была особенно впечатляющей. Если в 1866 г. на предприятиях с числом рабочих свыше 1000 человек здесь было занято 43,2% пролетариев, то в 1879 г. — 56,9%. Фабрик, с количеством от 1 до 5 тыс. рабочих, насчитывалось в 1866 г. 26, в 1879 г. — 41 и в 1890 г. — 59¹². В конце XIX в. появились гигантские по тому времени комбинированные предприятия Морозовых в Твери, Богородске и в Орехово-Зуеве, Коншинных — в Серпухове, Прохоровых — в Москве и др., численность рабочих на которых превышала или приближалась к 5 тыс. человек. Появились крупные заводы и в машиностроении, развивавшиеся на базе удовлетворения расширяющихся потребностей транспорта и казенных заказов (Коломенский, Сормовский, Брянский заводы и др.).

После 1861 г. интенсивное развитие промышленности (за исключением Урала) наблюдалось в первую очередь в пределах тех экономических районов, которые возникли еще в дореформенные годы. Заметно выделяется Московский, или Центральный, промышленный район, являвшийся крупнейшим экономическим районом страны, цитаделью отечественного капитала. Здесь сосредоточивалась текстильная промышленность, хотя значительное развитие получили машиностроение, пищевая и другие отрасли производства¹³. Наряду с Москвой крупнейшими центрами промышленности, насчитывавшими десятки тысяч рабочих, являлись Иваново-Вознесенск, Орехово-Зуево, Серпухов, Ярославль и др. Текстильная промышленность значительное распространение имела также в Петербурге и его окрестностях, где преобладающая роль все более переходит к тяжелой промышленности. Значительное распространение фабрично-заводское производство получает

в Латвии, где центром является Рига. В Польше наблюдалось интенсивное развитие хлопчатобумажной промышленности в Лодзинском районе. Правобережная Украина становится ведущим районом свеклосахарного производства.

В пореформенный период развиваются не только старые индустриальные центры, но и складываются новые экономические районы. Наиболее значительным из них становится Юг России, где появляются многочисленные предприятия горнодобывающей и металлургической промышленности и первые машиностроительные заводы. Попытки освоения природных богатств этого района предпринимались издавна. Еще в 1795 г., стремясь создать горнозаводскую промышленность на Юге России, правительство основало казенный Луганский завод. Однако использование огромных залежей каменного угля в Донбассе начинается лишь в конце второй четверти XIX в., когда в Бахмутском и Славяносербском уездах и в районе Грушевки, расположенном в земле Войска Донского, возникает значительное количество примитивных кустарных шахт ¹⁴.

Первое время уголь употреблялся исключительно для местных нужд и продавался в основном на базарах. В 1863 г. была предпринята первая попытка использования донецкого угля для металлургического производства. Владельцы шахт Бахмутского уезда получили заказ от металлургического завода Фронштейна на 200 тыс. пудов угля ¹⁵. Однако более успешно все же развивалась добыча угля в Грушевском районе. Этому способствовало соединение его железной дорогой с Ростовом в 1864 г., открывшее возможность вывоза антрацита для нужд судоходства. В 1866 г. Русское общество пароходства и торговли приступило к устройству в Грушевке первой солидной шахты ¹⁶.

Расширяющиеся потребности водного и железнодорожного транспорта в топливе способствовали дальнейшему развитию каменноугольного производства. Усиленное железнодорожное строительство, по признанию современников, вызвало «каменноугольную горячку», охватившую весь Донецкий бассейн с чрезвычайной силой ¹⁷. Однако хозяйственный профиль южного промышленного района окончательно определился позже, в связи с развитием металлургической промышленности.

В апреле 1871 г. была произведена первая в Донбассе плавка чугуна на предприятии Джона Юза, а с января 1872 г. металлургический завод, включая и рельсопрокатное производство, стал действовать регулярно. Вскоре появились сообщения о пробных плавках чугуна и на Сулинском заводе Д. А. Пастухова. Если в 1867 г., как отмечает В. И. Ленин, на Юге было выплавлено 56 тыс. пудов чугуна (0,3% общероссийского производства), то в 1877 г. — уже более 1,5 млн. пудов (6,5%). К 1887 г. эти показатели еще более увеличились. Выплавка достигла 4 158 тыс. пудов (11,1% общероссийского производства)¹⁸. Бурному росту металлургического производства в дальнейшем способствовали открытие и освоение Криворожского железорудного бассейна.

Обстановка предпринимательского ажиотажа иногда объективно тормозила освоение бассейна. Тем не менее к началу промышленного подъема 90-х годов металлургическое производство на Юге уже имело мощную сырьевую базу. В 1897 г. здесь было выплавлено 46 349 тыс. пудов чугуна (40,4% общероссийского производства), в то время как на Урале оно составляло 41 180 тыс. пудов¹⁹. Новый центр металлургической промышленности все более развивается. «Чисто капиталистическая промышленность, — писал В. И. Ленин, — выросшая здесь в последние десятилетия, не знает ни традиций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определенного населения. В Южную Россию целыми массами переселялись и переселяются иностранные капиталы, инженеры и рабочие. . .»²⁰

Наряду с Югом России горнозаводская промышленность развивается в Домбровском бассейне (Польша); на Кавказе и в Закавказье (прежде всего в Баку) начинает бурно увеличиваться добыча нефти²¹. Но, признавая факт значительного развития горной и горнозаводской промышленности в разных районах империи, следует отметить, что общая стоимость продукции горнозаводской промышленности в 1890 г. (включая добычу угля, нефти, руды, драгоценных металлов и камней и пр.) известным статистиком своего времени А. Ф. Фортунатовым оценивалась в 120 млн. руб. В то же время сумма производства фабрично-заводской промышленности им определялась в 1 500 млн. руб., в том числе хлопчатобумажной в 340 млн. руб.²²

В результате промышленного подъема в конце последнего десятилетия XIX в. картина существенно изменяется. Удельный вес горнозаводской промышленности заметно увеличивается, возрастает ее значение в экономике страны. В деловом мире и общественной жизни поднимается авторитет соответствующих предпринимательских кругов, тесно связанных с иностранным капиталом ²³.

Бурно развивающееся в пореформенные годы промышленное и железнодорожное строительство вызывало настоятельную потребность ввоза рельсов, машин, оборудования и пр. Крупные же помещичьи хозяйства все более обнаруживали заинтересованность в продаже сельскохозяйственных продуктов на внешних рынках. Ввоз и вывоз неуклонно увеличивались. Если сумма вывоза за 1861—1865 гг. в среднем в год составляла 225,8 млн. руб., а ввоза — 206,7 млн. руб., то за 1896—1900 гг. — соответственно 698,2 млн. и 607,3 млн. руб. ²⁴ В пореформенные годы в связи с развитием внешней торговли на Юге России складывались новые торговые центры. На Одессу еще во второй четверти XIX в. приходилось $\frac{2}{3}$ экспорта пшеницы. Резко увеличивается вывоз хлеба через Николаев, Севастополь, а в конце XIX в. — из Новороссийска; возрастает значение азовских портов (Ростова-на-Дону, Мариуполя, Таганрога, Бердянска) ²⁵.

Значительные изменения происходили в организации внешней торговли. Здесь (в особенности к концу XIX в.) наблюдается значительная концентрация капитала. Командные позиции на Юге России принадлежали иностранным компаниям капиталистов («Л. Дрейфус и К^о», «М. Нейфельд и К^о», Ротшильдам и др.). Формально самостоятельные крупные русские экспортеры на деле являлись агентами крупнейших западноевропейских фирм. Такое же положение складывалось во внешней торговле грубой шерстью, сахаром и другими товарами. Вывоз нефти контролировался Ротшильдами и Нобелями ²⁶.

Внешняя торговля через прибалтийские порты также находилась под контролем иностранных, прежде всего немецких, фирм. Вывоз льна через Петербург, Ригу и Нарву, например, издавна производился немецкими купцами. Русские экспортеры лишь «собирали» лен на внутреннем рынке ²⁷.

Несмотря на колебания, связанные с промышленными кризисами, в пореформенный период неуклонно расширя-

лась и внутренняя торговля. Так, привоз товаров на российские ярмарки, в середине XIX в. являвшиеся центрами внутренней торговли, увеличился с 360 млн. руб. в 1860 г. до 460 млн. руб. в 1863 г.²⁸ На крупнейшую в России Нижегородскую ярмарку в 1860 г. поступило товаров на 105 млн. руб., а в 1881 г. — на 246 млн. руб.²⁹

Существенные изменения в организации внутренней торговли происходили по мере строительства железных дорог и складывания единой их сети на территории Европейской России. К концу 80-х годов удельный вес ярмарочной торговли значительно понижается. Неизмеримо возрастает роль Москвы как общероссийского центра. После 1881 г., например, привоз товаров на Нижегородскую ярмарку стал неуклонно сокращаться, составив в 1883 г. 201 млн. руб., а в 1907 г. — 130 млн. руб. Если в первые пореформенные годы на ярмарке явно доминирующее положение занимали мануфактура, изделия из железа и чай, то к концу XIX в. картина существенно меняется. «С развитием железнодорожных путей... производители нашли более удобным отправлять... заготовленный товар с места производства прямо на место спроса». Вслед за железом с ярмарки стал «отходить» чай, и в XX в. «чайный всероссийский рынок с Нижегородской ярмарки переселился в Москву...»³⁰.

Москва становится центром и мануфактурной торговли. Здесь заключалась теперь преобладающая часть крупных сделок по мануфактурным товарам. Сюда съезжались крупные провинциальные торговцы для закупки текстильных изделий. Хотя торговля велась в течение всего года, можно выделить два срока массовых закупок, когда число приезжих торговцев было особенно велико: весенний (март — апрель) и осенний (ноябрь — декабрь).

Изменения в организации внутренней торговли выражались и в ее «децентрализации». Вместо нескольких ярмарочных скупщиков-монополистов, «специализирующихся» на железе, мануфактуре, чае и других товарах, на ярмарке появляются крупные местные торговцы, пользующиеся кредитом коммерческих банков и крупных промышленников. Эти факторы способствовали развитию крупной буржуазии, наживавшейся на посреднической торговле.

После 1861 г. в России значительное развитие получает акционерная форма организации предприятий. Пер-

вые акционерные общества появились еще на рубеже XVIII и XIX столетий. Одним из них являлась известная Российско-Американская компания. Однако при крепостном праве создание акционерных предприятий происходило крайне медленно. За полстолетия (к 1854 г.) число акционерных обществ достигло лишь 16 с основным капиталом около 20 млн. серебром³¹. Накануне реформы 1861 г. акционерное учредительство в торгово-промышленной и финансовой сферах заметно усиливается. Особенно быстро количество акционерных предприятий стало увеличиваться в первые пореформенные десятилетия. Если, по данным Министерства финансов, в 1855 г. имелось около 50 торгово-промышленных, банковских, страховых, пароходных и железнодорожных акционерных компаний и товариществ на паях, то к 1880 г. их уже насчитывалось 506 с капиталом в 271 300 тыс. золотых руб.³² Следует заметить при этом, что значительный удельный вес имели товарищества на паях, в которые стали реорганизовываться многие крупные торгово-промышленные предприятия, принадлежавшие представителям отечественной буржуазии (Морозовым, Коншиным, Прохоровым, Рябушинским и др.). Такая форма организации предприятий, обязывая владельцев давать публичную отчетность, облегчала получение банковского кредита и в то же время позволяла сохранять старый «семейный» характер собственности и не допускать к соучастию посторонних лиц. Возможность захвата таких предприятий иностранными капиталистами и банками сводилась к минимуму. Для этого требовалось получить не менее 51 % паев подобного товарищества. Первоочередное право их приобретения по уставу принадлежало совладельцам предприятия.

Особенно бурный процесс акционирования наблюдался в 80—90-е годы. Если за 1882—1892 гг. возникли 383 компании, то в 1893—1901 гг. их появилось более тысячи³³.

Последовательная акционерная форма организации предприятий укореняется по преимуществу в промышленности, развивающейся на Юге России, а также в машиностроении и электротехническом производстве других районов. К концу века эти отрасли значительно расширились в крупных промышленных центрах (Петербурге, Москве, Риге, Харькове и др.). Иностранному капиталу

здесь принадлежала особо значительная роль. К концу XIX в., по официальным данным, в России насчитывалось 105 иностранных торгово-промышленных предприятий, подведомственных Министерству финансов. Их основным капитал составлял 279 млн. руб. Кроме того, другими ведомствами была разрешена деятельность в России еще 31 акционерного общества с основным капиталом 58 882 тыс. руб. Иностранные акционерные общества с основным капиталом 223 млн. руб. (или 600 млн. франков) действовали главным образом в следующих отраслях промышленности: горной (73 млн. франков), каменноугольной (166 млн. франков), медной (102 млн. франков), горнозаводской (124 млн. франков) и в машиностроении (54 млн. франков). Кроме того, значительный удельный вес (а очень часто доминирующее значение) иностранные предприниматели имели в 1232 акционерных обществах, основной капитал которых Министерством финансов в конце XIX в. оценивался суммой свыше 2 млрд. руб.³⁴

Развитию и росту промышленности и торговли в России после 1861 г. способствовали перестройка системы государственных финансов и возникновение сети частных кредитных учреждений. Старые кредитные учреждения, частные вклады в которых были ничтожны (Заемный банк, ссудные кассы и пр.), к 1861 г. упраздняются. Вместо Коммерческого банка создается Государственный кредитный банк³⁵. Кредитные и учетные операции Государственного банка не сразу нашли признание в среде российского купечества, оно первое время настороженно относилось к новым формам коммерческих операций, регулярному кредиту, чековому обращению, векселям и пр.³⁶

Известное значение в деле упорядочения государственных финансов имело и введение практики публикации (с 1862 г.) государственной росписи (бюджета), сохранявшейся ранее в строгой тайне. Следующий логический шаг в этом направлении был сделан правительством лишь ряд лет спустя, когда стали публиковать отчеты Государственного контроля о поступлении и исполнении доходов и расходов. Этим надолго ограничились меры по упорядочению организации государственных финансов в России. Критически оценивая осуществленные преобразования и утвердившиеся в пореформенные годы принципы государственной отчетности, известный экономист И. С. Блюх писал в 1882 г.: «...относительно доходов

существует все та же административная, чисто фискальная основа, доводящая податные классы до высылки и истощения; в отношении расходов преобладает все та же безотчетность действий, не допускающая действительного и серьезного, крайне нам необходимого, предварительного контроля. . . » ³⁷

Недостатки в организации государственных финансов оказывали прямое отрицательное действие на конкретные отрасли торговли и промышленности, серьезно тормозили их развитие и вместе с тем отражались на общем тоне деловой жизни в стране. Изучение и анализ экономического и финансового положения были весьма затруднены.

Расширение кредитных и учетных операций Государственного банка не удовлетворяло возрастающие запросы предпринимательских кругов. Поэтому в 60—70-е годы один за другим стали возникать частные коммерческие учреждения. В первую очередь они появляются в Петербурге (Частный, Международный и др.) и Москве (Купеческий, Учетный банки, Московское купеческое общество взаимного кредита и др.). Первым появился Частный коммерческий банк в Петербурге. Акции его расходились очень плохо. Поэтому правительство сразу же разрешило Государственному банку приобрести их на сумму в 1 млн. руб. ³⁸ Среди учредителей первых банков, в особенности московских, преобладают крупнейшие промышленники и торговцы, железнодорожные дельцы и банковские деятели. Так, в Московском купеческом банке из 90 пайщиков большинство составляли текстильные фабриканты. Особенно значительное участие имели С. П. Малютин и Морозовы. Наряду с ними мы видим одного из организаторов этого дела, старого откупщика и железнодорожного подрядчика В. А. Кокорева, его компаньонов по прежним предприятиям И. Ф. Мамонтова и М. А. Горбова. Некоторые средства в банк вложили известные петербургские банкиры (А. Л. Штиглиц и И. Ф. Утин) и варшавские банкирские дома. Банк «почтили» своим вниманием и крупные петербургские чиновники (Е. И. Ламанский, А. И. Дельвиг), и специалисты банковского дела (И. К. Бабст, Ф. В. Чижев, П. С. Гольцев) ³⁹.

Аналогичная картина наблюдалась в Московском купеческом обществе взаимного кредита и в некоторых других московских коммерческих учреждениях. Исключение

составляли банки, учрежденные в Москве крупным железнодорожным дельцом Л. С. Поляковым (Московский земельный банк и Московский международный, реорганизованный из Рязанского торгового). В петербургских коммерческих банках профессионалы-учредители играли более заметную роль. Значительный удельный вес имели и представители дворянско-аристократических кругов⁴⁰.

Расширение сети кредитных учреждений сопровождалось увеличением размаха финансовых операций. В 1870 г. в России насчитывалось 29 акционерных банков, 15 обществ взаимного кредита, 163 городских банка и 16 ссудо-сберегательных товариществ. Эта система как бы завершалась Государственным банком, имевшим 41 отделение. Если в акционерных коммерческих банках в 1870 г. имелось собственного капитала на 15,7 млн. руб. и вкладов и текущих счетов на 96,3 млн. руб., то к 1900 г. собственные капиталы увеличились до 280 млн. руб., а вклады — до 552 млн. руб.⁴¹

Расширение ссудо-кредитных операций уже в этот период создавало определенные условия для проникновения банковского капитала в промышленность, позволяло банкам устанавливать контроль над теми или иными предприятиями. Однако маломощность банков, ограниченность их финансовых возможностей были еще серьезным препятствием в этом деле. Наличие определенного риска при крупных операциях также сдерживало активные действия, особенно если они выходили из сферы непосредственных интересов тех или иных руководящих банковских групп. На развитие операций московских банков, в частности, известное влияние, видимо, оказал неудачный опыт с предоставлением значительного кредита в 1873 г. Н. И. Путилову, остро нуждавшемуся в средствах для своего завода. С большим трудом Московский купеческий банк, Московский учетный банк и Московское купеческое общество взаимного кредита, имевшие своих представителей в правлении завода, избежали значительных денежных потерь в связи с банкротством этого крупного предпринимателя⁴². В дальнейшем, продолжая кредитовать фабрично-заводские предприятия, московские банки ограничивались, как правило, текстильной промышленностью Центра.

В начале 80-х годов все больший интерес к финансированию промышленности стали проявлять крупные пе-

тербургские банки. Петербургский международный банк, например, установил прочные связи с крупнейшими металлургическими заводами — Брянским, Путиловским, Варшавским. В 1881 г. член правления этих предприятий В. Н. Тенишев вошел в совет банка ⁴³.

Однако переход Международного и других петербургских банков от кредитования промышленных предприятий к учредительно-эмиссионной деятельности относится к более позднему времени. Он связан с бурным развитием промышленности в последнем десятилетии XIX в. и первоначально имел, как отмечает В. И. Бовыкин, специально изучавший этот вопрос, «стихийный характер». Только во второй половине 90-х годов наблюдается переход «к руководству учредительно-эмиссионными операциями», положившими начало сращиванию банковского капитала с промышленным ⁴⁴.

Известны многочисленные факты участия представителей банков в конце 90-х годов в правлениях опекаемых ими фирм. В свою очередь крупнейшие промышленники и руководители ведущих предприятий появились в советах петербургских банков. В числе их были известные сахарозаводчики П. И. Харитоненко и Л. И. Бродский, председатель Никополь-Мариупольского общества А. П. Бородин и руководитель Брянского общества В. Ф. Голубев ⁴⁵.

Следовательно, в самом конце XIX в. в России начинается процесс зарождения финансовой олигархии. В торгово-промышленном мире и в финансовых кругах стала выделяться небольшая прослойка капиталистов, игравших ведущую роль в деловом мире. В укреплении позиций крупной буржуазии и в складывании финансовой олигархии немаловажное значение имела также монополизация производства в ряде ведущих отраслей промышленности. Определенные тенденции развития в этом направлении обнаружились уже в первые пореформенные десятилетия.

Соглашения торговцев с целью повышения цен существовали издавна ⁴⁶. В царской России такие соглашения имели достаточно широкое распространение еще в дореформенные годы. Так, купцы, торгующие в Кяхте, по крайней мере с 1844 г. регулярно заключали письменные соглашения о том, по каким ценам «променивать» китайцам российские и иностранные товары и «рассчитывать» китайские товары. С 1850 г. такие соглашения дополняются

пунктом об ограничении размера «промена» и решением производить закупки по частям. Ввиду несогласия отдельных торговцев оно получило обязательную силу после утверждения министром финансов. В последующие годы соглашения о ценах, размерах и времени закупок пред- решались крупнейшими оптовиками (Боткиными и др.) в Москве ⁴⁷.

Все сколько-нибудь значительные отрасли внутренней ярмарочной торговли были «монополизированы» еще накануне реформы 1861 г. В официальном «Очерке Нижегородской ярмарки», например, утверждалось: «Дух монополии до такой степени распространен на Нижегородской ярмарке, что новому человеку, не принадлежащему к обществу «макарьевских торговцев», трудно и почти невозможно торговать там, если он не захочет или не сумеет войти в стачку с прочими» ⁴⁸. Первые соглашения оптовых торговцев железом на Нижегородской ярмарке известны уже в 1843, 1844 и в 1845 гг. Они имели кратковременный характер ⁴⁹. К концу 50-х годов торговля железным товаром на ярмарке фактически оказалась в руках нескольких оптовиков-перекупщиков. На Нижегородской ярмарке 1856—1857 гг. они значительно повысили отпускные цены ⁵⁰. Такое положение сохранялось ряд лет. Главными покупателями железа у заводчиков и продавцами на ярмарке оставались Пастуховы, Кони и Рукавишниковы ⁵¹.

В первое пореформенное десятилетие оптовики сохраняли свое монопольное положение, пользуясь недостатком средств у уральских горнопромышленников, бравших у них задатки в счет продаж будущего года. Задатки давали право преимущественной покупки привезенного железа, что и позволяло оптовикам, выступавшим солидарно, господствовать на рынке.

Соглашения торговцев о ценах, именуемые в то время «стачками», были характерны и для более мелкой торговли. Так, в Москве весной 1864 г. крупные лабазники, воспользовавшись распутицей, не позволявшей сельским торговцам подвозить продукты, подняли цену на ржаную муку, что повысило на $\frac{1}{3}$ стоимость ржаного хлеба ⁵². В 1884 г. одесские мясники сократили убой скота, ограничили выпуск мяса на рынок и добились повышения на него цен ⁵³. Подобные факты имели широкое распространение.

В этих соглашениях торговцев нет еще общего с капиталистическими монополиями, возникшими на основе высокой концентрации производства. И вместе с тем в некоторых «стачках» постепенно выявляются новые черты: соглашения о ценах сопутствуют ограничению производства, возможному лишь в условиях его значительной концентрации.

Продажные цены, устанавливавшиеся на Нижегородской ярмарке оптовиками, торгующими железом, в частности, стали предопределяться в результате тайных соглашений с промышленниками о покупных ценах. Заводчикам начинает принадлежать все более решающее слово на рынке. Это обеспечивало им достаточно высокую и устойчивую предпринимательскую прибыль. Рыночные цены чем дальше, тем больше определялись уже заводчиками, стоявшими за спиной перекупщиков. Несколько десятков уральских заводчиков уже в начале 70-х годов фактически занимали монопольное положение на внутреннем рынке. Бесспорно, корни этой монополии опирались на особые преимущества горнозаводчиков в использовании природных богатств и людских ресурсов на Урале.

В наиболее развитой в России текстильной промышленности зародыши монополистических соглашений появились в середине XIX в. П. А. Хромов сообщает о соглашении ткацких фабрикантов, имевшем место в 1854 г. Недовольные высокими ценами на пряжу, они сократили производство и повысили цены на ткани. Сокращение ткацкого производства вызвало падение цен на пряжу и остановку многих прядилен⁵⁴. В 1857 г. бумаготкацкие фабриканты возбудили ходатайство о дальнейшем понижении пошлин на пряжу, так как крупные бумагопрядильщики вошли между собой в соглашение по сохранению высоких цен⁵⁵. Решающая роль при этом принадлежала Кнопам.

Торговый дом Л. Кнопа участвовал в строительстве многих прядильных фабрик (кредит, закупка оборудования в Англии и пр.) и приобретал некоторую часть паев вновь организуемых товариществ. В отдельных предприятиях Кнопы стали главными хозяевами дела, в том числе они контролировали крупнейшее в России хлопчатобумажное предприятие — Кренгольмскую мануфактуру, изготавливавшую самую дешевую пряжу. Поэтому Кнопы долгие годы могли монопольно диктовать на рынке цены

на пряжу⁵⁶. Однако к началу 80-х годов монопольное положение Кнопов по мере строительства и расширения фабрик в Центральном промышленном районе и развития банковского кредита было подорвано, зависимость от них других прядильщиков ослабла⁵⁷. Большое значение имел тот факт, что крупнейшие прядильные фабриканты (Морозовы, Хлудовы и др.) стали устанавливать, минуя Кнопов, ранее выступавших в роли посредников, прямые связи на американских и английских хлопковых рынках⁵⁸.

Известные тенденции к монополизации обнаруживались и на завершающей стадии хлопчатобумажного производства. Оптовая торговля мануфактурными товарами и в Москве, и на Нижегородской ярмарке сосредоточивалась уже преимущественно в руках самих фабрикантов⁵⁹. Поэтому «стачки» торговцев-оптовиков на Нижегородской ярмарке были в первую очередь соглашениями промышленников. В дальнейшем соглашения хлопчатобумажных фабрикантов приобретали все более «производственный» характер. В сведениях о Нижегородской ярмарке, например, отмечалось, что фабриканты ввиду плохого хода торговли на ярмарке 1874 г. «уменьшили количество выработки». Это позволило удержать более высокие цены на ярмарке 1875 г.⁶⁰

В каменноугольной промышленности Юга России очень рано возникают попытки монополизировать сбыт угля, что тормозило его добычу. В начале 80-х годов известный делец С. Поляков, владелец Курско-Харьковско-Азовской железной дороги, являвшейся единственным тогда каналом доставки угля к потребителям, пытался (и некоторое время небезуспешно) диктовать цены на уголь, регулировать его сбыт и производство. Владельцы шахт вынуждены были продавать уголь подручным Полякова «за половинную против существующей на рынках цену», — писала газета «Русский курьер» 7 февраля 1882 г.

Условия для возникновения и развития монополистических объединений сложились в России еще в середине 70-х годов. Однако лишь в 80-е годы, как убедительно показал В. И. Бовыкин, происходит довольно интенсивное развитие картелей. В первую очередь оно наблюдается среди предприятий, выполнявших железнодорожные заказы. С начала 80-х годов один за другим возникали «Союз рельсовых фабрикантов», «Союз мостостроительных за-

водов» и другие монополии. В конце 80-х и в 90-х годах разной степени устойчивости монополистические союзы складывались в угольной, нефтяной, цветной, химической и пищевой промышленности и в машиностроении. В. И. Бовыкин насчитывает за эти годы 34 монополистических объединения⁶¹. Однако этот перечень нельзя признать исчерпывающим. В нем не получили отражения первичные, неустойчивые соглашения текстильных фабрикантов и уральских горнозаводчиков (хотя аналогичные соглашения в угольной промышленности начала 1888 г., конца 1893 г. и начала 1897 г. приняты во внимание). Не отражены и некоторые другие соглашения, которые с полным основанием можно рассматривать в качестве предшественников широко известных монополистических союзов. Так, одно из первых в России крупное монополистическое объединение сахарозаводчиков, созданное в 1887 г. по инициативе предпринимателей-дворян и возглавляемое представителями титулованной знати, появилось не на «чистом» месте. Организатором и руководителем его становится крупнейший помещик-латифундист и сахарозаводчик граф В. А. Бобринский, который, как говорилось в обзоре деятельности Киевской биржи, «принял на себя громадный и тяжелый труд привести сахарозаводчиков к соглашению нормирования выработки сахара»⁶². Подобное соглашение диктовалось тем, что принадлежавшие помещикам заводы устаревали и не могли конкурировать с новыми и более крупными предприятиями, создававшимися на современном техническом уровне. В тех же целях предприниматели-дворяне издавна стремились при содействии царского правительства оградить мощным таможенным барьером сахарное производство. В результате, не сокращая посевов сахарной свеклы, помещики-латифундисты ограничивали выпуск сахара на внутренний рынок и, прибегая к демпингу, сохраняли на него высокие цены и обеспечивали значительную доходность своих имений.

Еще в 70-е годы у сахарозаводчиков обнаруживается стремление консолидировать свои усилия и создать более тесное объединение. В официальном отчете Киевского биржевого комитета встречаются глухие упоминания о деятельности «синдиката сахарозаводчиков», существовавшего в 1878 г. Формально синдикат возник для распределения кредита Государственного банка сахароза-

водчикам. Возглавлялся он председателем биржевого комитета сахарозаводчиком Н. Г. Хряковым. В синдикат вошли Н. А. Терещенко, И. М. Бродский и другие крупные заводчики. Важно отметить, что синдикат не ограничивался распределением кредитов. Он рассматривал и другие вопросы, связанные с сахарным производством⁶³. В период улучшения конъюнктуры рынка деятельность синдиката прекратилась. Тем не менее в начале 80-х годов крупные сахарозаводчики съезжались для установления единых цен и решения других торговых вопросов⁶⁴. Даже в периодической печати раздавались сетования на сахарозаводчиков за их «стачку» с целью повышения цен на сахар⁶⁵. Идея прочного объединения продолжала волновать предпринимателей. 29 августа 1882 г. на съезде Русского технического общества обсуждался доклад В. К. Конради об объединении русских сахарных заводов в союз, наподобие германского и австрийского, с целью облегчить заводчикам возможность ходатайства перед правительством о нуждах промышленности. Съезд признал такое объединение «настоятельно необходимым» и передал этот вопрос на рассмотрение Киевского, Харьковского и Московского отделений⁶⁶.

Затруднения со сбытом сахара, стремление не допускать сокращения посевных площадей, удержание высоких цен побуждали сахарозаводчиков вырабатывать и другие меры «упорядочения» сахарного производства. Они все шире использовали в своих целях Киевский биржевой комитет. Так, 19 мая 1885 г. по предложению сахарозаводчиков комитет принял решение ходатайствовать о разрешении вывоза сахара с премией в размере 1 руб. за пуд. Правительство удовлетворило это ходатайство⁶⁷. Но эти частные меры все менее устраивали сахарозаводчиков. Весной 1886 г. они интенсивно готовили основы соглашения об ограничении сахарного производства. 14 июля собрание выборных Киевской биржи, согласовав проект нормировки, постановило представить его министру финансов. Получив одобрение министра, проект был внесен в Комитет министров. Однако Александр III не утвердил проект⁶⁸, ибо многие сановные лица, не связанные с сахарной промышленностью, были против нормировки.

Отказ в осуществлении проекта не означал, что правительство отказало в покровительстве сахарозаводчи-

кам. Монополистический союз сахарозаводчиков, возникший в 1887 г., создавался и действовал при поддержке министра финансов. Цели данного союза были те же, что и в проектировавшейся сахарной нормировке⁶⁹. «Стачка» сахарозаводчиков осуществлялась открыто, у всех на глазах. Это касалось и других монополистических соглашений. Лишь иногда некоторые действия (например, сибирских винокуренных заводчиков) признавались «противными закону», и суд принимал соответствующие решения на основе определенных статей уложения⁷⁰.

В уральской горной промышленности также стабилизировалась сложившаяся там примитивная организация заводчиков. В газете «Нижегородская ярмарка» 22 июля 1883 г. отмечалось, что горнозаводчики, опиравшиеся на кредит Екатеринбургского отделения Государственного банка под выделанное железо, стали хозяевами на ярмарке. Окончательные цены и прочие условия продажи рассматривались на совещаниях представителей заводчиков. Такие совещания происходили, видимо, ранней весной перед открытием навигации. 23 марта 1889 г., в частности, было принято решение о значительном повышении цен на железо на очередной ярмарке⁷¹. В предварительной выработке цен долгое время принимали участие и оптовые торговцы. Однако к концу 90-х годов их стали отстранять от этого дела. Тем временем возрастает значение металлургической промышленности Юга. Разногласия между уральскими заводчиками усиливаются⁷².

Существующая практика торговли явно изживала себя, что со всей очевидностью выявилось в годы кризиса. Уже в 1901 г. орган горнопромышленников Урала «Железное дело России» убеждал в необходимости создания синдиката. Среди горнопромышленников по этому вопросу шли большие споры. В результате в июне 1903 г. было принято решение об организации центральной продажи листового кровельного железа. В 1904 г. 13 заводов вошли в объединение картельного типа. Синдикат же «Кровля» появляется лишь через несколько лет⁷³.

Пермскими солепромышленниками (Строгановыми, Абамелек-Лазаревыми и др.) издавна заключались соглашения об условиях и размерах сбыта соли. Первое известное нам соглашение «компаньонов» относится к концу 1862 г.⁷⁴ По всей видимости, они практиковались и в дальнейшем. К 90-м годам ввиду усилившейся конкуренции

донецкой соли, начавшей проникать на традиционные для пермской промышленности рынки еще в начале 80-х годов, такие соглашения становятся явно недостаточными. Возникает потребность в более прочном объединении. Поэтому в 1893 г. крупные соликамские промышленники решили организовать общую торговлю солью. Из-за больших разногласий при определении доли участия каждого предприятия в производстве и в совместной продаже соли переговоры длились более года. Согласованный проект устава торгово-промышленного товарищества владельцев и арендаторов пермских солеваренных заводов подписали представители 11 предприятий. Капитал товарищества (17 млн. руб.) делился на 170 паев. Каждый пай давал право на выпарку определенного количества соли. Так, князь Голицын, имевший 14 паев, мог получить и выбросить на рынок через объединенную организацию 1 260 тыс. пудов соли.

Для учредителей синдиката большое значение имела его легализация. Необходимо было утвердить устав в Министерстве финансов. Однако один из поверенных прямо указывал, что «принять на себя ходатайство он не может, так как у него нет в министерстве настолько сильных знакомств, чтобы он имел уверенность в проведении проекта, так как соглашение направлено к тому, чтобы повысить цену продукта. . .». Отказываясь от посредничества, он дает промышленникам весьма практичные советы: «Необходимо заинтересовать (!!) лицо, имеющее влияние на дело. . . особой запиской надо представить соглашение так, чтобы соглашение представлялось необходимостью для ограждения промыслового населения и массы крестьян Чудновского и Соликамского уездов», которые якобы могли потерять работу. Пока преодолевались «процедурные» затруднения, разногласия между солепромышленниками не затихли, а усилились. Голицын, в частности, стал добиваться пересмотра предоставленной ему квоты. Эти центробежные силы и разрушили, видимо, с трудом достигаемое соглашение. Синдикат не состоялся⁷⁵.

Тем не менее эпизодические соглашения об ограничении производства соли с целью повышения цен продолжали практиковаться. Регулярными они становятся с 1905 г., а в январе 1912 г. пермские солепромышленники в принципе снова договорились об организации совмест-

ной продажи. В конце 1913 г. был рассмотрен устав общества «Продасоль», а накануне первой мировой войны капиталисты окончательно согласовывают проект товарищества по совместной продаже соли⁷⁶.

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что в пореформенные годы тенденция к созданию простейших картельных объединений получила достаточно определенное выражение; что эти неустойчивые, кратковременные соглашения предшествовали возникновению более крупных и развитых монополистических союзов, как бы создавали почву, на которой стало возможным бурное развитие в России капиталистических монополий в самом начале XX в. и создание ряда мощных синдикатов в 1902—1904 гг. В результате этого процесса монополистические союзы становятся одной из основ хозяйственной жизни России перед первой русской революцией.

Таким образом, развитие промышленности, торговли и финансов в пореформенной России неизбежно должно было сопровождаться увеличением числа предпринимателей, усилением роли крупных капиталистов, частных коммерческих банков, монополистических и предпринимательских организаций в экономической жизни страны. Ф. Энгельс в «Послесловии к работе «О социальном вопросе в России»» в 1894 г. писал о той решающей роли, которая принадлежала русской буржуазии в экономике страны. Он указывал, что российское государство «во всех важных экономических вопросах» вынуждено подчиняться ее желаниям⁷⁷. Как бы развивая мысль Ф. Энгельса, В. И. Ленин в дни Февральской революции отмечал, что буржуазия «давно *правит* нашей страной экономически...»⁷⁸.

Вместе с тем особенности развития народного хозяйства страны в целом, отдельных районов и отраслей не могли не накладывать своего отпечатка на пути складывания крупной буржуазии как класса капиталистического общества. С одной стороны, развитие внешней торговли обеспечивало процветание иностранных экспортных фирм в важнейших портовых городах (Петербург, Одесса, Рига и др.) и способствовало развитию торговой буржуазии внутренних районов, специализировавшейся на заготовке хлеба, льна, кожи и прочих предметов вывоза. С другой стороны, рост внутреннего рынка увеличивал размах операций торговцев-оптовиков Москвы, Нижнего Новгорода,

Казани, Самары, Саратова и др. В-третьих, отрасли промышленности, опиравшиеся на привилегии владельческого права (горная промышленность Урала), соседствовали с новыми интенсивно расширяющимися производствами. Бурное развитие крупной капиталистической фабрики в первые пореформенные десятилетия по преимуществу в центре России, основывающееся на вложениях «доморощенных» капиталов, в конце XIX в. дополняется предпринимательской горячкой на Юге России, где при активном участии иностранного капитала невиданными темпами создается современная горнодобывающая и металлургическая промышленность.

На различных этапах развития промышленности буржуазия пополнялась различными элементами, вносящими в общую среду крупного капитала не только свои навыки, опыт, представления, традиции, но и сословные и национальные привычки и предрассудки. Немаловажное значение имела и экономическая политика царского правительства, в первую очередь те ее стороны, которые непосредственно касались промышленности, финансов и торговли. Косвенно, а иногда и прямо она не могла не оказывать влияние на крупную буржуазию. Правительство, обеспечивая особое покровительство представителям известных сословий в их предпринимательских начинаниях, активно воздействовало на ее состав, что необходимо учитывать при характеристике облика крупной буржуазии, ее мировоззрения, экономических и политических взглядов.

В известной степени все это отражалось на процессе консолидации российской буржуазии в класс капиталистического общества.

Важнейшие тенденции экономической политики царизма

Потребности социально-экономического развития страны вынудили царизм провести реформу 1861 г., открывшую известный простор для роста производительных сил, складывания и упрочения капиталистических отношений. Российский абсолютизм, сохраняя свою старую феодальную сущность, сделал первые шаги в сторону буржуазной монархии. Без современной промышленно-

сти, разветвленной сети железных дорог и интенсивной торговли невозможно было сохранить позиции России как великой державы, поддержать и упрочить военную мощь империи. Экономическая политика правительства, являясь мощным рычагом перестройки народного хозяйства страны на капиталистические рельсы, не могла не деформироваться вследствие ограниченности подхода и учета узкокастовых экономических интересов привилегированного класса-сословия — дворян-помещиков. В. И. Ленин, характеризуя развитие России с 1861 по 1905 г., писал: «В течение этого периода следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны. И в то же время именно этот период был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху»¹.

Царское правительство еще до реформы «пеклось» о развитии торговли и промышленности, предоставляя предпринимателям различного рода привилегии (протекционистские таможенные тарифы, кредиты, казенные заказы и пр.). После реформы эти традиционные меры «вспомоществования» отечественной промышленности и торговле получили еще большую целенаправленность. И. Ф. Гиндин весьма убедительно показал, какое большое значение и широкое распространение имел кредит Государственного банка, щедро предоставлявшийся крупнейшим металлургическим, машиностроительным, сахарным заводам, текстильным фабрикам, частным коммерческим банкам и видным финансистам². В отношении управляющего Государственным банком в Московский биржевой комитет от 26 июля 1879 г., например, заявлялось: «...считаю долгом сообщить Комитету, что Государственный банк и ныне, как и прежде, зорко наблюдая за потребностями торговли, останется верен своему назначению содействовать силою кредита оживлению оборотов промышленности»³.

По мере усиления требований заводчиков и фабрикантов обнаруживается тенденция к укреплению таможенного барьера. Таможенные тарифы, разработанные при активном участии предпринимательских организаций, приобретают запретительный характер. С 1868 по 1891 г. пошлины на хлопчатобумажные изделия возросли в 2 раза, на чугун — в 10, на рельсы — в 4,5 раза. Высокое

таможенное обложение распространилось на все значительные предметы промышленного производства⁴. Заградительный таможенный барьер являлся одним из важнейших факторов, способствовавших развитию промышленности и торговли, количественному росту и экономическому укреплению различных слоев крупной российской буржуазии. Ф. Энгельс в 1875 г. на эту сторону дела обращал внимание в статье «О социальном вопросе в России»⁵.

Увеличению прибылей капиталистов, усилению их финансово-экономического могущества способствовала денежная реформа, проведенная в 1895 г.

Для развития металлургической промышленности и машиностроения особое значение имели казенные заказы на льготных условиях. Такие заказы предоставлялись Новороссийскому обществу, Обществу механических и горных заводов Лильпопа, Рау и Левенштейна в Варшаве, механическому и рельсовому заводу Берда и многим другим⁶.

Правительство объявило даже о своем намерении (первоначально царским указом от 6 октября 1866 г.) «прекратить на будущее время правительственные заказы за границей и исполнять их внутри государства, несмотря ни на какие затруднения или неудобства, которые это могло бы представить на первых порах»⁷. Однако царское повеление осталось на бумаге. Таможенный тариф 1868 г. даже по отношению к рельсовому производству не исполнялся. Фактически рельсы ввозились беспошлинно. В записке министра финансов от 19 апреля 1876 г. «О мерах по развитию в России рельсового производства» предполагалось впредь не допускать беспошлинного привоза рельсов. Если эта мера вскоре стала осуществляться, то на другие заказы она не распространялась. Заказы продолжали размещать за границей. Комитет министров в 1885 г. снова обсуждал этот вопрос и потребовал от руководителей ведомств соблюдать повеление от 6 октября 1866 г. Соответствующее положение Комитета министров 20 декабря утвердил Александр III, но и после этого Военное и Морское министерства продолжали широко практиковать заказы за границей вплоть до начала нового столетия. В справке по Министерству финансов от 15 ноября 1893 г. указывалось, что эти заказы «объяснялись спешностью, техническими превосходствами иностранных

произведений и даже выгодами для казны от более дешевых цен»⁸.

В пореформенные годы правительство увеличивало прямые налоги с торговых и промышленных предприятий. Так, гильдейский сбор с 1865 г. неоднократно повышался, а в 1885 г. вводится раскладочный 3%-ный сбор с крупнейших фабрик и заводов⁹. Эти поползновения встречали протесты и противодействие торгово-промышленных кругов, в особенности возмущавшихся «несправедливостью» обложения 1885 г. Предотвратить издание нового закона им не удалось, но вводимый дополнительно налог посягал лишь на самую незначительную часть колоссальных прибылей российских промышленников и торговцев. В общей сложности эти налоги занимали весьма скромное место в доходной части государственного бюджета. В 1895 г., например, они давали всего 3,2% общих поступлений, хотя сами торгово-промышленные доходы составляли 45% национального дохода. Прямые налоги обрушивались на широкие слои населения. Еще большее место (45—55% в конце XIX в.) в государственном бюджете занимали косвенные налоги, всей своей тяжестью также ложившиеся на плечи трудящихся. Особенно резкое увеличение косвенных налогов провел С. Ю. Витте. Только в 90-е годы XIX в. они возросли на 42,7%¹⁰. Правительство неукоснительно оберегало интересы господствующих классов, в том числе и развивающейся крупной буржуазии.

Все перечисленные и некоторые другие меры содействия промышленности, торговле и коммерческому кредиту, получившие основательное освещение в современной исторической литературе, бесспорно, способствовали укреплению позиций предпринимательских кругов, росту крупной буржуазии, расширению ее сферы влияния, закладывая основы для финансового и экономического могущества тех или иных ее слоев и групп.

Однако в экономической политике царизма достаточно определенно выражается и другая тенденция, которая еще не в полной мере отражена исследователями. Правительство целеустремленно проводит линию на максимальное удовлетворение материальных притязаний дворян-помещиков, закрепляя их привилегированное положение в условиях развития новых общественных отношений (создание Дворянского банка, особое внимание

к сахарной, винокуренной, горнозаводской промышленности и пр.). Более того, общие меры, объективно способствующие развитию капиталистических отношений (кредиты, субсидии, железнодорожное строительство и хозяйство и пр.), в системе российского абсолютизма обеспечивали опять-таки преимущества тому же дворянству (в первую очередь придворной аристократии) и служили средством наживы чиновно-бюрократических кругов.

При проведении крестьянской реформы дворяне-помещики получили дополнительный источник доходов. Так, в «Биржевых ведомостях» 14 сентября 1862 г. сообщалось, что при составлении уставных грамот с крестьянами села Иванова предпринимателям (бывшим крестьянам), выкупившимся на волю без земли и домов, предлагалось выкупить строения (точнее, землю под ними) за разные суммы: от 3 тыс. до 60 тыс. руб. Владельцы не согласились, заявив, что они сломают дома и фабрики (большей частью каменные) и перенесут их в Вознесенский посад. «Легко сказать, — комментировалось в газете это сообщение, — перенести дома и фабрики на другое место! Вот обо что мы спотыкаемся! Вот что тормозит нашу промышленность! А ведь подобных фактов у нас много; они на каждом шагу». Ивановским фабрикантам удалось отстоять свои интересы, сторговавшись с графом Шереметевым, который свои «потери» наверстал за счет более жестких условий выкупа усадеб крестьянами села Иванова и сохранения в своем владении базарных площадей с лавками, выстроенными сельским обществом. Только через 25 лет, в 1887 г., городская управа г. Иваново-Вознесенска смогла выкупить площади, затратив для этого весь капитал общественного банка¹¹. Подобная практика осуществления буржуазных реформ отрицательно сказывалась на развитии промышленности и торговли, однако ее результаты точно учесть, а тем более выразить в цифрах невозможно.

В южном экономическом районе известным тормозом для развития горнопромышленности являлась казачья сословная организация. Войсковое правление на Дону упорно настаивало на предоставлении казакам-предпринимателям исключительного права разрабатывать залежи каменного угля на территории Грушевского района, ограничивало «иногородних», пытавшихся участвовать в ак-

ционерных обществах и торгово-промышленных товариществах. Вплоть до конца 1863 г. оно поддерживало группу «директоров донских углепромышленников», объединившую 40 шахтовладельцев-казаков, пытавшихся таким путем сохранить монопольное положение в крае¹².

Финансовая политика царизма помимо развития торговли и промышленности имела и другую общую нацеленность. Не говоря уже о Дворянском банке, даже Государственный банк значительную часть средств, имевшихся в его распоряжении, затрачивал за пределами торговли и промышленности, опекая дворянско-помещичье землевладение. И. Ф. Гиндин указывает, что с момента учреждения и до 1896—1897 гг. Государственный банк был только коммерческим банком. «Однако и тогда, — пишет он, — Государственный банк не обращал всех своих средств на кредитование торговли и промышленности. Весьма значительную часть, не менее половины, его ресурсов Министерство финансов направляло на финансирование казны и помещиков, отвлекая эти средства от кредитования торговли и промышленности»¹³.

Цели, совершенно противоположные интересам развития промышленности и торговли, преследовали меры по искусственной поддержке курса рубля на зарубежных рынках, неоднократно предпринимавшиеся Министерством финансов. Одна из очередных попыток поднять курс путем «продажи» за границу 60 млн. руб. золотом состоялась осенью 1876 г. Меры эти проводились в интересах помещиков-дворян, проживавших за границей огромные суммы. Сама «операция» обогатила нескольких посредников-банкиров, получивших около 2 млн. руб.¹⁴

Попытки поддерживать курс рубля подобными мерами вызывали серьезное недовольство в московских торгово-промышленных кругах. Бывший профессор математики Ф. В. Чижов, давно сотрудничавший с крупнейшими московскими капиталистами, в своем дневнике так освещает беседу по этому вопросу с Т. С. Морозовым: «Много говорили мы о теперешних банкротствах и о бедственном положении торговли. Морозов, безусловно, во всем винит Министерство финансов, выпустившее за границу 60 млн. руб. золота для поддержания курса. Курс повышен, и более чем на столько же процентов повысили для иностранцев цену наших сырых произведений: хлеба, сала и сырых кож. От этого они не пошли за границу, и столько же мил-

лионов золота не пришли из-за границы. Дальнейший отпуск золота для поддержания курса только ухудшит дело в том же самом направлении. Едва только перестали поддерживать курс, тотчас же началось требование за границу, и теперь в Одессе огромная закупка»¹⁵. Промышленники, не имея представления об общих закономерностях развития капиталистического производства, склонны придавать подобным акциям правительства чрезмерно всеобъемлющее значение, видя в них причину всех зол. Однако бесспорна экономическая несостоятельность подобных мер. Она хорошо раскрыта в письме К. Маркса к П. Л. Лаврову от 21 октября 1876 г.: «Эта нелепая операция — искусственная поддержка курса за счет правительства — принадлежит XVIII веку. В настоящее время к ней прибегают только алхимики русских финансов. Со времени смерти Николая эти периодически повторяющиеся бессмысленные манипуляции стоили России по крайней мере 120 миллионов рублей»¹⁶.

Отрасли промышленности (винокуренная, сахарная, горнозаводская, особенно уральская), в которых непосредственное участие принимали дворяне, весьма охотно поддерживались правительством. Сахарозаводчики помимо неограниченного государственного кредита в периоды плохой рыночной конъюнктуры получали и поощрительные премии при вывозе сахара за границу. Винокуренные заводчики, среди которых преобладали (и в конце XIX в.) помещики-дворяне, пользуясь покровительством правительства, устанавливали явно завышенные цены на спирт. Оберегая их интересы, правительство запретило с 1890 г. открывать винокуренные заводы в городах и образовывать акционерные общества в этой отрасли производства и пр.¹⁷

Горнозаводчики получали из года в год отсрочки и льготы по дореформенной задолженности и долгосрочным пореформенным долгам, многие из которых продлевались на сроки до 37 лет. В 1868 г. такие долги составляли сумму свыше 15 млн. руб. Из них 12 400 тыс. приходилось на уральские заводы. Помимо этих замороженных долгосрочных кредитов Государственный банк через Екатеринбургскую контору ежегодно предоставлял уральским горнозаводчикам краткосрочные кредиты под залог изготовленного металла, в 60-е годы составлявшие 4,5—5,5 млн. руб. К 90-м годам они возросли до 9 млн. руб.¹⁸ Следо-

вательно, уже в 60-е годы на поддержку устарелой горно-заводской промышленности из ограниченных резервов Государственного банка ежегодно ассигновывалось около 18 млн. руб. В то же время правительство безоговорочно отвергало просьбы о долгосрочных ссудах купцов-предпринимателей, пытавшихся заняться горнозаводским делом на Урале. Так, 28 ноября 1866 г. министр финансов отказал пермскому II гильдии купцу А. В. Глушкову в просимой им 300-тысячной ссуде¹⁹.

Еще более показательна в этом отношении практика выдачи так называемых неуставных ссуд Государственного банка, предоставлявшихся формально в чрезвычайных случаях и не предусмотренных его уставом. Однако такие ссуды получили столь широкое распространение, что выдачу их нельзя уже было считать мерой исключительной. Большие суммы выдавались на значительные сроки (3—5 лет), которые затем продлевались. Ссуда фактически превращалась в непрерывное и не ограниченное во времени финансирование особо опекаемых предприятий. По данным И. Ф. Гиндина, с 1869 по 1882 г. неуставных ссуд было выдано на 77,3 млн. руб. В том числе горнозаводчики получили 5,8 млн. руб., сахарозаводчики — 9 млн. руб., другие помещики-предприниматели — 2,6 млн. руб. В числе особо опекаемых предприятий преобладающее место имели различные торговые дома, товарищества и другие «чисто» капиталистические предприятия и банки²⁰. В каждом конкретном случае важно полнее выявить причины особого к ним внимания правительства. Официальная мотивировка о «заслугах», указание на государственную значимость различных горнозаводских и машиностроительных предприятий не до конца удовлетворяют. Важное значение имела прямая или косвенная заинтересованность в том или ином акционерном обществе представителей придворных кругов и высшей чиновной бюрократии.

Развитие торговли и промышленности, нуждавшихся в постоянном финансировании, требовало установления правильных отношений между торгово-промышленными предприятиями и биржей. В царской же России свобода организации новых акционерных обществ, в особенности кредитных учреждений, сковывалась административным вмешательством. Так, по словам одного из учредителей Московского купеческого банка — В. А. Кокорева, для

утверждения устава потребовалось два года и значительные материальные затраты, ибо, как писал он Ф. В. Чижевцу 15 октября 1868 г., «в Петербурге трудно хлопотать без издержек»²¹.

Следует заметить, что правящие круги в известной степени понимали важность развития биржевой деятельности. Министр финансов М. Х. Рейтерн в своем «Финансовом духовном завещании», написанном в феврале 1877 г., признавал: «Последнее десятилетие ознаменовано сильным и небывалым у нас развитием частной предпримчивости и вместе с тем биржевой деятельности, без которой в наше время немыслимо такое развитие». Даже кризисы, возникавшие вследствие биржевых спекуляций и в результате создания «дутых» предприятий, Рейтерн считал «необходимым злом», очищающим «как гроза воздух от вредных испарений и оставляющим только действительно солидные предприятия». Но по его мнению, необходимо «избегать всего того, что могло бы вновь развить лихорадочное возбуждение промышленных и биржевых предприятий». Он предлагает ограничивать биржевую деятельность, поддерживает запрет на учреждение новых коммерческих банков в торгово-промышленных центрах и настаивает, чтобы акционерные общества допускались только по уже действующим предприятиям²².

Подготовленный в Министерстве финансов проект положения об акционерных обществах предполагал новый порядок учреждения акционерных обществ и тем самым открывал большой простор для их создания. Крупная буржуазия ратовала за проведение его в жизнь, но были высказаны и существенные замечания по проекту²³. В детальном критическом разборе, представленном Петербургским биржевым комитетом, указывалось на сохраняющиеся в проекте препятствия в деле акционерного учредительства и содержалось требование «устранить из законодательства всякое начало опеки над публикой»²⁴. Проект критиковался и периодической печатью, в особенности «Торговым сборником» и «Вестником Европы»²⁵. Через два десятилетия этот проект отрицательно оценивался даже в ведомственных официальных материалах²⁶.

Критика капиталистами законопроекта не случайна. Как в предреформенные годы, так и в первое пореформенное десятилетие представительные организации крупной торгово-промышленной буржуазии и периодические изда-

ния, выражавшие ее интересы, высказывались за свободу акционерного учредительства. Орган московского купечества газета «Акционер» 1 января 1860 г. писала, что «запрещением новых акционерных компаний общества не вылечишь». Петербургские «Биржевые ведомости» 10 августа 1867 г. высказывались еще более определенно: «Существующие у нас узаконения не благоприятствуют широкому развитию начала ассоциации и, обуславливая акционерные общества множеством формальностей, скорее затрудняют, чем поощряют их образование».

Представляет интерес и то, что еще перед реформой в правительственных кругах уже признавалась «неудовлетворительность нашего акционерного законодательства» и «необходимость» и «настоятельность его реформы»²⁷.

В результате этих тенденций и появился законопроект, отвергнутый в начале 70-х годов. Однако обстоятельства складывались так, что даже в министерских канцеляриях склонялись все же к необходимости пересмотреть акционерное законодательство. К этому побуждали и более настойчивые пожелания капиталистов. Московские фабриканты, в частности, приняли в апреле 1886 г. решение ходатайствовать о свободе акционерного учредительства. Но активная работа в этом направлении началась лишь в самом конце XIX столетия. Специальная комиссия вновь пыталась приспособить безнадежно устаревшие нормы к требованиям экономического развития. Поэтому общие исходные положения законопроекта отличались эклектичностью. Комиссия, приняв явочный порядок учреждения акционерных обществ, в то же время предполагает создать при Министерстве финансов специальный акционерный отдел с широкими правами опеки над акционерными обществами²⁸. Этот очередной проект постигла судьба его предшественников. Учреждение акционерных обществ в промышленности и торговле по-прежнему тормозилось системой бюрократических регламентаций и канцелярской волокитой.

Особые трудности возникали перед учредителями новых обществ коммерческого кредита. В 70-е годы создание новых банков решительно пресекалось на основании указа от 31 мая 1872 г.²⁹ В конце 1872 г., например, министр финансов «не признал возможным ходатайствовать о разрешении учредить акционерное общество для устройства

в Москве банка под названием: «Русский Главный банк для содействия распространению кредитных, промышленных и торговых товариществ, обществ и компаний и для всякого рода общепользных предприятий»»³⁰. Пожелания Рейтерна, высказанные в «Завещании», последовательно проводились в жизнь его преемником С. А. Грейгом. В апреле 1883 г. правила 1872 г. были несколько смягчены, но препятствия для учреждения новых акционерных коммерческих банков сохранялись и в XX в.³¹ Рябушинским, в частности, в конце XIX — начале XX в. немало пришлось хлопотать, чтобы получить официальное разрешение на ведение банковских операций, которыми они издавна занимались. Только перед первой мировой войной им удалось утвердить Устав акционерного Московского банка³².

Препятствия на пути акционерного учредительства, сохранявшиеся и в XX в., буржуазные экономисты единодушно оценивали как фактор, тормозящий развитие промышленности и торговли. А. С. Залшупин в прогрессистском журнале «Запросы жизни» писал: «Отсталость нашего акционерного законодательства — факт достаточно известный, и не нужно тратить много слов, чтобы доказать, что при нашем акционерном законодательстве, основанном на концессионном принципе, не могло создаваться никакого взаимодействия между промышленностью и биржей»³³.

Почему же при правильном понимании значения развития биржевой жизни и свободы акционерного учредительства царское правительство продолжало практиковать стеснительные ограничения в этом деле?

В первую очередь потому, что феодально-крепостническое, абсолютистское правительство, стремясь сохранить существующий общественно-политический строй, должно было пытаться сосредоточить в своих руках эффективные средства вмешательства в экономическую жизнь. Настоятельная необходимость в этом в правящих верхах возрастала, по мере того как позиции крупной буржуазии укреплялись и она становилась во главе всей экономики страны. Диктовалось это, во-вторых, и необходимостью (особенно ощутимой в первые пореформенные десятилетия) застраховать привилегированный класс-сословие — крепостников-помещиков от «пагубных» последствий предпринимательства в торгово-промышленной,

железнодорожной и финансовой сферах. Именно дворяне-предприниматели, как правило малосведущие в коммерческих делах и плохо знакомые с положением тех или иных отраслей экономики и состоянием биржи, могли стать, да и становились жертвами спекулятивного кредителства. Правительство ограничительными мерами по предпринимательской деятельности пыталось защитить их от печальных последствий «законных» операций биржевых дельцов и комбинаторов.

Царизм упорно сохранял за владельцами земли их право собственности и на недра. Еще в 50-х годах многие члены комиссии, утвержденной для пересмотра системы податей и сборов, признавали, что при «неограниченном праве частной собственности на недра земли государство не может свободно пользоваться всеми необходимыми для его блага естественными богатствами»³⁴. Однако правительство не решалось ограничить привилегии дворянства, полученные им еще при Екатерине II (28 июня 1782 г.). Значительно больший простор для предпринимательства в горном деле был открыт в 1870 и 1873 гг. лишь в Царстве Польском, где добыча важнейших полезных ископаемых разрешалась теперь и на частных землях без согласия владельцев.

Показательно при этом, что в правительственных кругах понимали отрицательные последствия сохранения частной собственности на недра. В докладной записке министра финансов от 19 апреля 1876 г. говорится: «Нет сомнения в том, что, предоставляя владельцу безусловное право собственности не только на поверхность земли, но и на ее недра, существующий закон во множестве случаев стесняет предприимчивость часто без особой пользы для владельца и всегда в ущерб государству. Эти стеснения особенно ощутительны в каменноугольном и рудоконном деле, и предотвращение их не могло бы не иметь благотворного влияния на развитие у нас этих важных промыслов». Далее предлагалось этот вопрос обсудить в Министерстве юстиции и Министерстве государственных имуществ³⁵.

Очередные обсуждения не изменили положения, хотя с 1887 г. стали действовать правила о частной горной промышленности на свободных казенных землях. «Согласно этому закону, — указывалось в официальном обзоре, — казенные земли, состоящие в ведении управлений госу-

дарственными имуществами или приписанные к казенным горным заводам, за исключением состоящих в бессрочном пользовании (земли посессионных заводов, казацких войск и т. п.), признаны свободными для горного промысла. Для добычи ископаемых отводятся особые площади в размере не более одной квадратной версты каждая... За пользование поверхностью взимается в казну особая оброчная плата»³⁶.

Большого практического значения новый закон иметь не мог, так как в важнейших районах горной промышленности наиболее перспективные территории находились в посессионном владении (Урал) или были собственностью помещиков и владением Войска Донского (Юг России). Поэтому представители предпринимательских кругов все настойчивее добивались отмены или хотя бы ограничения прав землевладельцев на недра. Выражая их интересы, Русское техническое общество в 1879 г. постановило ходатайствовать об установлении более длительных сроков отдачи земель в аренду для разработки полезных ископаемых, признав при этом, что целесообразнее было бы ввести во всех губерниях правила, существующие в Польше³⁷. Особенно эти настроения усилились к концу XIX в. Служащий совещательной конторы железозаводчиков А. П. Кеппен в 1894 г. опубликовал специальную брошюру, в которой утверждалось, что «без абсолютной свободы в розыске и разработке минеральных богатств на чужой земле... в России ни при каких условиях промышленность не может достигнуть известного процветания»³⁸. В 1896 г. Всероссийский торгово-промышленный съезд в Нижнем Новгороде выразил пожелание, чтобы «заботливостью правительства получил скорейшее разрешение сложный, но давно назревший у нас вопрос о правах на недра, от которого зависит успешнейшая разработка наших подземных богатств»³⁹. Под влиянием этих заявлений даже Государственный совет обратил внимание министра земледелия и государственных имуществ на законодательство, действующее в Царстве Польском, как на пример, достойный подражания⁴⁰. Министра в этом убеждать, видимо, не требовалось, ибо А. С. Ермолов в начале декабря 1897 г. писал С. Ю. Витте: «Бурное развитие в последние годы горнопромышленности выдвигает на очередь вопрос о необходимости пересмотра и коренного изменения действующего ныне закона о правах вла-

дельцев поверхности земель, также и на недра их земли. Возвращение к тому началу горной свободы, которое составляло основу нашего законодательства со времени императора Петра Великого и до конца прошлого столетия, несомненно, должно будет послужить мощным стимулом к дальнейшему и еще более широкому развитию горной промышленности»⁴¹. В министерстве был разработан и размножен проект, предусматривавший разведку и разработку полезных ископаемых без согласия землевладельца⁴². Однако влиятельные представители дворянства (М. Е. Врангель, П. П. Дурново, А. Ф. Риттих и др.) усмотрели в этом нарушение исконных прав земледельцев, пустили в ход все свои связи и влияние, чтобы его провалить. Напор был настолько силен, что Министерство земледелия и государственных имуществ 28 января 1902 г. отказалось от дальнейшей работы над проектом, признав нецелесообразным вносить его в Государственный совет. Главное обоснование такого решения сводилось к следующему: «Несомненно, что всякое ограничение прав владельцев на свободное распоряжение недрами их земель и допущение разработки недр без согласия владельцев поверхности усугубило бы и без того тяжелое ныне положение землевладельцев и потому едва ли было бы своевременным»⁴³. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции горное законодательство оставалось неизменным. В одной из записок Горного департамента признавалось: «В России, несмотря на ее колоссальные минеральные ресурсы, использование таковых находится почти в зачаточном состоянии. Причину такого состояния отечественной промышленности нужно искать не только в общем низком уровне нашей материальной культуры, но и в основах нашего горного законодательства. В числе препятствий, стоящих на пути развития русской промышленности, принцип «сохранения прав на недра за владельцами поверхности» является едва ли не первым, подлежащим немедленному устранению»⁴⁴.

Сохранение права собственности на недра служило дополнительным источником обогащения дворян-землевладельцев. Весьма показателен следующий пример. В 1894 г. князь А. С. Долгорукий заключил соглашение с Русско-Бельгийским обществом об условиях продажи Петровского завода и имений на Юге России. За свою собственность Долгорукий потребовал 1 400 тыс. руб. При

окончательном расчете стоимость завода была определена в 150 тыс. руб., а земля (несколько тысяч десятин) — по 175 руб. за десятину (в оценку земли вошла и стоимость недр). Долгорукий помимо этого решил закрепить свои права на недра отдельно. В 1896 г. он добился от правления общества предоставления ему права пользоваться недрами в течение 36 лет за 1 тыс. руб. в год, то есть помимо пакета в 500 тыс. руб. на льготных условиях он получал дополнительно известное количество акций. Подобная практика продажи земли при сохранении прав на недра (путем фиктивной аренды и пр.) на Юге России имела довольно широкое распространение⁴⁵. Право собственности на недра открывало перед землевладельцами-дворянами еще один путь приобщения к предпринимательской деятельности, позволяя им активнее участвовать во вновь создаваемых предприятиях.

Предпринимательская инициатива дворян, в особенности представителей аристократической верхушки, в правительственных верхах пользовалась максимальной поддержкой. В первую очередь привилегии и преимущества давались тем обществам, где знать имела паи и акции. Часто именно с этим «материальным» вкладом они и вступали в новое предприятие. О привилегиях, данных, например, английскому предпринимателю Юзу, уже сообщалось в советской исторической литературе⁴⁶. Можно дополнить, что за Юзом стоял помещик Полтавской губернии «сиятельный» предприниматель князь С. В. Кочубей. Планируя устроить завод для изготовления рельсов, он выдвигает перед правительством ряд условий. Во-первых, добивается премии в размере 50 коп. с пуда рельсов, которая выплачивалась с первых трех миллионов пудов продукции и должна была составить, следовательно, 1,5 млн. руб.; просит разрешить беспошлинный ввоз оборудования для завода и настаивает на ряде других льгот. 12 ноября 1867 г. он получает согласие министра финансов удовлетворить запрашиваемые условия, если в течение 6 месяцев ему удастся составить капитал в 6 млн. франков по предварительной подписке⁴⁷. С этой задачей князь, видимо, успешно справился. Он вошел в Новороссийское общество и принимал в нем деятельное участие⁴⁸. Связи Кочубея в правительственных кругах и придворных сферах позволили обществу получить целый ряд новых значительных льгот. Общество добилось от правительства ссуды

в 500 тыс. руб. для проведения 25 верст железнодорожных путей от завода к Константиновской железной дороге (подряд на строительство которой также получает Юз по явно завышенной оценке). Крупный чиновник Министерства путей сообщения А. И. Дельвиг, знавший подоплеку всей этой истории, писал, что «министр согласился на устройство дороги на предложенном в первом договоре с Юзом тахітїте протяжения и тахітїте поверстной стоимости»⁴⁹. Наряду с этими косвенными дотациями Новороссийское общество получило также одну из первых неуставных ссуд Государственного банка⁵⁰.

Раздача привилегий и преимуществ в горнопромышленном деле даже в XX в. рассматривалась как вполне законная форма материального вознаграждения тех или иных лиц. Показательно письмо-прошение на имя царя известного в свое время журналиста С. Ф. Шарапова. Теоретик реакционнейшего неославянофильства, он через придворного авантюриста князя М. М. Андронникова приобретает известную популярность в царском окружении и даже удостоивается бесед с царем⁵¹. От царских щедрот он получает право на эксплуатацию двух участков нефтеносной земли в Баку. Не имея собственных средств, Шарапов пригласил компаньонов, которым и решил передать свои права на участки. Однако министр торговли и промышленности С. И. Тимашев не разрешил ему эту сделку и передал дело в Совет министров. Тот оценил ее как открытую спекуляцию. Шарапов вынужден был пойти на менее выгодные для себя условия, чтобы несколько прикрыть спекулятивный характер сделки. Все это вызвало его искреннее возмущение. В своем прошении он откровенно заявлял: «Ваша Высочайшая милость давала мне возможность добыть нужные средства из недр земли... Было ясно заранее, что ни делать разведок, ни бурить землю я, конечно, не буду. Это будет исполнено другими лицами и на чужие капиталы»⁵².

Крупные чиновники и высокопоставленные титулованные особы обирали казну и расхищали народное богатство под благовидным предлогом развития торговли, промышленности и железнодорожного строительства. Злоупотребления, связанные с предпринимательской горячкой, в министерских канцеляриях приобрели такой размах, что привлекли внимание III отделения. В 1876 г., в частности, туда поступили сведения, что правитель кан-

целярии министра финансов Кобеко, «по общему уверению, берет и даже вымогает взятки самым беззастенчивым образом». За утверждение условий субсидирования «Общества Черноморского пароходства» он получил, например, 100 тыс. руб. Благодаря его поддержке правление Брестско-Киевской дороги добилось субсидии в 5 млн. Указывалось также, что он участвует в различных операциях таких биржевых деятелей, как И. А. Вышнеградский, В. А. Полетика и др.⁵³ Возникает целая прослойка дельцов-посредников, которые связывают воедино «интересы» влиятельных чиновников из аристократических кругов и крупных предпринимателей. Так, в одном из писем подобного деятеля, перлюстрированном в Департаменте полиции, указывалось, что какой-то важный господин, «который устраивает дело, желает из 1 800 000 получить 1,5 млн.». Автора письма единственно беспокоит вопрос о том, какая же доля останется другим участникам «предприятия», так как и другое важное лицо также просит 300 тыс. руб. В этом же письме сообщается, что известный сахарозаводчик Харитоненко за предоставление ему дворянства соглашается заплатить 200 тыс.; рассказывается о намечающихся новых комбинациях⁵⁴.

Психологию и мораль дельцов пореформенного времени независимо от их сословной принадлежности хорошо иллюстрируют слова И. А. Вышнеградского, сказанные им в начале его предпринимательской деятельности. «Ну, батюшка, — цинично заявлял он, — да казна же на то и создана, чтобы воровать у ней. Кто же ее не обворовывает?»⁵⁵ В конечном итоге все это легализованное казнокрадство покрывалось за счет тех средств, которые выколачивались с трудового населения. В. И. Ленин едко высмеивал «патриотическую» деятельность дворянства по развитию отечественной промышленности и торговли. Он писал в конце января — начале февраля 1901 г., что «в погоне за рублем «высшее сословие» давно уже занимается такими высокопатриотическими делами, как производство сивухи, устройство сахароваренных и других заводов, участие во всяческих дутых торгово-промышленных предприятиях, обивание порогов у представителей высших придворных сфер, у великих князей, министров и проч. и проч. ради добывания концессий и правительственных гарантий для таких предприятий. . .»⁵⁶.

Особый размах хищничество приобрело в железнодорожном строительстве. Во всех капиталистических странах появление железных дорог сопровождалось обогащением кучки дельцов и спекулянтов⁵⁷. В России хищнические черты железнодорожного предпринимательства проявились еще более ярко. От прибыльного дела стремились «урвать» не только выскочки-коммерсанты, но и члены высшего общества, кичившиеся своими родословными, титулами и орденами.

Строительство железных дорог, как отмечал Ф. Энгельс, влекло за собой «создание капиталистической промышленности и революционизирование примитивного земледелия». Развивая эту мысль, он далее подчеркивал, что строительство железных дорог в России оказывало влияние на все стороны народнохозяйственной жизни, стимулируя развитие и укрепление капиталистической промышленности. В результате этого процесса «в короткое время в России были заложены все основы капиталистического способа производства»⁵⁸. В свою очередь это обуславливало укрепление экономических позиций всей крупной буржуазии, усиливающейся по мере становления и развития капиталистических отношений. Кроме того, железнодорожное предпринимательство способствовало баснословному обогащению некоторой части дельцов пореформенной эпохи.

Первые крупные железные дороги в России были пущены в начале 50-х годов (Николаевская, Варшавская). Строились они казной, строились крайне медленно и обошлись очень дорого. Поэтому правительство решило встать на путь поощрения частной предпринимательской деятельности. В 1857 г. создается Главное общество российских железных дорог, которое фактически получило монопольное право на строительство важнейших железнодорожных линий (Петербург — Варшава, Москва — Нижний Новгород, Орел — Курск — Либава). Во главе общества встали иностранные финансисты и представители придворных кругов⁵⁹. Вице-президентом его был князь Д. А. Оболенский. Акционерами являлись многие высшие чиновники и аристократы (в том числе члены императорской фамилии, бывший министр иностранных дел граф Нессельроде и др.). Поэтому Главное общество добивалось все новых и новых льгот от казны⁶⁰. До начала 60-х годов прочим обществам разрешалось строить

лишь дороги местного значения (Царицын — Калач, Москва — Сергиев-Посад и др.). Единственное исключение представляла дорога Москва — Саратов. Членами всех обществ, строивших эти дороги, были обязательно и представители столичного чиновничества, без которых трудно было добиваться тех или иных льгот от правительства. Наряду с В. А. Кокоревым учредителем общества Волго-Донской железной дороги являлся главный инспектор Министерства путей сообщения П. П. Мельников. Первоначально Кокорев рассчитывал построить дорогу без займов, выплата процентов по которым гарантировалась бы правительством. Однако ему не удалось собрать нужного капитала. Поэтому присутствие Мельникова оказалось в высшей степени полезным. При его поддержке была получена правительственная гарантия 4,5-процентной прибыли по ценным бумагам, выпущенным обществом. Московско-Сергиевскую железную дорогу также строили откупщики А. П., Д. П., Н. П. Шиповы, Н. Г. Рюмин и И. Ф. Мамонтов. В качестве специалистов в правление дороги вошли, не вложив капиталов, Ф. В. Чижов и А. И. Дельвиг. Строительство этой дороги в конечном итоге происходило при содействии правительства⁶¹. Главное общество российских железных дорог вело строительство медленно, поверстная стоимость железнодорожного пути оставалась крайне высокой. Заправилы общества, откровенно стремившиеся к обогащению, не выполняли своих обязательств. Деятельность общества непрерывно критиковалась в печати⁶².

В начале 60-х годов правительство возобновляет казенное железнодорожное строительство. На Юге России бригадами штрафных солдат прокладываются Одесско-Балтская и Балтско-Елизаветградская железные дороги. Несмотря на привлечение даровой рабочей силы, стоимость строительства была очень высока: затраты на версту пути равнялись затратам при строительстве Николаевской и Варшавской железных дорог⁶³. Правительство вынуждено было опять пересматривать основы своей железнодорожной политики. Подрядные работы при казенных постройках признаются чрезмерно дорогими, курс берется на развитие концессий. Казенное управление оценивается отрицательно, и принимается решение о «продаже» действующих железных дорог в частные руки.

Вопрос о том, насколько выгоднее были концессии по сравнению с казенным железнодорожным строительством, требует специального изучения с тщательным учетом природных и экономических условий местности, в которых проходило строительство. Однако независимо от результатов такого исследования необходимо обратить внимание на два фактора, имевших, видимо, решающее значение.

Во-первых, казна не имела средств, необходимых для форсирования железнодорожного строительства. Обычным путем (государственных займов за границей) изыскивать их становилось все труднее. Следовало находить новые способы привлечения кредитов зарубежных финансистов. Поэтому развитие получают облигационные займы частных акционерных обществ, распространявшиеся на иностранных денежных рынках. При расстройстве государственных финансов и слабом развитии внутренней кредитной системы в первые пореформенные десятилетия без такого финансирования частные компании в России не могли функционировать. Однако ссудный капитал иностранных банкиров можно было привлечь лишь предоставлением твердых гарантий. Ежегодные проценты и платежи по займам частных железнодорожных обществ гарантировались, то есть фактически выплачивались, правительством. Заграничные финансовые круги получили верный и долговременный источник доходов. Во-вторых, концессионная форма железнодорожного предпринимательства сулила правящей бюрократии и придворным кругам самые широкие возможности обогащения⁶⁴. Если при казенном строительстве наживались сравнительно мелкие чиновники и различные подрядчики, то теперь львиная доля расхищаемых народных средств стала попадать в руки власть имущих и крупных биржевых дельцов.

В железнодорожном деле начинается настоящая вакханалия узаконенных хищений. Известный в свое время знаток истории строительства железных дорог так характеризовал железнодорожный бизнес в России после провозглашения политики широкого поощрения частной инициативы: «...когда видишь, что наши строители железных дорог наживают громадные состояния, что они платят своим агентам министерские жалованья, что жизнь многих изменяется моментально, как только они

коснутся этого золотого руна, невольно удивляешься, как это устраивается, что предприятия, по крайней мере на первое время почти безвыгодные, невозможные без особой поддержки правительства, осыпают предпринимателей баснословными благами»⁶⁵.

Все эти блага были результатом темных махинаций с завышением поверстной стоимости строительства, нарушением технических и проектных норм и пр. Ни получение концессии, ни определение стоимости строительства, ни выдача правительственных гарантий не обходились без поддержки в высших сферах и содействия чиновников Министерства путей сообщения и Министерства финансов. Они и присваивали значительную часть казенных средств. А. И. Кошелев, в 1868 г. хлопотавший о покупке Николаевской дороги компанией московских капиталистов, так характеризует петербургские нравы времен железнодорожного бума: «Взяточничество, личные денежные расчеты, обходы законных путей и проч. дошли в Петербурге до крайних пределов. Всего можно достигнуть, и вместе с тем в справедливейшем, в законнейшем можно получить отказ... Безнравственность, бесовскость и бессмыслие высшей администрации превзошли все мошенничества и нелепости губернских и уездных чиновников»⁶⁶.

Значительные выгоды от введения новой системы железнодорожного строительства имели аристократические семейства. Они далеко не ограничивались добродетельными приношениями лиц, заинтересованных в поддержке. Вся сложившаяся практика организации железнодорожного дела становится источником непрерывных доходов. Об этом наглядно свидетельствует, например, история с продажей Николаевской дороги. Конкурентами при покупке дороги выступали Главное общество, прусская компания, английский предприниматель Уайненс и Московское товарищество, во главе которого стояли князь А. А. Щербатов, И. А. Лямин, И. Ф. Мамонтов, Н. Г. Рюмин, Д. П. Шипов, Ф. В. Чижев, Т. С. Морозов, В. А. Полетика, А. И. Кошелев и другие, объединившее более 90 русских (не только московских) капиталистов⁶⁷. Вскоре основная борьба разгорелась между Главным обществом и Московским товариществом. Последнее предложило выгодные условия, обязуясь собрать 15-миллионный капитал без правительственной гарантии. Преимущества

такого предложения вынужден был признать даже министр финансов⁶⁸. В конечном же итоге не без вмешательства самого Александра II, утвердившего мнение меньшинства Комитета министров, предпочтение было дано Главному обществу. Впоследствии министр финансов Рейтерн оправдывал такое решение необходимостью поддержать стоимость акций Главного общества, в котором, как уже отмечалось, были заинтересованы различные влиятельные лица и иностранные банкиры⁶⁹. Решение это вызвало большое возбуждение в торгово-промышленных кругах. Видимо, стремясь заглушить недовольство, министр финансов сразу же заявил, что готов вознаградить московских капиталистов уступкой им Московско-Курской дороги⁷⁰. Приложив некоторые усилия, они действительно получили эту дорогу в свои руки.

Что касается Николаевской, Одесской и Киевско-Жмеринской дорог, то передачу их частным компаниям, по признанию А. И. Дельвига, нельзя считать продажей. Новые владельцы не заплатили никакой наличной суммы. Более того, правительство не получило даже процентов с затраченного на строительство капитала, что требовалось даже в том случае, если бы дороги были переданы просто в эксплуатацию⁷¹. Показательны условия «продажи» Николаевской дороги. Она передавалась Главному обществу на правах полной собственности на 83 года и 4 месяца. Правление обязывалось усовершенствовать дорогу. Для производства работ правительство отпустило 13 250 тыс. руб. За эксплуатацию дороги общество должно было выплачивать ежегодно 7,2 млн. руб. и, кроме того, в первые 10 лет 75% чистого дохода (в последующие годы — 50%). Как показывает отчет общества за 1870 г., почти весь доход перечислялся в казну⁷². В действительности перечисляемые суммы оставались у владельцев акций и облигаций, ибо доход по ним гарантировался той же казной.

Огромные выгоды от подобных условий извлекали и зарубежные дельцы. Англичанину Уайненсу удалось скупить пай Главного общества на 5 млн. руб., и через подставных лиц он стал контролировать это предприятие. На железнодорожном деле в России он нажил миллионы⁷³.

Следует заметить, что и московские капиталисты, которым потребовалось изыскать значительные средства на

покупку Московско-Курской железной дороги, все же не остались в накладе. Им пришлось изрядно поволноваться, преодолевая конкуренцию других дельцов. По свидетельству А. И. Дельвига, находившегося в тесной дружбе с председателем компании Ф. В. Чизовым, к тому трижды обращались разные лица, требуя миллион за поддержку при проведении дела. А после отказа принять в дело дельца Губонина стали требовать уже 1,5 млн.⁷⁴ При активном содействии будущего министра финансов А. А. Абазы, получившего за свою протекцию 2 части из 14 в деле на имя своего родственника Н. Д. Бостанджогло, московские компаньоны успешно завершили сложную комбинацию⁷⁵. В компанию вошли Ф. В. Чижев, М. А. Горбов, Т. С. Морозов, А. Н. Мамонтов, И. Ф. Мамонтов, И. А. Лямин, К. Т. Солдатенков, С. И. Садиков, Д. П. Боткин, П. М. Третьяков и В. Н. Рукавишников. «Своих» средств они почти не вкладывали. На первоначальные расходы каждый внес по 5 тыс. руб. Все участники получили равные доли, за исключением Ф. В. Чижева, разработавшего финансовую комбинацию и использовавшего для осуществления дела свои связи в верхах. Он, как и Абаза, получил две доли. Московская компания приобрела акции дороги на 18 264 тыс. руб. и должна была уплатить на льготных условиях 16 млн. руб. Облигации дороги на сумму почти 60 млн. остались у правительства. Деньги на покупку акций были получены от братьев Беринг в Лондоне и «Гоппе и К^о» в Амстердаме⁷⁶. Долг иностранным банкирам постепенно покрывался за счет эксплуатации дороги, и при этом выдавали даже дивиденд (помимо жалованья директорам правления). Затем при выкупе дороги в казну в 80-е годы за каждую часть владельцы получили более 3 млн. руб. Так, Ф. В. Чижев, не имевший до этого никакого состояния, оставил после своей смерти более 6 млн. руб.⁷⁷

Особенно большой спекулятивный ажиотаж возник при предоставлении концессий на некоторые южные дороги. Концессии на Кавказскую дорогу добивались, например, некий Фалькенгаген, поддерживаемый министром путей сообщения В. А. Бобринским; Поляков, поддерживаемый наместником Кавказа великим князем Михаилом Николаевичем, и Ефимович, являвшийся протекцией фаворитки Александра II княжны Долгорукой. Поляков, подкупивший высших чиновников наместничества, обещал

Долгорукой больше, чем Ефимович. Но лучшие условия в министерстве были предложены Фалькенгагенем, и ему Комитет министров передал концессию. Однако царь на журнале Комитета министров наложил резолюцию: «Пересмотреть вновь, чтобы отдать Полякову». Тогда всесильный шеф III отделения П. А. Шувалов, поддерживавший Бобринского, потребовал от Полякова подтвердить или опровергнуть слухи, распространявшиеся в Петербурге, что он дал взятку на 7 млн. руб. Тот написал, что Е. М. Долгорукой было обещано 3,5 млн. и должностным лицам на Кавказе (включая и великих князей) еще 3,5 млн. руб. Располагая таким документом, Шувалов разрушил всю комбинацию, поставив царя перед необходимостью отказать Полякову. Было принято «нейтральное» решение. Концессию передали новому претенденту — Штейнгелю (за ним стоял министр императорского двора Адлерберг, а значит, и те же представители правящей династии)⁷⁸. Члены царской семьи и сам император держали 70% акций дороги. Министерство императорского двора распоряжалось делами нового общества⁷⁹.

Концессии на новые дороги брались в Петербурге с бою, в ожесточенной борьбе конкурентов, поддерживаемых различными влиятельными сановниками, фаворитками великих князей и самого Александра II. Российский самодержец активно вмешивался в железнодорожные дела, но не в интересах государства, а в интересах своих приближенных, давая им наживаться около железнодорожного грюндерства. Весьма неприглядной оказалась роль царя и при выдаче концессий на Севастопольскую и Конотопскую дороги. За первую, отданную по его приказу Губонину, брат фаворитки М. Долгорукий за свое ходатайство получил 800 тыс. руб. Помимо этого 100 тыс. руб. были получены самой княжной через императора, взявшего деньги у Шувалова⁸⁰. Не столь успешной оказалась передача Конотопской дороги, обещанной Е. М. Долгорукой Ефимовичу. На эту концессию претендовал и Мекк, привлечший в компанию фельдмаршала князя А. И. Барятинского, имевшего большие связи при дворе. По словам самого Барятинского, за проведение концессии доверенное лицо Долгорукой Шебеко запросила с него 1,5 млн., а он соглашался лишь на 700 тыс. руб.⁸¹ Вероятно, для Мекка дело кончилось бы

полной неудачей, если бы ему не помогли... конкуренты. Хвастая своими успехами не только в Петербурге, но и в Берлине, они утверждали, что получают концессию «по ценам ими произвольно назначаемым», и действительно, заявили цены на 23% выше своих конкурентов. Это заставило министра путей сообщения А. А. Бобринского 16 апреля обратиться с всеподданнейшим докладом, в котором обосновывался отказ от предложения Ефимовича и его компаньона Вейкерегейма. Царь вынужден был вынести следующую резолюцию: «Приказание, отданное мною графу Влад. Бобринскому (предшественнику А. А. Бобринского на посту министра. — В. Л.), насчет предоставления концессии Ефимовичу и Вейкерегейму и Губонину было основано на заявлении, которое я имел от них, в готовности принять все условия правительства, но у меня нет и не может быть никаких привилегированных личностей»⁸². Концессию закрепили за Мекком, в эту компанию вошел и Барятинский, который признавал, что вручил Мекку каких-то 20 тыс. руб. и что для Мекка «несравненно дороже» было его «нравственное участие»⁸³.

В воспоминаниях чиновников и царедворцев приводятся сведения о наиболее разительных фактах хищничества эпохи первоначального накопления. Каждая железнодорожная концессия — в той или иной мере яркий тому пример. Средняя поперстная стоимость железнодорожного пути в 70—80-е годы составляла от 40 тыс. до 60 тыс. руб.⁸⁴ О степени завышения стоимости можно судить хотя бы по тому факту, что Закаспийская железная дорога, строившаяся в безводной и безлюдной степи, обошлась в 17,5 тыс. руб. за версту. Примечательно, что это обстоятельство вызвало неудовольствие строителем дороги Анненковым в Министерстве путей сообщения⁸⁵. Один из крупнейших железнодорожных дельцов России П. Г. Дервиз в письме к Победоносцеву от 26 мая 1881 г. без излишней скромности заявлял о своей «безусловно полезной» и «безусловно честной» деятельности. Вместе с тем он признавал: «Приходится краснеть перед моими детьми при мысли, что я принадлежал к той сфере, в которой ныне они видят вертеп разбойников». Как бы подводя итог своим размышлениям по поводу ревизии железных дорог, только что проведенной правительством, он заявлял: «Я пришел к убеждению, что в России не

может быть того честного и способного человека, который бы не соблазнился лёгкой возможностью пожить-ся на счет казны»⁸⁶.

Завышенные оценки стоимости строительства и прочие формы узаконенного казнокрадства обуславливали бездоходность дорог, что при правительственных гарантиях всей своей тяжестью ложилось на государственный бюджет. Министр финансов Н. Х. Бунге 20 сентября 1880 г. докладывал, что казначейство до 1880 г. уплатило уже 300 млн. руб. гарантии, в том числе с 1871 по 1 августа 1880 г. (за 9,5 лет) — 277,5 млн. руб., а за 5 последних лет — 170 млн., или в среднем по 34 млн. руб. в год⁸⁷. Значительная часть этих огромных средств попадала к иностранным владельцам облигаций, к аристократам — держателям акций, которые расходовали их на непроизводительные цели и в основном за пределами России. Накопление капитала в стране, следовательно, далеко не соотноствовалось тем огромным средствам, которые выкачивались через железнодорожное строительство из государственных финансов. К железнодорожному грюндерству была причастна лишь небольшая кучка дельцов-предпринимателей. Сколько-нибудь значительные слои отечественной буржуазии не смогли приобщиться к этому хищничеству. Поэтому в записке купечества, торгующего на Нижегородской ярмарке в 1887 г., высказывалось пожелание, чтобы «впредь русские дороги строились на русские капиталы и из русских материалов»⁸⁸.

Бесспорно, что создание широкой сети железных дорог способствовало развитию капитализма в России, строительству новых и расширению старых предприятий, сосредоточению денежных капиталов в руках крупных финансистов, заводчиков, фабрикантов, торговцев. Однако вся практика железнодорожного строительства и эксплуатации железных дорог в известной степени сковывала развитие капиталистических отношений. Перекачивая с помощью железнодорожного строительства огромные средства верхушке привилегированного дворянства, правительство объективно замедляло аккумулялирование капиталов на чисто буржуазной основе, ограничивало свободу предпринимательской инициативы.

Развитие капиталистической промышленности в России сдерживалось и ввиду отсутствия в стране современ-

ного фабрично-заводского законодательства, и в первую очередь законодательства о фабрично-заводском труде. Фабрично-заводская жизнь в 60—70-е годы регламентировалась на основе устаревших законодательных норм, появившихся еще при крепостном праве. Не случайно Н. Х. Бунге в записке Александру II о мерах к подъему народного хозяйства России писал 20 сентября 1880 г.: «Обращаясь к средствам для содействия обрабатывающей промышленности, заводским и торговым предприятиям, нельзя не признать, что от правительства требуется для сего не столько материальная помощь, сколько установление лучшего порядка посредством издания законов, примененных к современному развитию народного хозяйства. Россия отстала от всей Западной Европы в этом отношении почти на полстолетия, Россия не имеет законов, регулирующих наемный труд...»⁸⁹ Появившиеся вскоре законы о фабрично-заводском труде являлись лишь первыми шагами в этом направлении. Они далеко не охватывали важнейших сторон фабрично-заводской жизни, а при решении многих вопросов отдавали дань старым традиционным нормам. Бесправное, приниженное положение рабочих в России, в массе своей неграмотных, отражалось на культуре производства, предопределяло, несмотря на жесточайшую эксплуатацию, низкую производительность труда.

Отрицательное воздействие на развитие торгово-промышленного предпринимательства имели и некоторые «частные» причины. Так, например, в Средней Азии с 1866 г. приобретение недвижимой собственности (земли, строений и пр.) разрешается лишь коренному населению и предпринимателям православного вероисповедания. На Нижегородской ярмарке 1886 г. купцы-мусульмане татарского происхождения, торгующие в Ташкенте, просили ярмарочный комитет ходатайствовать об отмене этого ограничения⁹⁰. Однако просьбы эти не имели успеха. Стеснения еще более усиливались. В соответствии с законом от 29 ноября 1893 г. приобретение земель и прочего недвижимого имущества в Туркестанском крае разрешалось таким обществам и товариществам, акционерами которых могли состоять лишь православные русские подданные и местные уроженцы. Подобные ограничения, без сомнения, тормозили развитие промышленности и торговли. Так, в 1892 и 1893 гг. текстильное

акционерное общество Познанских (в Польше) добивалось разрешения приобрести недвижимую собственность в Туркестане (без чего невозможно было построить собственные хлопкоочистительные заводы), но оба раза потерпело неудачу. В третий раз Познанские возбудили ходатайство в 1897 г. (после разъяснения к закону 1893 г., позволявшего Комитету министров просить специального царского указа). Переписка Военного министерства, Министерства финансов и туркестанского генерал-губернатора по поводу ходатайства тянулась несколько лет. В апреле 1900 г. в Военном министерстве была даже составлена справка в благожелательном духе. Однако окончательно вопрос был разрешен лишь в 1905 г., когда правительство наконец-то утвердило устав созданного Познанскими акционерного общества «Хлопок», в котором приняли участие и петербургские фабрики⁹¹.

Царские власти иногда закрывали даже действующие предприятия, если при их основании был нарушен существующий закон. В 1891 г., например, акционерное общество фабрик в селе Заверце (Польша) построило хлопкоочистительный завод, а в 1894 г. сенат лишил общество права эксплуатировать это предприятие. С августа 1894 по ноябрь 1897 г. завод бездействовал. После продолжительных хлопот владельцам, среди которых были графы Велепольские и Бранницкие, удалось добиться специального царского указа, отменившего решение сената. Даже в уставы московских предприятий царские чиновники добивались включения пункта, запрещающего продажу паев в руки евреев и иностранцев. Но московские фирмы стремились как-то избавиться от этих правил. Так, товарищество Э. Циндель, например, в 1898 г. просит разрешения приобрести небольшой участок земли для открытия отделения в Средней Азии. Вопрос решился положительно только в 1900 г. Аналогичное ходатайство Прохоровской мануфактуры в 1898 г. военный министр отклонил⁹².

Подобные ограничения в определенной степени способствовали развитию местной буржуазии, которая издавна выступала в роли посредника, комиссионера и агента крупной торгово-промышленной буржуазии России. Многие местные скупщики хлопка (Вадьяевы, Давыдовы, Яушевы и др.) начинали как торговцы мануфак-

турными изделиями, а затем стали заниматься скупкой и переработкой хлопка на собственных хлопкоочистительных заводах⁹³. Представители московских торгово-промышленных кругов были весьма заинтересованы в более свободном развитии в Средней Азии предпринимательской деятельности местных торговцев, среди которых преобладали бухарские евреи. Они единодушно поднялись на защиту последних, когда в 90-е годы XIX в. Военное министерство намеревалось ограничить их права. Они откровенно признавали, что предполагаемое запрещение торговой деятельности бухарских евреев в Средней Азии отразится на их собственных коммерческих интересах. Крупный капиталист и московский городской голова Н. А. Алексеев, разъясняя причины заинтересованности мануфактуристов в коммерческих операциях бухарских евреев, заявлял в беседе с вице-директором Департамента торговли и мануфактур В. А. Тимирязевым, что «отсутствие свободных денежных средств у среднеазиатских торговцев, состоящих, за редким исключением, из мелких капиталистов, создало в этих местностях торговлю, всецело основанную на системе постоянного кредита со стороны фабрикантов». Министр финансов С. Ю. Витте поддержал ходатайство московских капиталистов и отрицательно оценил проект военного министра. Витте удалось сначала добиться отсрочки решения этого вопроса, а затем и снятия его⁹⁴.

Таким образом, если складывание крупной буржуазии в класс являлось составной частью процесса развития капитализма, то политика царизма в сфере промышленности, торговли, финансов и железнодорожного строительства в пореформенные годы благоприятствовала экономическому укреплению предпринимателей. В свою очередь капиталисты были кровно заинтересованы в благополучии, процветании и сохранении российского абсолютизма — источника особых себе привилегий и льгот. Повседневное сотрудничество с представителями придворных кругов, зависимость от правительственной поддержки вырабатывали особый тип предпринимателей-дельцов с ограниченным классовым кругозором и мировоззрением. В то же время практика мелочной опеки ведомств и местных властей в вопросах торгово-промышленной жизни давала возможность прибегать к мерам

как экономического, так и административного воздействия и давления на капиталистов. Это создавало перманентную потенциальную угрозу стабильности положения тех или других групп крупной буржуазии; порождало неуверенность за будущее. Начинал действовать один из факторов, усиливавших недовольство в торгово-промышленной среде, на почве которого было возможно проявление признаков классового самосознания.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ БУРЖУАЗИЯ И ЕЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Численность, состав и облик крупной буржуазии

Развитие промышленности и торговли после 1861 г. сопровождалось вовлечением в сферу предпринимательской деятельности различных сословий. В государственных и городских переписях сведения о составе населения давались именно на основе сословного деления. В них отсутствуют какие-либо прямые обобщающие материалы о численности крупной буржуазии. Особенно трудно выявить количество «обуржуазившихся» помещиков, которых можно отнести к классу крупных капиталистов. Эти обстоятельства объясняют отсутствие точных цифровых сведений о численности крупной буржуазии в пореформенные годы. Тем не менее на основе данных о купеческих капиталах I и II гильдии * представляется возможным выявить некоторые количественные изменения, определить те слои населения, которые следует рассматривать в качестве представителей класса капиталистов, их удельный вес в социальной структуре общества.

Особый интерес представляют сведения об изменении численности и состава купечества в крупнейших торгово-промышленных центрах. Рост промышленности в Москве,

* Сословная организация общества и интересы фиска обуславливали особое внимание не к количеству капиталистов, активно занимавшихся предпринимательской деятельностью, а к «капиталам», с которых (в зависимости от гильдии) взимались соответствующие сборы.

превращение ее в важнейший торгово-промышленный центр России сопровождалось поступательным увеличением купеческих капиталов. По данным Московской купеческой управы, в 1819 г. было учтено 1774 купеческих капитала, в 1827 г. — 2876, в 1833 г. — 3100, в 1846 г. — 3180, в 1856 г. — 4035, в 1863 г. — 4753 (по I и II гильдиям) ¹. Эти изменения за 46 лет не дают еще точного представления о росте буржуазии и социальных изменениях в сфере московского купечества, ибо (в особенности до 1861 г.) за каждым объявленным капиталом скрывалось несколько активно действующих лиц одной семьи. По данным переписей, в 1852 г. в Москве имелось 13 943 лица купеческого звания, в 1871 г. — 29 222. В последующие годы обнаруживается тенденция к сокращению: в 1882 г. — 22 916, в 1897 г. — 19 491. А. С. Нифонтов, оценивая этот факт, справедливо указывает на переход значительной части крупных купцов, получавших соответствующие звания, в категорию почетных граждан, которая особенно увеличилась с 1882 по 1897 г. (с 9223 человек до 21 603) ².

Однако в тенденции заметного сокращения численности купеческого сословия следует учитывать и другие факторы. Разложение купечества как сословия началось еще до реформы 1861 г. Среди купцов III гильдии были и такие, которые не занимались никакой предпринимательской деятельностью. Часто, чтобы избежать рекрутской повинности, записывались в купечество большими семьями, а для взноса гильдейских пошлин собирали последние гроши ³. Упразднение III гильдии в 1863 г. имело, видимо, цель укрепить купечество, очистив его от посторонних элементов. Однако и эта мера не могла приостановить разложение купеческого сословия. В результате реформы 1874 г., отменившей освобождение от военной службы, часть купцов II гильдии фактически порывает сословные связи. Многие купцы, отходившие от торгово-промышленной деятельности, и своих детей готовят к иному поприщу. В фонде Московской купеческой управы сохранилось значительное количество дел с прошениями об увольнении детей купцов II гильдии из купеческого оклада: «для поступления на военную службу», для занятий «по ученой части» (в гимназии, университеты и институты), для определения на службу. Часто перед купеческим обществом ходатайствуют об обучении

своих детей за его счет ввиду «многосемейности и крайней бедности»⁴.

К концу 60-х годов количество просьб и ходатайств «об увольнении из купечества» возрастает. Бывшие купеческие дети становятся чиновниками, юристами, врачами, землемерами, инженерами, мастерами, домашними учителями и даже хористами, вольными художниками и т. д. Отцы их и они сами обращаются с прошениями о выходе из купеческого общества⁵.

В пореформенные годы увеличивается количество «коллективных» купцов I гильдии. Владельцы крупнейших коммерческих банков и торгово-промышленных предприятий оформляют свидетельства I гильдии не на себя лично, а на предприятия. В Москве в 1881 г. таких свидетельств было выдано около 60, включая 4 московских банка, Прохоровскую Трехгорную, Богородско-Глуховскую, Кренгольмскую мануфактуры. Кроме того, было зарегистрировано более 30 подобных «иногородних» свидетельств (Волжско-Камского банка, Большой Ярославской мануфактуры, товарищества С. Морозова). Показательно, что их владельцы (Морозовы, Прохоровы, Кнопы и др.) персонально не значатся в списках московских купцов I гильдии. Численность купеческих свидетельств I гильдии в Москве увеличилась к 1881 г. до 664, но по этим данным нельзя составить правильного представления о количестве крупных капиталистов⁶. Дело в том, что семьи Морозовых, Прохоровых и другие разрастались, под одной вывеской действовало несколько самостоятельных крупных предпринимателей, имевших значительные капиталы. К концу XIX в. это явление получает еще большее распространение⁷.

Заслуживает внимания тот факт, что среди промышленников наряду с представителями старых купеческих династий еще перед реформой 1861 г. появились выходцы из крестьян, мещан, цеховых ремесленников. Предпринимателями становились иностранные коммерсанты и российские дворяне⁸. По утверждению А. С. Нифонтова, в 1873 г. менее половины московского первогильдейского купечества принадлежало к сословию до реформы, а большая часть его приписалась к гильдии уже в пореформенные годы (среди них 10 дворян, 8 бывших крестьян и около 60 иностранных подданных)⁹. Как показывает

М. Л. Гавлин, в 1870 г. представители дворян, офицерства и чиновничества имели 28 капиталов I гильдии (4,8% от их общего числа), а в 1898 г. — только 18 (1,9%). В числе дворян-предпринимателей, получивших купеческие свидетельства, — граф А. П. Бобринский, князь С. М. Голицын, И. С. Мальцев, К. О. Мекк¹⁰. Число представителей высшего сословия в московском купечестве постепенно сокращается. Отчасти это происходит в связи с получением купеческих свидетельств предприятиями (обществом Белорецких железоделательных заводов, например)¹¹. По переписи 1882 г., среди потомственных дворян Москвы около 500 человек владело фабриками и заводами и другими промышленными предприятиями, а 234 — торговыми заведениями. Крупных же предпринимателей среди них было совсем немного, как отмечает А. С. Нифонтов, всего несколько десятков фабрикантов, заводчиков и купцов¹².

Активной предпринимательской деятельностью в Московском промышленном районе в середине столетия занимались, в частности, братья Шиповы. Они происходили из старинной дворянской семьи, имевшей земли в Московской, Костромской и других губерниях. Д. П. Шипов был в 1858 г. полковником, А. П. Шипов — действительным статским советником и Н. П. Шипов — статским советником. Они первоначально занимались винными откупами, а в 1858 г. приобрели с торгов два горных завода Баташевых (Илевский и Вознесенский). Несколько ранее Д. П. Шипов основал в Костроме механический завод, на котором в 1858 г. был спущен первый железный пароход. Затем Шиповы учредили пароходную компанию «Дружина» и компанию Норской мануфактуры. Им же принадлежала инициатива строительства Московско-Сергиевской железной дороги. С помощью Ф. В. Чижова они привлекли к этому делу Д. Г. Рюмина, И. Ф. Мамонтова¹³. Разносторонняя торгово-промышленная деятельность заставила потомственных дворян «окупечиться» и формально. А. П. Шипов, являвшийся кинешемским купцом I гильдии, становится председателем Московского отделения Мануфактурного совета, а затем Нижегородского ярмарочного биржевого комитета¹⁴. Семья Шиповых — интересный пример предпринимательской деятельности дворян в эпоху первоначального накопления капитала. Они обнаруживали заинтересованность по всем

направлениям, где можно было получить какую-либо материальную выгоду.

Большой приток в купечество наблюдался из низших сословий — мещан и крестьян. В Центральной России процесс этот начался еще до реформы, когда предприниматели-крестьяне выкупались от своих помещиков на волю и записывались в купечество (Морозовы, Гарелины и пр.). После реформы бывшие владельцы «светелок» и раздаточных контор, строившие фабрики в сельских местностях Московской, Владимирской, Костромской и Ярославской губерний, становились купцами I гильдии или выбирали свидетельства на свои предприятия. Особенно возрастает число крестьян-предпринимателей во II гильдии. Если в Москве в 1870 г. «крестьяне» получили одно свидетельство I гильдии (0,5%), то в 1898 г. — 21 (2,2%), по II гильдии соответственно было получено 488 свидетельств (10,6%) и 1452 (24,8%)¹⁵.

В период бурного промышленного и железнодорожного грюндерства пополнение купечества из других социальных слоев усиливалось не только в Москве, но и в других экономических районах страны. В Петербурге наблюдались те же тенденции. В 1864—1865 гг. в городе и губернии было выдано 477 купеческих свидетельств I гильдии и 5358 — II¹⁶. В 1881 г. их количество соответственно составляло 1102 и 9817¹⁷. Еще в конце 60-х годов среди владельцев текстильных предприятий в Петербурге насчитывалось 2 дворянина, 35 купцов, 69 мещан, 35 крестьян. Хозяевами предприятий по обработке металла были 18 дворян, 45 купцов, 257 мещан и 192 крестьянина¹⁸. Бесспорно, что преобладающая часть этих заведений являлась мелкими полукустарными мастерскими, но также бесспорно и то, что выходцы из разных сословий встали на путь промышленного предпринимательства.

Особенно значительное количество дворян-предпринимателей концентрировалось около Киевской биржи. В тех или иных комиссиях, создававшихся при бирже, всегда присутствовали их представители (графы В. А. Бобринский, В. А. Бранницкий, А. А. Потоцкий и др.)¹⁹.

В новом горнопромышленном районе Юга России крупная буржуазия также складывалась из различных социальных элементов. На первом этапе развития каменноугольной промышленности в западной части Донбас-

са заметно преобладали помещики-шахтовладельцы. В 1862 г. здесь из 20 крупных разработок 14 принадлежали местным землевладельцам И. Г. Иловайскому, В. П. Рутченко, П. А. Карпову, которые к концу XIX в. стали крупными капиталистами, и др. В 1882 г. из 41 владельца шахт, присутствовавших на VII съезде горнопромышленников Юга, 17 являлись помещиками. Горнопромышленниками становились и крупные дельцы, записанные в купечество. Так, например, А. К. Алчевский в начале своей деловой карьеры имел лишь скромный чайный магазин в Харькове. Занявшись финансовыми операциями, он основывает в Харькове торговый и земельный банки. Нажив значительные средства на спекуляциях, часть их в середине 70-х годов он вложил в угольную промышленность и металлургию. Другой крупнейший железнодорожный делец и финансовый комбинатор своего времени, С. С. Поляков, контролировал общество «Южнорусская каменноугольная промышленность» — в то время крупнейшее предприятие в Донбассе. Некоторые специалисты — горные инженеры, выходцы как из дворянской, так и разночинской среды (Горлов, Ауэрбах, Авдаков, Дитмар и др.), начиная со скромного участия в предприятиях, где они работали, к началу XX в. становятся крупными капиталистами. Среди горнопромышленников западной части Донбасса встречались и разбогатевшие крестьяне (Древацкий)²⁰.

В восточной части Донбасса, расположенной на территории Войска Донского, состав торгово-промышленной буржуазии был иным. Здесь в 60—70-е и отчасти в 80-е годы наблюдалось преобладание выходцев из казаков и иногородних. В 1876 г., например, казаки составляли 71,6% владельцев предприятий, в 1882 г. — 69,6, в 1894 г. — 53,4%; крестьяне соответственно — 12,4; 15,9; 26,5%. Утрата казачеством преобладающего влияния в торгово-промышленной жизни наметилась в 80-е и окончательно определилась в 90-е годы, когда возникли новые крупнейшие шахты, принадлежавшие купцам и акционерным обществам. Казачья буржуазия сохранила лишь мелкую торговлю, кустарные промыслы и шахты. Разбогатевшие казаки отрываются от Войска и переходят в купечество²¹. Количественное увеличение купечества к концу XIX в. наблюдалось и в Сибири, в основном за счет выходцев из мещан и крестьян²².

К крупной буржуазии следует отнести и владельцев доходных домов в больших городах. Они имелись среди различных сословий²³. Так, потомственный почетный гражданин Беляев, имевший ценных бумаг на 269 700 руб., основную часть капитала вложил в 8 доходных домов в Петербурге, оценивавшихся в 771 254 руб. Граф П. А. Шувалов в конце XIX в. основную часть состояния вложил в 6 домов в Петербурге, имевших страховую стоимость 2 562 700 руб.²⁴ Огромные доходы приносили жилые дома и земельные участки в Петербурге и Москве таким крупнейшим землевладельцам России, как Шереметевы, Юсуповы, Белосельские-Белозерские и др.²⁵

В промышленных городах в 80-е годы складывается прослойка держателей государственных ценных бумаг, акций торгово-промышленных предприятий и банков, облигаций железных дорог и пр. В Москве в 1882 г. насчитывалось 1600 рантье из купеческого звания, 889 рантье крестьянского происхождения, многие дворяне жили за счет ренты²⁶. Наиболее значительным удельный вес дворян-рантье был в Петербурге. (Весьма показательны данные, относящиеся к более позднему времени. В 1910 г. из 137 825 дворян, учтенных в Петербурге, 67 557 жили за счет доходов с ценных бумаг²⁷.) Как свидетельствуют материалы Петербургской и Московской палат о наследствах, мелкие рантье в конце XIX в., имевшиеся среди различных сословий, на свои доходы могли вести весьма скромный образ жизни²⁸. Стоимость состояний крупных держателей государственных и прочих ценных бумаг определялась весьма внушительными суммами. Так, граф Н. В. Адлерберг, не имевший недвижимого имущества, в 1892 г. оставил процентных государственных бумаг на 626 114 руб. Граф И. Д. Делянов, также не располагавший недвижимым имуществом, оставил ценных бумаг на 216 500 руб. В. Ф. Голубев, дед которого был дьяконом, а отец, став полковником, получил потомственное дворянство в 1842 г., оставил состояние, превышавшее 4 млн. руб.²⁹ Большое состояние получили наследники бывшего шталмейстера императорского двора В. В. Апраксина. Стоимость его заповедного имения составляла 218 750 руб. Приобретенные земельные владения оценивались суммой около 33 тыс. руб., а ценные бумаги превышали 3,3 млн. руб. Среди них преобладали 4%-ные облигации Курско-Харьковской железной дороги³⁰. Круп-

нейший латифундист России А. Д. Шереметев, имевший 29 поместий с 226 100 дес. земли, в 1894 г. располагал ценными бумагами на сумму 7 578 700 руб. Значительный пакет ценных бумаг имел и его брат С. Д. Шереметев. В советах, правлениях и ревизионных комиссиях частных коммерческих банков аристократические круги и титулованное дворянство были широко представлены³¹.

Бесспорно, дворяне — крупные держатели ценных бумаг — в значительной, а иногда и в преобладающей степени имели буржуазный источник доходов. Появляется и прослойка, хотя, видимо, еще незначительная, помещиков-предпринимателей, пытавшихся организовать свое деревенское хозяйство на капиталистической основе. Но они оставались представителями высшего сословия, имевшего особые привилегии, что не могло не отдалять их от основной части крупной буржуазии. В России наблюдалось положение, которое Ф. Энгельс отметил для Германии 60-х годов: «Здесь еще сохранилось от прежних феодальных и послефеодальных отношений множество общественных элементов, которые, так сказать, затемняют общественную среду (medium) и лишают социальный строй Германии того простого, ясного, классического характера, которым отличается стадия развития Англии»³². В. И. Ленин подобные элементы называл мастодонтами, ихтиозаврами, допотопными хищниками, хищниками крепостнической эпохи³³.

Можно предположить, что количество дворян-купцов и купцов II гильдии, которых безоговорочно нельзя отнести к крупной буржуазии, было не менее крупных рантье и домовладельцев, не получавших гильдейских свидетельств. В 1881 г. всех купеческих свидетельств I гильдии было выбрано в России 5755, а II гильдии — 90 574 годовых и 4405 полугодовых. Принимая два полугодовых свидетельства за одно годовое, в общей сложности получим около 97 тыс. купеческих капиталов³⁴. Если учесть, что за многими свидетельствами, выбранными банками и крупными предприятиями, стояло несколько капиталистов, и если иметь в виду, что русские купеческие, а тем более богатые «крестьянские» семьи были, как правило, многочисленными, то можно признать, что каждое купеческое свидетельство распространялось не менее чем на 8—10 человек. Это дает основание определить общую

численность крупной буржуазии в начале 80-х годов в 800 тыс. — 1 млн. человек.

Следует также заметить, что среди крупной буржуазии заметно выделяется сравнительно незначительная прослойка богатейшего, по преимуществу первогильдейского купечества, ведущего биржевую торговлю. На заседании выборных московского купечества 6 сентября 1872 г. при обсуждении вопроса о финансировании строительства здания биржи присутствующие достаточно четко отличали купеческую верхушку от основной массы купечества. Активный участник собраний выборных Н. П. Ланин утверждал, что около 700 человек, принимающих участие в бирже, «приводят в движение гораздо значительнейшие капиталы, нежели большинство, ведущее внутреннюю торговлю». Представители биржевого купечества наряду с этим указывали, что и среди купцов II гильдии есть богатые капиталисты (фабриканты и заводчики), которые имеют дело на бирже и извлекают от этого выгоду³⁵. Можно допустить, что в целом по стране соотношение богатейшего купечества и основной его массы было таким же, как и в Москве. Следовательно, численность этой части буржуазного сословия в начале 80-х годов составляла, видимо, около 50—60 тыс. человек.

Дальнейшее развитие промышленности и торговли в конце XIX в. должно было обусловить количественное увеличение крупной буржуазии. Именно в это время появляются новые значительные состояния (особенно в Донбассе, в Баку и в Сибири), с крупным капиталом сливается верхушка буржуазной технической интеллигенции, расширяется прослойка рантье. К концу XIX в. слои населения, которые по своему положению в системе общественного производства, по условиям жизни, доходам, интересам и запросам относились к крупной буржуазии, составляли, видимо, около 1,5 млн. человек, то есть половину численности привилегированных классов, которую, на основании переписи 1897 г., В. И. Ленин определил в 3 млн. человек. Остальное приходилось на помещиков, чиновников и их семьи³⁶.

Значительную роль крупная буржуазия играла в экономической жизни страны. Еще до реформы 1861 г. многие купцы располагали большими состояниями. В 1850 г. братья Алексеевы получили в наследство от отца 7 млн.

руб., М. П. Рябушинский в 1858 г. оставил 2 млн. руб., состояние Прохоровых в конце 40-х годов оценивалось в 3 млн. руб., Хлудовы в начале 50-х годов имели 2 млн. руб. серебром³⁷. Крупнейший откупщик В. А. Кокорев в конце 1861 г. свое состояние оценивал в 7 393 882 руб.³⁸

Пореформенное предпринимательство способствовало баснословному обогащению крупной буржуазии. Составить представление об этом процессе можно по данным о финансово-экономическом развитии тех или иных предприятий. Так, товарищество нефтяного производства братьев Нобель возникло с акционерным капиталом в 3 млн. руб., а уже в 1884 г. основной капитал предприятия составил 26,7 млн. руб.³⁹ История развития морозовских предприятий также весьма показательна. Вскоре после реформы происходит окончательное разделение семьи Морозовых на четыре ветви. Хотя они и поддерживали между собой родственные и финансово-экономические связи, но действовали самостоятельно. Товарищество мануфактур С. Морозова было учреждено в 1873 г. с основным капиталом в 5 млн. руб. Стоимость недвижимого имущества составляла 2 259 тыс. руб. За 26 операционных лет только в дивиденд поступило более 16 млн. руб. Ежегодно на счет запасного капитала отчислялось не менее 20% чистой прибыли. Предприятие непрерывно расширялось. Члены семьи получали значительные суммы вознаграждения «за работу» в качестве членов правления. Некоторые суммы из чистого дохода ежегодно списывались в награду служащим, на благотворительные цели и пр. В 1899 г. стоимость недвижимого имущества товарищества оценивалась в 14 595 230 руб., то есть за 26 лет в основном за счет капиталовложений из прибыли она увеличилась более чем в 6 раз. По самым скромным подсчетам, товарищество получило более 30 млн. руб. дохода. Этим, однако, прибыли семьи Т. С. Морозова не ограничивались. Только участие в комбинации по покупке Московско-Курской дороги принесло 3 млн. руб. Существенным источником прибылей являлись и ценные бумаги, в том числе и акции частных коммерческих банков⁴⁰.

Аналогичное положение наблюдается и в товариществе мануфактур В. Морозова, основанном в 1882 г., с основным капиталом в 5 млн. руб., из которых 2 943 238 руб. были вложены в недвижимое имущество.

К концу 1899 г. стоимость его за счет специальных отчислений из прибыли увеличилась в 3,5 раза, составив 11 270 тыс. руб. За 17 лет в дивиденд владельцам паев, то есть членам семьи и ближайшим родственникам В. Морозова, было выдано 10 700 тыс. руб. Общие доходы товарищества за эти годы составили свыше 20 млн. руб.⁴¹

Как первое, так и второе товарищества в среднем в год получали более 1 млн. руб. прибыли. Вкладывая огромные средства на внутреннее финансирование своих предприятий, миллионеры получали за это соответствующие проценты. Несмотря на то что в семьях Морозовых, принадлежавших к старообрядчеству, царили суровые патриархальные нравы, потребности членов семей неуклонно расширялись. Так, в 1891 г. М. А. Морозов, один из совладельцев Тверской мануфактуры, на свои личные надобности израсходовал 196 675 руб., то есть столько же, сколько заработали в том же году 1035 тверских рабочих⁴². Однако даже самый широкий образ жизни не мог поглотить всех доходов московских миллионеров. Эти средства аккумулировались в основном в коммерческих банках Москвы, Петербурга и за границей.

Не менее интенсивными темпы накопления капитала были на Юге России. Известный предприниматель А. К. Алчевский, располагавший в середине 70-х годов капиталом в 3—4 млн. руб., в 90-х годах имел уже около 30 млн. руб.⁴³ Выходцы из Австрии сахарозаводчики Бродские в конце XIX в. располагали капиталом в 35—40 млн. руб. Представители внешнеторговых фирм в Одессе также имели огромные богатства. Состояния Анатра, Масса и других оценивались более чем в 10 млн. руб. каждое, а Ралли — в 25—30 млн. руб. Известными миллионерами являлись владельцы фирм Кнопа и Вогау, варшавские дельцы Блюх и Кроненберг обладали крупнейшими в империи состояниями. В Петербурге помимо Нобелей еще 9 семей имели многомиллионные капиталы. Все они являлись лицами иностранного происхождения, разбогатевшими в России. Большая часть из них действовала в сфере экспортной торговли (Кларки, Брандты, Колли, Миллеры) и располагала суммами в десятки миллионов руб. Такими же состояниями обладали Штиглицы и Мейеры (банкиры и владельцы Петербургского Металлического завода)⁴⁴.

Участвуя в железнодорожных концессиях, в короткие сроки разбогатели Поляковы, Губонины, Мекки, Дервизы и другие крупные дельцы пореформенного периода. По сведениям хорошо информированного В. П. Мещерского, П. Г. Дервиз, например, оставил наследство исключительно в акциях железных дорог, купоны которых ежегодно давали около 3 млн. руб. дохода⁴⁵.

Крупнейшие капиталисты — дельцы пореформенной эпохи не брезговали никакими средствами при достижении поставленной цели. Недостаток культуры и образования компенсировался природным умом и колоссальной энергией, варварски растрачиваемыми во имя золотого тельца. Ф. В. Чижов так характеризовал, например, двух главнейших дельцов первых пореформенных лет — Н. И. Путилова и В. А. Кокорева, которых он хорошо знал. «У обоих для достижения цели все средства позволительны: подкуп — их главнейший источник, потом ложь... одним словом, тут ни о каком нравственном чувстве нет и помину... Ни одному слову ни того, ни другого нельзя дать веры ни на одну копейку». Он называет их «аферистами-предпринимателями», указав, что «Кокорев умнее Путилова, Путилов образованнее Кокорева»⁴⁶.

Среди предпринимателей, подвизавшихся в сфере торговли, промышленности и финансов на рубеже 50—60-х годов или вступивших в эту сферу в первые пореформенные десятилетия, преобладали дельцы-практики, не имевшие достаточного общего и сколько-нибудь систематического коммерческого образования, некоторые из них были вообще неграмотными⁴⁷. Только отдельные выходцы из купечества (С. П. Боткин, П. М. Третьяков) представляли крайне редкие исключения. Даже крупные капиталисты и признанные вожаки торгово-промышленной буржуазии иногда не обладали элементарной грамотностью. Исследователь, специально изучавший переписку «тверских» Морозовых в 60-е годы, пишет: «Правописание, далекое от норм тогдашней орфографии, сохраняется в переписке на все время. Слабое знание правописания типично для обоих авторов»⁴⁸.

Следует заметить, что получить систематическое и вполне современное коммерческое образование в царской России не имелось возможности. Постановка дела в гимназиях также не удовлетворяла многих капиталистов. Крупные дельцы, стремившиеся дать своим отпрыскам не

только общее образование, но и подготовить их к практической коммерческой деятельности, отправляют своих детей учиться в частные пансионы, а затем за границу. Так, дети богатого московского купца Щукина (племянники известного ученого С. П. Боткина) школьное обучение начали в Выборге, где преподавание велось на немецком языке. Затем они воспитывались в Петербурге в частном пансионе Гирса (в одно время с С. И. Мамонтовым). Занятия в пансионе дополнялись домашней подготовкой (по русскому языку и математике), посещением университетских лекций Костомарова, Киттары, Лесгафта и других профессоров. Затем П. И. Щукин был направлен родителями в Германию для практического изучения коммерции в качестве бесплатного стажера («волонтера») в одну из оптовых фирм (одновременно там стажировался В. И. Гучков). Практическое обучение было продолжено в Лионе на фабрике Севена и Боралля, а затем в течение двух лет он служил главным доверенным комиссионерского дома Р. Д. Варбурга в Гамбурге. В Лионе Щукин (совместно с И. П. Гужоном) изучал процесс выработки шелковых тканей. Старший брат Щукина продолжал коммерческое образование в специальном училище в Дрездене, а затем служил «волонтером» на предприятии К. К. Шмидта в Риге⁴⁹. Дети Морозова прошли такое же практическое обучение. Общеобразовательный элемент здесь ощущается слабее, но очень насыщенной выглядит «профессиональная» подготовка. Д. А. Морозов, например, на значительный срок был направлен в Англию. Он не ограничивается посещением промышленной выставки, а изучает машины на фабриках Лондона и Ливерпуля, осматривает различные фабрики в Ирландии и Шотландии. Если судить по его отчету родственникам, то за короткий срок он побывал в нескольких десятках городов и более чем на 150 фабриках⁵⁰.

Однако интерес к общеобразовательной подготовке в купеческой среде постепенно усиливается. Так, в 1875 г. И. С. Аксаков, хорошо знавший московское купеческое общество, писал Е. А. Черкасской: «Теперь у купцов *le grand genre* — классическое образование, и всех своих цыплят они направляют в классические гимназии. Не только Морозов Тимофей Саввич, но даже какой-нибудь Шенков, торгующий в Гостинном дворе... и тот стыдится

«реального» образования»⁵¹. Заметно увеличивается тяга и к университетскому образованию. В начале 80-х годов появляются люди, получившие вполне современное образование, способные со знанием дела рассуждать о серьезных теоретических вопросах, которые не только имеют, но и отстаивают свою точку зрения. Известный экономист В. П. Безобразов в дневниковой записи за ноябрь 1884 г. рассказывает о беседах с Четвериковым и Лепешкиным и относит их к «самой образованной купеческой среде». Их взгляды, идущие вразрез с его представлениями, вызывали у него раздражение, их оригинальные идеи придворный академик оценивал с позиций собственных устаревших взглядов⁵². В конце XIX в. историко-филологический факультет Московского университета закончили А. И. Гучков и М. А. Морозов⁵³.

В 60-е годы в Москве действовала Московская практическая академия коммерческих наук, существовавшая на пожертвования отдельных купцов. Неоднократно собрание выборных обсуждало вопрос о финансировании академии, ибо без постоянного пособия академия не только не могла развиваться, но и существовать⁵⁴. Московское купеческое общество взаимного кредита, созданное в 1868 г., 5% чистой прибыли ежегодно выделяло на содержание академии⁵⁵. Но постановка образования в этой академии и в существующем в Москве коммерческом училище не удовлетворяла купечество. Старшина Московского купеческого общества Бостанджогло 23 февраля 1872 г. на собрании выборных заявлял, что «развитие и воспитание, доставляемое этими учреждениями, при настоящих условиях недостаточно», что «для наших молодых людей в настоящее время необходимы образование и права, приобретаемые в высших учебных заведениях». В докладе отмечалось, в частности, что введение всеобщей воинской повинности также должно стимулировать стремление купечества к высшему образованию, ибо лица, имеющие дипломы, получали льготы при прохождении действительной службы в армии. Доводы старшины убедили собрание. Купцы вынесли решение о необходимости принять меры к учреждению на средства купечества высшего учебного заведения⁵⁶. Реализация этого решения потребовала значительного времени. Осуществить его удалось лишь в XX в. От московских коммерческих учебных заведений мало отличалось

Петербургское коммерческое училище. Горнопромышленники Юга, хотя еще в начале 80-х годов и заявляли о необходимости открытия специального высшего учебного заведения, только в самом конце века собрали для постройки здания Высшего горного училища в Екатеринославе 232 826 руб.⁵⁷

Недостаточное образование, замкнутость в кругу семейных и узкокастовых интересов и представлений способствовали консервации культурной и общественно-политической ограниченности большинства крупных капиталистов. «Московское купечество, — писал Н. В. Давыдов о 50—60-х годах XIX в., — в ту пору обильное и крепкое, мало выдвигалось, однако, на арену общественной жизни; оно было замкнуто и жило своими особыми духовными и материальными интересами»⁵⁸. «Купеческое большинство, — вторит ему Б. Н. Чичерин, характеризуя более позднее время, — было вообще невысокого уровня. Образование было очень мало, а участие к общественному делу, пожалуй, еще меньше»⁵⁹.

В известной степени такая замкнутость и ограниченность предопределялись патриархальными нравами, царившими среди купечества. Особенно устойчивыми они были в старообрядческих купеческих семьях. Патриархальные традиции, цементируемые властью денег, сохранялись и в начале века и являлись иногда источником семейных трагедий. Примером могут служить коллизии С. Т. Морозова с матерью (которая владела контрольным пакетом в предприятии). В пореформенные годы кастовые обычаи были несравнимо прочнее и проявлялись даже в форме обращения к старшим. Д. А. Морозов в письмах из Англии величал старшего брата на «Вы» и всячески подчеркивал зависимость своих решений от брата и матери. «Патриархальность, почтительность и даже робость пред старшими, опека над младшими членами семьи сквозят через строки писем»⁶⁰.

На предприятиях царил, освященный законом и обычаем, произвол капиталистов. Они мастерски использовали режим произвола, существовавший в стране, широко прибегая к услугам полиции и местных чиновников для подавления малейшего недовольства на своих фабриках и заводах. Начиная с момента найма, рабочие оказывались в бесправном положении. Так, в селе Иванове и Вознесенском посаде еще к 1860 г. сложилась твердо

устоявшаяся система найма, практиковавшаяся всеми капиталистами. «Цена, назначаемая ткачу в сентябре или октябре месяце, — сообщалось в газете «Акционер» 20 июля 1860 г., — служит основанием годовой цены, или цены на определенное время работы. Редко теряет она свое назначение, разве какое-нибудь непредвиденное обстоятельство торгового мира изменит ее на рубль, много на два. Но у нас назначение цены ткачу облекли в форму постановления о цене». Фабриканты обязывались назначать одинаковые цены при найме рабочих. Назначение более высоких цен рассматривалось как нарушение соглашения, вызывавшее нарекания всех остальных предпринимателей. В. П. Безобразов, характеризуя положение ивановских рабочих в 1861 г., писал, что «главное пока зло в положении рабочих, это — полная их гражданская беспомощность». Он далее разъясняет: «Хозяева расплачиваются бракованным товаром вместо денег, взыскивают штрафы, не обозначенные в точности в условиях, наконец, позволяя себе насилие и самоуправство... Расправа хозяев с рабочими по возникающим недоразумениям не усложняется в Иванове никакими не только юридическими, но даже и полицейскими формальностями...»⁶¹ Даже в Москве на некоторых предприятиях по обработке металла (изготовление серебряных изделий) в первые годы после реформы практиковалась выплата рабочим денег вперед, что обуславливало постоянную их задолженность хозяевам. Московское отделение Мануфактурного совета, призвавшее хозяев «простить» такие долги рабочим, указывало, что «кабальное положение порождает леность и пьянство» и вдвое понижает заработную плату⁶².

На предприятиях, принадлежавших «либеральным» промышленникам, бытовали такие же «законы». Так, на заводе Полетики в Петербурге, даже по данным III отделения, «часто обсчитывают рабочих, или недодавая жалованье, или налагая несправедливые штрафы»⁶³. И в 80-е годы, после введения первых фабрично-заводских законов, произвол хозяев оставался обычным явлением. Фабричный инспектор Московской губернии И. И. Янжул в отчете о своей деятельности в 1884 г. указывал, что «хозяин фабрики — неограниченный властитель и законодатель, которого никакие законы не стесняют, и он часто ими распоряжается по-своему».

Фабриканты лишали рабочих всякой свободы, требуя беспрекословного повиновения, самовольно понижая заработную плату в любое время, штрафуя под всяким предлогом, выдавая заработную плату в неопределенные сроки, закабалая их через фабричные лавки и систему задатков⁶⁴. Капиталисты Богородского уезда Московской губернии посылали своих агентов в деревни для вербовки рабочих. Завербованным выдавались задатки, но не указывался ни характер работы, ни размер заработной платы⁶⁵. Московский полицмейстер 1 мая 1880 г. указывал, что недоразумения, возникшие на фабриках между рабочими и хозяевами, происходили «от неопределенности взаимных их условий, относящихся большей частью к предметам снабжения рабочих продовольствием и разными припасами, а также к заимообразным выдачам денег»⁶⁶. Владельцы Большой Ярославской мануфактуры имели в 70-е годы и, видимо, ранее соглашения с лавочниками, снабжавшими рабочих продуктами и предметами первой необходимости в долг. Условия выплаты долгов определялись правлением предприятия⁶⁷.

На фабрично-заводских предприятиях действовали правила внутреннего распорядка, вводившие полицейский режим, обеспечивавшие произвол владельцев. Примером таких правил являются правила, утвержденные московским полицмейстером 12 ноября 1870 г. В еще худшем положении рабочие оказывались тогда, когда правила вводились капиталистами без ведома местной администрации. Такие правила, составленные капиталистами и выражавшие их интересы, даже не объяснялись рабочим⁶⁸. В агентурной записке о положении рабочих в г. Иваново-Вознесенске от 6 июня 1873 г. сообщалось, в частности, что оно ухудшается «вследствие весьма тягостных заводских правил, оберегающих исключительно интересы заводчиков и ими же составленных; нужно пояснить, что эти составленные самими заводчиками правила существуют без ведома местной администрации, при поступлении в завод новых рабочих, при заключении с ними условий вовсе им не объясняются. Между тем рабочие за нарушение этих правил подвергаются местной судебной властью значительным взысканиям. Мировые судьи этой местности — заводчики или их близкие родственники, вследствие этого возникают весьма ненормальные положения»⁶⁹. Важнейшим средством давления

на рабочих являлись штрафы, которые угрожали им за малейшие провинности и нарушения фабричной дисциплины. И при создании новых законов о фабрично-заводском труде штрафы рассматривались как средство обеспечения дисциплины. А это значит, что новые законодательные нормы, освящавшие подобный принцип, сохраняли на фабриках и заводах режим хозяйского произвола, поддерживавшийся вполне сознательно и целеустремленно. В. И. Ленин неоднократно указывал на неэкономическую сторону штрафования. «Штрафуя рабочих, — писал он, — капиталист присваивает себе роль судьи. Поэтому со штрафами связано всегда особенно много произвола по отношению к рабочим, а иногда и прямого издевательства над рабочими»⁷⁰.

Такая неограниченная власть над рабочими и служащими, позволявшая распоряжаться не только их трудом, но и их судьбой, здоровьем и даже жизнью, формировала определенные черты владельца, создавая почву для процветания самодурства и деспотизма. Преобладавшая у большей части купечества неистребимая страсть к наживе предопределяла отсутствие сколько-нибудь оформившихся духовных запросов и каких-либо высоких идеалов. Лишь отдельные представители купечества поднимались над этим замкнутым, ограниченным мирком. К числу их в первую очередь следует отнести самоотверженного собирателя художественных ценностей и основателя всемирно известной картинной галереи П. М. Третьякова. В известной степени под влиянием Третьякова серьезный интерес к коллекционированию произведений древнерусской живописи обнаружил П. М. Щукин, значительное собрание картин составил К. Т. Солдатенков. В. М. Голицын, обычно скептически оценивавший культурные и общественные заслуги купечества, пишет о Солдатенкове: «Высокого ума, широко образованный, чрезвычайно приветливый, он превосходно умел ценить и сплачивать вокруг себя культурные силы, поддерживать начинающих литераторов и ученых»⁷¹. Весьма незаурядной личностью являлся С. И. Мамонтов. В истории русской культуры заметный след оставила открытая им в 1884 г. в Москве частная опера. В его московском доме и на даче в Абрамцеве встречались видные писатели, артисты, художники. Коллекционированием современной зарубежной живописи в конце XIX — начале XX в. сер-

езно увлекались И. А. и М. А. Морозовы. За пределы узкокупцовских интересов еще в 80-е годы стали выходить Алексеевы, Бахрушины, Четвериковы и отчасти Гучковы, в первую очередь их молодое поколение.

Однако в основном всему российскому купечеству, особенно в первые пореформенные годы, была присуща крайняя кастовая замкнутость и ограниченность. В официальном документе в связи с подготовкой к участию в Лондонской всемирной выставке указывалось в декабре 1861 г.: «Промышленники наши, к сожалению, мало еще сочувствуют предприятиям, хотя бы и весьма плодотворным, которые не представляют для них непосредственных материальных выгод, и польза выставок вообще, в особенности заграничных, мало еще осознана нашим коммерческим классом»⁷². Оценка эта весьма верно схватывает суть ограниченности и общественной пассивности крупной буржуазии в пореформенные годы. Ее не могут изменить факты о тех или иных пожертвованиях миллионеров на общественные нужды и цели. К числу редких исключений, бесспорно, относится передача П. М. Третьяковым своего собрания картин городу Москве, пожертвование А. М. Сибирякова в сумме 500 тыс. руб. на сибирский университет, огромные средства, вкладываемые им на изыскание Северо-Восточного морского пути, расходы его брата К. М. Сибирякова, содержавшего библиотеки и читальни для народа в Петербурге, финансировавшего демократический журнал «Слово»⁷³. Можно указать также на значительные средства, предоставленные В. А. Бахрушиным на строительство больницы, что не мешало тому же Бахрушину настойчиво добиваться от городского управления «грошовой уступки вопреки установленным правилам за помещение, нанимаемое им на городском общественном дворе» для нужд своего предприятия⁷⁴.

Купцы охотно шли на пожертвования, если правительство сулило им ордена, медали, звания потомственных почетных граждан и другие блага. Так, П. И. Куманин на благотворительные цели выделил 500 тыс. руб. серебром; такую же сумму завещал К. А. Попов; К. Д. Рыкалов для «призрения» бедных выделил 280 тыс. руб.; С. В. Алексеев на приют для вдов и сирот отпустил 100 тыс. руб.⁷⁵ Таких щедрых дарителей, несмотря на различные поощрения филантропической деятельности,

было все-таки не так много, и о них вспоминали при каждом удобном случае.

Иногда правительство, стремясь афишировать свою «заботу» о народе, побуждало купечество к щедрым пожертвованиям. Так, в 1868 г. московские капиталисты не без воздействия местной администрации собрали значительную сумму в помощь населению губерний, пострадавших от неурожая⁷⁶. Однако подобное давление вызывало недовольство купечества. В 1891 г. великий князь Сергей Александрович с помощью титулованных дам организовал очередной сбор с предпринимателей. Купцы, возмущенные бесцеремонностью высших сфер, передали крупную сумму в виде «добровольного приношения»⁷⁷.

Значительные средства крупная буржуазия тратила на выражение своих верноподданнических чувств. После убийства народовольцами Александра II московские купцы немедленно собрали более 35 тыс. руб. для сооружения ему памятника в Кремле. Еще 100 тыс. были выделены на еженедельные литургии по Александру II⁷⁸. Для строительства храма в память Александра II в Петербурге И. Г. Харитonenko пожертвовал 15 тыс., Петербургское общество взаимного кредита — 5 тыс., правление Рязанско-Моршанской железной дороги — 3 тыс. и т. д.⁷⁹ Большие суммы капиталисты жертвовали не только за «упокой», но и за «здравие» императорской семьи. Петербургские купцы (А. Золотов, Г. Елисеев и др.) в 1870 г. собрали 10 тыс. руб. на строительство в Шлиссельбурге здания для хранения катера, на котором царь совершил прогулку⁸⁰.

В тех же случаях, когда пожертвования определенно не сулили никаких благ меценатам и благотворителям, московские толстосумы закрывали кошельки. В середине 60-х годов у них не нашлось ни копейки на восстановление сгоревшей Карамзинской библиотеки в Симбирске. На сооружение памятника Ермаку в Новочеркасске они в 1870 году наскребли ровно 30 руб. На сооружение памятника генералу Хрулеву — герою Севастопольской обороны было собрано всего 8 руб. Подписка на сооружение памятника Богдану Хмельницкому в Киеве была вскоре прекращена, так как «жертвователей» не оказалось⁸¹. Капиталисты по существу игнорировали подписку на памятник А. С. Пушкину, проводившуюся в 1871 г. Было собрано всего 13 руб.⁸² В конце XIX в. они решительно

уклонились и от сбора средств для приобретения от потомков поэта имени Михайловского и постройки в Пскове специального дома «с целью устройства и помещений в означенных имении и доме общёполезных учреждений имени поэта». Никто не пожертвовал на эти цели ни копейки⁸³. Подписка на учреждение стипендии имени С. М. Соловьева в Московском университете не имела никакого успеха. Подписку открыли 11 февраля 1883 г. На объявление о подписке управа в общей сложности затратила более 30 руб. Однако за десять лет (до закрытия подписки) желающих участвовать в ней не оказалось⁸⁴.

Капиталисты охотно предоставляли средства на цели, являвшиеся предметом особого внимания правящих верхов. Большие деньги московские купцы А. Ферапонтов и С. Малютин внесли на содержание православных и приходских школ на территории Польши. За это они получили по ордену Станислава 3-й степени⁸⁵. Огромные суммы петербургское, московское и ярмарочное купечество собрали в «патриотическом порыве» накануне и в период войны 1877—1878 гг. Порыв этот систематически подогревался высшими сферами (высочайшие благодарности, прием представителей купечества императрицей и Александром II и пр.)⁸⁶.

Куда менее охотно купцы раскошеливались на действительно общественные нужды. И. С. Аксакову и Ф. В. Чижову с большим трудом удавалось выпрашивать в Московском купеческом обществе деньги на нужды Московского славянского благотворительного комитета, организующего помощь эмигрантам с Балканского полуострова. Вместо просимых 2 тыс. руб. купцы отпустили лишь 1 тыс. и на один год. В 1876 г. у них просят увеличить помощь воспитанникам южнославянских школ и выдавать ее в течение 5 лет. Они же ограничили ее старой суммой (1 тыс. руб. в год), которую согласились выплачивать лишь в 1876—1878 гг.⁸⁷ Крайне скромными были и те средства, которые купцы решили выделить на пособие неимущим слушательницам Высших женских курсов при университете и женских курсов при 3-й гимназии. В течение нескольких лет (с 1873 г.) на эти цели для каждого курса ассигновывалось всего по 500 руб. ежегодно⁸⁸.

Все, даже самые большие, пожертвования московских

капиталистов на общественно-культурные нужды были незначительными по сравнению с их щедрыми ежегодными приношениями на церковные потребности. Подобные пожертвования как бы укрепляли общественное положение тех или иных лиц, позволяли им занять место церковных старост, различные должности в попечительствах и пр., в какой-то степени поднимали их над массой прихожан. Благодаря этому они приобретали расположение и благоволение не только духовных, но и светских властей. В 1865 г., по данным Московской консистории, десятки купцов пожертвовали на церковь от 300 до 1000 руб. Чем богаче становились купцы, тем щедрее они были по отношению к церкви, выполнявшей для них незаменимую работу по воспитанию широких народных масс в духе христианского смирения и безропотного терпения. А. Абрикосов жертвует церкви 20 000 руб., Н. В. Лепешкин завещает 17 500 руб., Н. И. Хлудов — 10 000 руб. и т. д.⁸⁹

Внешняя, показная религиозность не исключала того, что повседневный быт купечества был очень далек от норм, провозглашаемых христианской моралью. П. П. Шибанов, принадлежавший к старообрядческой купеческой семье, писал 5 ноября 1886 г. в своем дневнике: «Я не только не вижу вокруг себя идеалов, но чрезвычайно редко встречаюсь даже с посредственностью. Везде грязь, мерзкая продажная грязь... Есть и хорошие люди, да они далеки от меня, не принадлежат к тому обществу, в котором я имею несчастье обращаться. Жалкие Силины, Шестаковы, Большаковы, Шиваревы... Один, забывшая совесть и стыд, стремится нажить побольше денег, не разбирая того, что разоряет других... Другой — вор... А все под прикрытием благочестия скрываются, крепко держат на своем преступном челе марку ярого христианина»⁹⁰.

Еще в конце XVIII в. в Петербурге было основано коммерческое общество, имевшее целью дать купечеству собираться «для совещания по коммерческим делам, для бесед и игр». В это же время коммерческий клуб был открыт в Москве. Однако он просуществовал недолго. Его преемником стало Московское купеческое собрание, возникшее в начале XIX в. Членами Московского купеческого собрания являлись представители крупнейших купеческих фамилий (Абрикосовых, Боткиных, Варгинных,

Губонинных, Крестовниковых, Коншинных, Прохоровых, Рябушинских, Третьяковых, Хлудовых и др.). Наряду с ними мы видим здесь князей Волконских, Долгоруковых, Енгальцевых, Оболенских, Урусовых, Ухтомских, Трубецких, Мещерских, Щербатовых, графов Апраксиных, Адлербергов, Барановых, Головиных, Зубовых, Ланских⁹¹. Купеческие клубы появились и в других торгово-промышленных центрах (Нижний Новгород, Грушевка и пр.).

Организация купеческого досуга через клубы не могла способствовать расширению кругозора и общественного влияния купечества, ибо самыми популярными помещениями в этих учреждениях оказались не библиотеки, а бильярдные, карточные залы и рестораны. Царская администрация строго регламентировала деятельность клубов. Малейшие изменения требовали утверждения властей. Не только драматические представления, но и маскарады допускались после соизволения начальства⁹². Самодеятельность купечества свободно процветала лишь в сфере азартных игр и чревоугодия, а также в поисках острых ощущений. Даже самые строгие религиозные убеждения и обычаи не мешали ни православному, ни старообрядческому купечеству предаваться дикому разгулу и разврату. Суровые устои религиозной нравственности забывались за порогами церквей и молелен. Разгульный образ жизни купечества пореформенной эпохи хорошо известен. Его «обессмертили» произведения знаменитого русского драматурга А. Н. Островского, реалистично отобразившего быт, обычаи и нравы русских (и в первую очередь московских) купцов. На «выдающихся» в этом отношении представителей купечества накладывалась опека. Десять лет под ней находился Н. Н. Хлудов, образ жизни которого так характеризуется в журнале Московской купеческой управы: «Безнравственность Хлудова главным образом проявляется в том, что он уже несколько лет почти постоянно предается пьянству и разгулу с приятелями и женщинами легкого поведения, через это сильно расстроил свое состояние и здоровье, но, несмотря на это, продолжает проживать таким образом и остальной свой капитал»⁹³.

В каждом сколько-нибудь значительном городе имелись свои златно-увеселительные места, где «утомившие-

ся» столпы буржуазного общества отводили душу. В. М. Голицын так характеризует любимые развлечения московского купечества: «Много по Москве ходило рассказов об эпических пиршествах в этих заведениях («Яр», «Юла», «Эльдорадо» в Петровском парке, «Золотой якорь» в Сокольниках и пр.), герои которых вполне воспроизводили типы, столь картинно изображенные Островским в его бессмертных комедиях. Говорили о разбитой посуде на сотни и тысячи рублей, о мытье пола шампанским, о кидании неоткупоренных бутылок на улицу»⁹⁴. Подобные развлечения удовлетворяли духовные запросы не только тех, кто находился в лоне официальной церкви, но и ревнителей старообрядчества. Крупные нижегородские купцы — старообрядцы Башкиров и Зарубин, в частности, в 1867 г. находились под следствием — один за избиение поручика, а другой — за беспорядок в общественном месте⁹⁵.

Самобытные натуры купцов особенно широко раскрывались в тех случаях, когда они вырывались из-под постоянного надзора со стороны близких. Даже поездки за границу с деловыми целями изрядно насыщались увеселительными приключениями. Их описание занимало заметное место в переписке капиталистов. «Пред нами проходят, — отмечает А. Вершинский, — длинные и подчас скучные описания кутежей, пирушек, попоек, устраивавшихся в Англии. Большое место в переписке занимают женщины, воспоминания о мимолетных встречах, о том разврате, который шел широкой волной во время поездок за границу»⁹⁶.

Особый разгул царил во всероссийском торжище — Нижегородской ярмарке. Он достиг такого размаха, что вызывал протесты жителей Канавинской слободы, около которой размещалась территория ярмарки. Некоторые представители купечества в весьма своеобразной форме «заботились» о наведении порядка в злочных местах Канавина и самого Нижнего Новгорода. Так, в 1891 г. кинешемский купец А. Ф. Морокин на заседании ярмарочного комитета выразил заботу о том, что «под влиянием излишне выпитого вина» купцы растрачивают большие суммы на «арфисток», от общения с ними имеют «ужасные последствия для здоровья», и предложил «не допускать хоров арфисток в гостиницах на ярмарке». Собрание уполномоченных ярмарочного купечества приняло

соответствующее решение. В гостиницах теперь могли петь лишь мужские хоры⁹⁷. Теперь подгулявшие купчики развлекались в различных «увеселительных» заведениях с твердым сознанием, что полиция оберегает не только их кошельки, но и здоровье, подвергая обязательному медицинскому осмотру девиц легкого поведения⁹⁸.

Беспредельная и разлагающая власть денежного мешка, усиливаемая полным беспорядком народных масс, подавленных ярмом царского деспотизма, определяла фальшивые моральные ценности, низменные инстинкты, привычки и нравы, пышно расцветавшие в российском буржуазном обществе. Крупные капиталисты не только сами, в своей среде культивировали эти черты, но и всем образом жизни, деятельностью и обычаями способствовали распространению их в других слоях населения. По мере количественного увеличения буржуазии и укрепления ее экономического могущества возрастало и это ее влияние.

В пореформенные годы в России наблюдается значительный рост крупной буржуазии, укрепляется ее экономическое и финансовое положение, происходит процесс бурного накопления капитала в руках нескольких десятков тысяч семей. Среди них выделяется незначительная по численности (несколько сот семей) верхушка капиталистов, имевших многомиллионные состояния. Укрепление экономического могущества неизбежно должно было сопровождаться теми или иными тенденциями к самоорганизации, к выражению своих интересов и целей, а также более активным участием в сфере общественной жизни. Недостаточный культурный и образовательный уровень преобладающей части крупной буржуазии, сословная замкнутость и кастовая ограниченность купечества, зависимость капиталистов от правительственных льгот, субсидий и привилегий, несомненно, накладывали отпечаток на характер общественного самоопределения купечества. Эти факторы в значительной степени предопределяли как формы и права вновь создававшихся предпринимательских организаций, так и направление расширения функций уже существующих.

Предпринимательские организации

Развитие торговли и промышленности, увеличение количества лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, аккумулярование в их руках все больших капиталов еще в дореформенный период обусловили необходимость некоторых специальных органов, в той или иной степени соответствующих интересам зародившегося и развивающегося класса. Расширение самодейтельности крупной буржуазии, совершенствование ее организаций диктовались потребностями экономического развития страны. В известной степени это сознавалось и правительственными кругами. Однако создание системы самостоятельных торгово-промышленных организаций не соответствовало видам верхов. Допуская те или иные учреждения, самодержавие стремилось сохранить возможность чиновничье-бюрократического контроля и вмешательства в их внутренние дела. Интересы феодально-крепостнического государства в этом вопросе не совпадали с интересами торгово-промышленных кругов. Так как решение вопроса зависело от государства, то создание торгово-промышленных организаций в царской России проходило сложными путями. Первоначально такие организации возникали с очень четко ограниченным кругом обязанностей и занимались рассмотрением конкретных вопросов в тех или иных торгово-промышленных центрах (купеческие и биржевые общества, полуказенные совещательные учреждения, органы ярмарочного управления и т. п.). С течением времени они претерпевали существенные изменения. Круг их обязанностей и функций расширялся даже в тех случаях, если не производилось формальных изменений в соответствующих уставах и положениях. Наряду с такими объединениями в пореформенные годы стали появляться отраслевые совещательные и представительные организации предпринимателей (советы съездов и общества капиталистов).

Значительная роль в экономической жизни дореформенной и пореформенной России первых десятилетий (в особенности в таких крупнейших промышленных центрах, как Петербург, Москва, Рига и др.) принадлежала купеческим обществам. Они возникали прежде всего как сословные учреждения, регламентировавшие взаимные

отношения купцов и некоторые вопросы организации торговли, определявшие обязанности членов общества. Однако в повседневной практике уже в 20—40-е годы крупные купеческие общества выходят за рамки узкословных вопросов. Их деловые интересы тесно переплетаются с государственными вопросами экономической политики. Но узкокастовые, купцовские позиции для них являются определяющими. Так, в 20-х годах в московском купеческом обществе было составлено представление «О причинах упадка торговли и купеческих капиталов в России и о средствах к поправлению оных». В документе этом по существу отмечалось, что крепостничество тормозит развитие торговли и промышленности, сдерживает самостоятельность крестьянства¹. Однако практические деловые предложения шли по линии не уничтожения, а укрепления сословных прав купечества, то есть тех же феодально-крепостнических пережитков. В документе указывалось на неприемлемость для России системы свободной внешней торговли. Купцы были против поощрения деятельности иностранцев в сфере внешней торговли, не говоря уже о внутренней. Ссылаясь на ущерб, наносимый купечеству от «допущения иметь заводы и фабрики другим состояниям без записи в гильдии», они утверждали, что «торговля крестьян уничтожает в России купеческое состояние», и требовали отменить право на торговлю без приписки крестьян в городские общества»².

Наряду с купеческими обществами издавна существовали (Петербург) и создавались новые (Москва) учреждения в области биржевой торговли, укреплялись организации крупнейшего купечества, ведавшие вопросами биржевой торговли в важнейших ее центрах. Однако права биржевых комитетов, избираемых членами биржевых обществ, были крайне ограничены. Так, устав Петербургской биржи, пересмотренный в 1832 г., предполагал в основном лишь распорядительные функции биржевого комитета: надзор за «благочином биржевых собраний», посредничество в спорных делах, наблюдение за правильным ходом торговли и пр. Только в исключительных случаях биржевому комитету разрешалось представлять интересы биржевого купечества. Но вскоре практика разрушила эти жесткие рамки. В записке биржевого комитета через несколько десятилетий признава-

лось, что «с течением времени биржевой комитет стал приобретать значение гораздо обширнейшее против предположенного при его учреждении, и самой силой вещей ему сделался присущ характер более или менее полного представителя биржевого купечества»³.

Однако многие вопросы повседневной торгово-промышленной жизни не уместались в русло деятельности купеческих и биржевых обществ. Поэтому крупные фабриканты и заводчики Петербургской, Московской и Владимирской губерний еще в первые десятилетия XIX в. высказывали пожелания о создании специальных представительных учреждений. Министерство финансов в свою очередь было заинтересовано в получении данных об условиях, необходимых для развития фабрик и заводов. В конце 20-х годов начинается разработка проектов создания совещательных органов по вопросам торговли и промышленности. По представлению министра финансов 11 июля 1828 г. утверждается положение о Мануфактурном совете, а 23 октября 1829 г. — о Коммерческом совете. В состав Мануфактурного совета вошли по 6 представителей от дворянства и купечества, а также химик и технолог. Совету подчинялись отделение в Москве и местные мануфактурные комитеты в губернских промышленных городах. Члены Мануфактурного совета и его Московского отделения «избирались» министром финансов непосредственно, а губернских комитетов и так называемые мануфактур-корреспонденты в уездах определялись им же в результате договоренности с местными властями. Затем кандидаты утверждались царем. В 1829 г. были открыты Московское отделение Мануфактурного совета и мануфактурные комитеты во Владимирской, Воронежской, Калужской, Курской, Лифляндской, Нижегородской, Пензенской, Тульской и Ярославской губерниях⁴.

Структура Коммерческого совета и его местных подразделений очень напоминала структуру Мануфактурного совета. Однако в некоторых звеньях здесь был допущен элемент выборности. Коммерческий совет наряду с отделением в Москве имел отделения и в других торговых центрах. Сам совет и его Московское отделение, а также большинство местных отделений бездействовали. Лишь иногда Министерство финансов созывало членов Коммерческого совета для совместного с членами Мануфак-

турного совета обсуждения некоторых специальных вопросов торговли. Дело в том, что большая часть вопросов, связанных с торговлей как в Петербурге, так и в Москве, рассматривалась биржевыми комитетами. Лишь в Одессе, Таганроге и Ростове-на-Дону, где другие организации еще не оформились или не окрепли, они выполняли роль совещательных учреждений по вопросам торговли и мореплавания. Более оживленной была деятельность Мануфактурного совета и его Московского отделения, участвовавших в обсуждении вопросов промышленного законодательства и тарифных узаконений. Однако в целом эти громоздкие бюрократические органы, перегруженные функциями местного, часто административного характера, так и не проявили инициативы в постановке сколько-нибудь важных вопросов торгово-промышленной жизни. Центральные правительственные органы все чаще обращаются к более гибким, несмотря на все их недостатки, купеческим обществам и биржевым комитетам⁵.

Недостатки существующих предпринимательских организаций и совещательных учреждений по делам торговли и промышленности особенно обнажились в период подготовки и проведения буржуазных реформ. Крупные капиталисты добиваются расширения функций и прав биржевых обществ. В соответствии с их пожеланиями изменяются уставы Московского (1870 г.), Петербургского (1875 г.), Рижского (1886 г.) комитетов. Вновь возникшие биржевые комитеты сразу же получали более широкие права в деле представительства и защиты интересов крупной буржуазии, рассмотрения мероприятий по содействию торговле и промышленности. Соответственно изменяется и структура биржевых обществ. Удовлетворяются давно выдвигавшиеся биржевым купечеством ходатайства о введении института гласных или выборных биржевого общества, собрания которых были правомочны принимать любые решения в рамках биржевой организации⁶.

Эти органы петербургские чиновники также стремились подчинить ведомственным интересам, постепенно превращая их в совещательные учреждения, которые по своим основным функциям уже мало отвечали задачам организации биржевой торговли.

Известную заинтересованность в превращении бир-

жевых комитетов в представительные совещательные организации обнаруживали и сами капиталисты. При отсутствии других предпринимательских организаций им легче было использовать в этих целях биржевые комитеты, чем купеческие управы, перегруженные функциями сословной организации. В связи с этим роль крупнейших биржевых комитетов в общественной жизни стала возрастать, а при решении значительных торгово-промышленных вопросов они все более заслоняют купеческие управы и полуказенные совещательные учреждения. Процесс этот особенно явственно вырисовывается при сопоставлении деятельности соответствующих организаций в Москве. Сами капиталисты признавали, что в отличие от Западной Европы «в силу исторически сложившихся условий русской действительности наши биржевые комитеты являются не только органами, заведующими биржами как местами биржевого торга, но и совещательными учреждениями торговли и промышленности»⁷. Более того, совещание представителей биржевых комитетов, посвященное вопросам организации биржевой торговли, созданное Министерством финансов в сентябре 1903 г., не стремилось разделить эти функции по западноевропейскому образцу, а, наоборот, пыталось закрепить существующую практику. «Совещание единогласно признало желательным, чтобы наши биржевые организации и впредь являлись не только учреждениями, заведующими местами биржевого торга и регулирующими местную биржевую торговлю, но и органами совещательными и представляющими торговлю и промышленность по образцу западноевропейских торговых палат»⁸. Такой подход обуславливался, видимо, тем, что капиталисты не надеялись на учреждение самостоятельных торгово-промышленных палат. Царские чиновники предпочитали допускать некоторое фактическое расширение прав существующих организаций, чем создавать новые, современные институты, требующие юридического расширения прав даже такого класса, который стал уже хозяином экономической жизни России.

Деятельность официальных совещательных учреждений по части торговли и промышленности в пореформенные годы вызывала все большее недовольство торгово-промышленных кругов. Казенно-бюрократические черты, зависимость от высших чиновников и местной админи-

страции делали их органами, малопривлекательными для капиталистов. Хотя аппарат этих учреждений содержался за счет купцов, сам характер организации не позволял им быть здесь полными хозяевами (назначение председателя, членов советов и комитетов) и пр.⁹ Поэтому сразу же после 1861 г. правительство, учитывая пожелания крупной буржуазии, «демократизирует» советы и комитеты. С 5 октября должность председателя московских отделений Мануфактурного и Коммерческого советов стала замещаться выборными членами отделений, но с последующим утверждением кандидата верховной властью. В мае 1864 г. этот принцип распространяется и на членов советов и их отделений¹⁰. Такая организационная «перестройка» не меняла общих принципов деятельности этих совещательных учреждений во всех их звеньях. Нежизненность их к началу 70-х годов стала совершенно очевидной. Центральные органы или бездействовали или занимались повседневыми административными делами (Московское отделение Мануфактурного совета). Местные комитеты были парализованы, и многие прекратили свое существование. Они остались лишь в 5 губерниях (Владимирской, Нижегородской, Лифляндской, Калужской и Оренбургской). «Мануфактур-корреспонденты», хотя и числились еще в ряде городов (Астрахань, Верхнеудинск и др. — всего в 24 пунктах), фактически бездействовали¹¹.

В связи с этим правящие верхи предпринимают еще одну попытку перестройки торгово-промышленных совещательных учреждений. 17 июля 1872 г. утверждается положение о Совете торговли и мануфактур, учрежденном в Петербурге. В Москве создавалось отделение совета, а в других городах допускались комитеты торговли и мануфактур¹². Новые названия мало изменили характер совещательных учреждений, особенно в Петербурге и Москве. Капиталисты не получили какого-либо заметного расширения своих прав. Об этом свидетельствует уже сам порядок избрания членов Совета. Московское отделение, например, на каждую вакансию должно было избирать три кандидата, один из которых министром финансов назначался в совет¹³. Совет по преимуществу занимался рассмотрением прошений о выдаче привилегий. Московское его отделение также обсуждало сравнительно второстепенные вопросы. Комитеты торговли и

мануфактур появились в Архангельске, Иваново-Вознесенске, Одессе, Ростове-на-Дону, Твери и Тихвине, но они также по существу бездействовали. Иваново-Вознесенский комитет, в частности, в 1878—1898 гг. ограничивался обсуждением вопросов, предложенных Министерством финансов (о развитии сбыта мануфактурных товаров на Ближнем Востоке, о пересмотре таможенного тарифа, об организации врачебной помощи рабочим и др.); обсуждались под давлением губернской администрации и сугубо местные вопросы (об устройстве и содержании за счет фабрикантов колодцев в селениях, расположенных по реке Уводи ниже Иваново-Вознесенска, и др.)¹⁴. Капиталисты не обнаруживали к этим органам особого интереса, считая, что «они лишены всякой дееспособности», что «они могут только обсуждать, представлять, ходатайствовать; осуществление же каких бы то ни было мер им не было предоставлено»¹⁵. Поэтому предпринимателям больше импонировали биржевые комитеты. В «своей» организации капиталисты чувствовали себя свободнее, могли говорить смелее и пользовались большими правами.

В тех случаях, когда наряду с комитетами торговли и мануфактур в городах появлялись биржевые комитеты, они совершенно заслоняли эти совещательные учреждения, роль которых сходилa на нет. Часто, несмотря на наличие комитетов торговли и мануфактур и даже опираясь на их решения, капиталисты добивались введения биржевой организации. Так, в 1882 г. Таганрогский комитет торговли и мануфактур вернулся к проекту устава биржи, разработанному еще в 1872 г. отделением Коммерческого совета, одобрил его и представил на утверждение временному одесскому генерал-губернатору¹⁶.

Ограниченность функций существующих предпринимательских и сословных организаций и только что созданных полуказенных совещательных учреждений по вопросам торговли и промышленности, неудовлетворенность их деятельностью заставляли фабрикантов и заводчиков еще в дореформенные годы выступать с предложениями и проектами создания новых представительств. В 30—40-е годы крупные московские фабриканты (Гучковы, Крестовниковы, Прохоровы и др. — всего 39 человек) обращались к военному генерал-губернатору с просьбой о разрешении создать в Москве общество по-

ощрения мануфактурной промышленности¹⁷. Просьба эта не получила, видимо, удовлетворения.

Значительно большую настойчивость капиталисты проявили в конце 50-х годов, когда разрабатывался новый таможенный тариф и обнаружились тенденции к ослаблению таможенного барьера. Петербургские и московские предприниматели совместно обсудили план организации общества, в котором «могли бы рассматриваться все торгово-промышленные вопросы». Был даже составлен и в 1861 г. утвержден правительством проект устава¹⁸. Устав Общества для содействия и процветания отечественной промышленности подробно излагался и всячески рекламировался в «Вестнике промышленности» (1861 г., № 10). Но общество так и не возникло. По словам А. П. Шипова, этому помешало противодействие некоторых лиц¹⁹.

Тем не менее идея создания новых предпринимательских организаций продолжала развиваться. В 1865 г. пожелание о создании новых учреждений выразилось в сборнике, появившемся под редакцией неизвестного купца²⁰. Через несколько лет возродился и проект создания Общества для содействия русской промышленности и торговли, что снова было связано с предстоящим пересмотром таможенного тарифа. В начале 1867 г. за создание такого общества высказался председатель Московского отделения Коммерческого совета²¹. Проект устава общества был опубликован 8 августа 1867 г. в газете «Москва». Инициатива же в этом деле перешла в руки петербургских предпринимателей. На обеде промышленников 11 февраля 1867 г. было решено приступить к организации такого общества. За это дело горячо взялся А. П. Шипов. По его инициативе возник небольшой кружок учредителей — известных петербургских купцов (А. Г. Золотарев, Н. И. Погребов, В. А. Полетика, П. А. Беляев, В. Ф. Громов и др.)²². С помощью «Торгового сборника» 15 инициаторам удалось собрать еще 35 подписей под прошением о разрешении общества. Им довольно быстро удалось добиться утверждения устава, и 7 декабря 1867 г. состоялось официальное собрание учредителей, а окончательное организационное оформление произошло 10 февраля 1868 г. Председателем общества стал Погребов, вице-председателями — Шипов, Золотарев (председатель Петербургского биржевого ко-

митета), Полетика и Беляев. Через год с небольшим в обществе насчитывалось уже 517 членов, среди которых преобладали предприниматели²³. К началу 1879 г. в обществе имелось уже 759 членов. Купечество, вошедшее в организацию, было в основном из Петербурга и Риги. Московские капиталисты с самого начала настороженно отнеслись к мысли создать организацию с центром в Петербурге. Их настроения выразил, в частности, Ф. В. Чижев, считавший, что она должна создаваться в Москве, и поэтому уклонившийся от участия в организационной работе по подготовке общества²⁴.

Этим, видимо, в известной степени объясняется тот факт, что московские фабриканты не обнаружили особой активности на съезде фабрикантов и заводчиков, созванном в 1870 г. по инициативе общества²⁵. Хотя они внесли на проведение съезда довольно значительные средства, а Т. С. Морозов стал его вице-председателем, интерес их проявился лишь при обсуждении отдельных конкретных и частных вопросов (о развитии хлопководства в Средней Азии и Закавказье и пр.)²⁶.

На заседаниях общества обсуждались различные вопросы торгово-промышленной жизни (о железнодорожных тарифах), об оградительных пошлинах, о торговле со Средней Азией и т. п.). Результаты обсуждения отражались в периодической печати («Торговый сборник» и пр.) и в объемистых «Трудах» общества, выходивших ежегодно.

В начале 80-х годов московские капиталисты изменяют свое отношение к обществу. Они участвуют в разработке проекта созыва в Москве Всероссийского съезда представителей торговли и промышленности²⁷. На самом съезде в июле 1882 г. представители Москвы занимают ведущее положение. Почетным председателем был великий князь Алексей Александрович, председателем — князь В. А. Долгоруков, вице-председателями — А. Б. Бер и С. М. Третьяков. Т. С. Морозов возглавил два отделения съезда из шести. При этом все, даже принципиальные вопросы торгово-промышленной жизни, рассматривались с сугубо практических, утилитарных позиций. Такое «деловое» обсуждение, соответствующее видам правящих сфер и интересам предпринимательских кругов, предопределялось программой съезда (железнодорожное строительство, тарифы, заградительные пошлины и пр.)²⁸.

Съезд высказался за последовательное расширение принципа выборности в существующих совещательных учреждениях в столицах и на местах и за создание соответствующих выборных органов в каждой торгово-промышленной местности²⁹. Однако некоторые крупные капиталисты выступили против принципа выборности в торгово-промышленных учреждениях. В. К. Крестовников, например, заявлял при обсуждении докладов, обосновывавших необходимость учреждения выборных торговых палат, что «выборные учреждения для России вообще новы и вряд ли могут считаться хорошо привившимися»³⁰.

Московские капиталисты 9 сентября 1884 г. получают разрешение на учреждение специального отделения общества. Председателем отделения на общем собрании, состоявшемся в Политехническом музее, был избран Т. С. Морозов. В совет вошли Н. Н. Коншин, П. П. Мажутин, М. А. Горбов, А. Л. Лосев, В. Д. Аксенов, А. И. Абрикосов³¹. В течение нескольких лет отделение усердно защищало интересы московских торгово-промышленных кругов и ставило иногда вопросы, имевшие общероссийское значение. Оно, в частности, было инициатором возбуждения ходатайства об изменении только что принятых законов о фабрично-заводском труде, признавая их крайне обременительными для капиталистов. На совете отделения обсуждались вопросы таможенной политики в связи с необходимостью развития хлопчатобумажного производства. Особое место отводилось пресловутой борьбе с Лодзью. «Преимущества» Привислинской хлопчатобумажной промышленности и меры к их ликвидации неоднократно обсуждались на отделении. Для изучения положения дел на месте в Лодзь командировывались специальные лица, велась активная работа в петербургских канцеляриях, что в конечном итоге привело к желаемому результату³².

Однако сама юридическая конструкция Московского отделения общества не позволяла развернуть разностороннюю деятельность. Организационные формы были настолько несовершенны, что оно не могло соперничать с Московским биржевым комитетом, все более претендовавшим на роль объединяющего центра. К концу XIX в. комитет фактически становится представительной пред-

принимательской организацией, в известной степени выражавшей интересы всей российской буржуазии.

Потребности развития горной промышленности в старых и новых районах, заинтересованность предпринимателей в совместном обсуждении и решении общих вопросов обусловили создание системы представительных учреждений, по форме отличных от подобных учреждений в фабрично-заводской промышленности, опекавшихся Министерством финансов. Еще на первых этапах развития добычи каменного угля на Юге России углепромышленники с разрешения местных властей собирались «для обсуждения дел, до угольного промысла относящихся». В начале 70-х годов в области Войска Донского практика эта стала вполне устойчивой. Углепромышленники избирали специального «выборного», являвшегося их представителем при сношениях с чиновниками³³.

Обострение борьбы за рынки сбыта, за дешевую рабочую силу и за своевременную перевозку угля во время кризиса 1873 г. побудило углепромышленников к созданию более устойчивых организационных форм. Было решено созвать съезд углепромышленников Юга России. Министерство государственных имуществ удовлетворило ходатайство капиталистов. В ноябре 1874 г. состоялся первый съезд в Таганроге. С 1877 г. съезды горнопромышленников Юга (так теперь они стали именоваться) созывались ежегодно, сначала в Таганроге, а затем в Харькове³⁴. Создается комиссия выборных, в обязанности которой входило исполнение решений съездов и разработка для них материалов. С 1892 г. эти функции переходят к совету съезда³⁵. Здесь рассматривались и решались все вопросы, интересующие горнопромышленников. Совет защищал и отстаивал их интересы перед правительством и местными властями, являясь вполне дееспособной представительной организацией.

Аналогичные организации возникли в Московском районе (1880 г.), на Урале (1880 г.), в Привислинском крае (1883 г.). Съезды горнопромышленников Подмосковного края собирались в Туле, Урала — в Екатеринбурге, а Привислинского края — в Варшаве. В эти же годы организационно оформляется Совет съезда нефтепромышленников в Баку. Несколько ранее стали складываться регулярные съезды золотопромышленников, в конце 70-х годов уже превратившиеся в постоянные орга-

низации. Так, третий съезд золотопромышленников Оренбургского края в 1879 г. принял решение об обязательности исполнения постановлений всеми участниками. В конце XIX в. появляется Совет съезда терских нефтепромышленников, Совет съезда марганцепромышленников и др.

Общим для всех этих организаций было то, что вопреки их официальным уставам, определявшим совещательный и в известной степени «представительный» характер учреждений, они занимались и практической, «хозяйственной» деятельностью (организация кредита, определение условий сбыта продукции предприятий, взимание обязательных сборов, содержание учебных заведений и т. д. и т. п.). Отдельные советы съездов (нефтепромышленников и золотопромышленников) даже по уставам располагали более широкими правами. Однако в этих случаях, по утверждению государственного контролера Шванебаха, в основе их лежала «неправильная юридическая конструкция»³⁶. Но царские чиновники терпимо относились к «неправильной конструкции», к тому, что предпринимательские организации превышали свои полномочия. «Внеуставные» направления деятельности съездов развивались не без молчаливого согласия чиновников. Предоставление известного простора для самостоятельности и инициативы промышленников диктовалось условиями жизни. Без совещательных учреждений капиталистов ни Министерство финансов, ни Министерство государственных имуществ не могли «управлять» экономикой. Правительство, ограничивая эти организации крайне жесткими юридическими рамками, сохраняло за собой право контроля и вмешательства в деятельность создаваемых учреждений. Оно решительно пресекало нежелательную активность под предлогом нарушения уставов или «неправильности их юридической конструкции». Нужно отметить, что до конца XIX в. горнопромышленники спокойно воспринимали изменения в программах предстоящих съездов, вносившиеся министерством, с должным почтением относились к чиновникам, назначавшимся председателями съездов, терпеливо ходатайствовали по тем или иным вопросам в различных ведомствах и канцеляриях³⁷. Более того, председатель Совета съезда горнопромышленников Юга Н. С. Авдаков при обсуждении нового проекта положения о съездах

горнопромышленников в марте 1905 г. заявлял, что «утверждение программы занятий съездов правительством вовсе не стесняет их деятельности». Представители других съездов выступали в том же духе.

Наряду с локальными объединениями горнозаводчиков в конце XIX в. складывается их общероссийская представительная организация. В начале 1884 г. в Петербурге появляется «представительство» вошедших в соглашение коренных русских горнозаводчиков (Нижне-Тагильского, Верх-Исетского, Катавского, Симского, Холуницкого и других горных округов). Оно защищает интересы владельцев металлургических заводов Урала. Добиваясь увеличения ссуд, ограничения привилегий финляндских железоделательных заводов и «прекращения вредной деятельности Сосновицких заводов», ходатайствуя о повышении таможенных пошлин, «представительство» пыталось сплотить уральских заводчиков на борьбу с иностранными синдикатами, с союзами «между заводчиками, переделывающими иностранные материалы в России». Вопросы же о ценах и условиях продажи металлических изделий решались не «представительством», а по-прежнему совещаниями самих заводчиков³⁸. Вскоре выяснилось, что «представительство» неспособно. И на первом съезде железозаводчиков, состоявшемся в январе 1886 г., присутствовали заинтересованные лица не только Урала, но и Подмосковского, Польского, Северного и даже Южного районов России. Выступая единым фронтом, заводчики добивались, чтобы ссуды под залог металла «были распространены на все горнозаводские местности и на все конторы и отделения банка, в районах которых существуют горные заводы». Съезд настойчиво ходатайствовал, чтобы «на будущее время министерства военное, морское и путей сообщения не давали заказов за границей и чтобы все заказы этих ведомств, исполняемые внутри страны, обуславливались обязательством употреблять для них исключительно материалы, окончательно приготовленные в России». Было решено ходатайствовать об учреждении бюро железозаводчиков. В конце 1887 г. царь утвердил представление министра государственных имуществ о создании Постоянной совещательной конторы железозаводчиков³⁹.

Первоначально новая организация возглавлялась

представителями уральской горной промышленности⁴⁰. Однако руководители современных металлургических предприятий настояли на реорганизации конторы, осуществленной 9 июня 1892 г. Председателем и заместителем председателя стали их поверенные М. И. Кази и В. Ф. Голубев. Голубев, ставший в 1896 г. председателем конторы, активно выступал в различных правительственных совещательных органах (советах по железнодорожным и тарифным делам и пр.), обращался с личными ходатайствами к министрам и т. д.⁴¹

Различные представительные и совещательные организации в конце XIX в. уже не удовлетворяли запросов капиталистов. Надвигающийся кризис перепроизводства настоятельно требовал установления более гибких взаимоотношений и более тесных контактов с Министерством финансов. Идя навстречу пожеланиям промышленников, министр финансов в декабре 1899 г. добился разрешения созывать, «когда это окажется необходимым и удобным», съезды представителей горнопромышленных, металлургических, вагоностроительных, машиностроительных и механических предприятий Северного и Прибалтийского районов⁴².

Несовершенство формы предпринимательских организаций, сложившихся в горнозаводской промышленности, не мешало Министерству государственных имуществ распространять их на другие отрасли производства, где особенно усиливалась необходимость в консолидации капиталистов. В 1888 г. при Московском обществе сельского хозяйства созывается всероссийский съезд мукомолов, на котором принимается решение о периодическом проведении местных съездов мукомолов. Департамент земледелия и сельской промышленности 10 июня 1889 г. разъяснял, что организацией этих съездов должны заниматься «сельскохозяйственные общества, имеющиеся почти во всех губерниях»⁴³.

Съезды предпринимателей как форма совещательных и представительных организаций капиталистов привлекают внимание и Министерства путей сообщения. Сначала такие съезды проходили на железнодорожном транспорте, а «высочайшим повелением» 19 июля 1875 г. распространяются на «представителей пароходных предприятий и судового промысла». Заниматься они должны были лишь вопросами, «исключительно касающимися су-

доходства». В сентябре 1875 г. состоялся первый съезд волжских судовладельцев. В декабре того же года собрался первый съезд судовладельцев бассейна Оки⁴⁴. Съезды стали собираться регулярно.

Существование различных предпринимательских организаций, преследовавших цели, ограниченные интересами различных районов и конкретных отраслей народного хозяйства, не исключало, а, наоборот, требовало все настоятельнее по мере укрепления позиций буржуазии в сфере экономики создания общероссийской организации, выражавшей интересы всех капиталистов. В известной степени роль объединяющего центра пытался выполнять Московский биржевой комитет, представлявший торгово-промышленную буржуазию Центра России. Руководство общероссийским купечеством через этот орган реализовать было трудно, так как формально он имел локальные задачи и функции. И крупное московское купечество возлагает надежды в этом отношении на Нижегородский ярмарочный биржевой комитет.

Ярмарочный комитет при том значении, которое ярмарка имела во внутренней торговле, особенно в первые пореформенные десятилетия, являлся как бы естественным центром объединения купечества. Однако права купеческого представительства на ярмарке были крайне ограничены. Все вопросы организации ярмарочной торговли разрешались ярмарочной конторой и местной администрацией, хотя мнение купечества издавна учитывалось при тех или иных решениях. Существующее положение явно не отвечало запросам купечества. Поэтому еще в дореформенные годы разрабатываются проекты устава для Нижегородской ярмарки, а с 1858 г. должность председателя Нижегородского ярмарочного биржевого комитета стала выборной⁴⁵. С 14 июля 1864 г. вводятся новые правила для Нижегородской ярмарки. Деятельность выборного комитета ограничивается временем ярмарки, и права его распространялись лишь на вопросы организации ярмарочной торговли⁴⁶.

В 1865 г. представители ярмарочного купечества обратились с просьбой об учреждении местных торговых комитетов. Это ходатайство не получило удовлетворения. Однако в 1866 г. в виде опыта купечеству было разрешено избирать особых уполномоченных «для обсуждения общественных вопросов»⁴⁷. Это разрешение в 1867 г.

продлевается на два сезона, а затем собрания уполномоченных становятся неотъемлемой частью ярмарочного управления. Они созываются для рассмотрения всех сколько-нибудь значительных событий и вопросов ярмарочной жизни. Перестройка ярмарочного управления продолжалась и далее. В сентябре 1876 г. Нижегородский ярмарочный двор был передан в собственность купечеству, которое избирает специальную комиссию из 10 человек «для рассмотрения вопроса об изменении существующего порядка заведования Нижегородской ярмаркой с целью достижения лучшего ярмарочного устройства». Этой комиссии было предоставлено право собираться «вне ярмарочного времени и даже в Москве». Проект, предусматривающий значительное расширение прав выборного ярмарочного комитета и упразднение ярмарочной конторы, комиссия подготовила лишь к 1880 г., и он через временного генерал-губернатора Н. П. Игнатьева был представлен в Министерство внутренних дел. Министерская комиссия, подвергнув проект коренной переработке, возвращает его на заключение нижегородскому губернатору. Тот признает проект неудовлетворительным. Представители купечества продолжают настаивать на введении ярмарочного самоуправления, добиваются узаконения института уполномоченных и разрешения ярмарочному комитету собираться вне ярмарочного времени, как того требует уже существующая практика. При этом отмечалось, что правительство разрешило комитету собираться до открытия ярмарки для обсуждения вопросов о благоустройстве и пр. Собрание уполномоченных 26 августа 1881 г. также «остановилось на самоуправлении как более желательном способе управления» ярмаркой⁴³. Правящие верхи не спешили, однако, столь радикально расширять права купечества. Обсуждение проекта затягивалось. Тем не менее внеярмарочная деятельность комитета заметно активизировалась. Председатель комитета П. Осипов в отчете за первый год своей деятельности отмечал, что ему пришлось в неярмарочное время побывать в Нижнем 4 раза и в Петербурге 5 раз, что «деятельность председателя продолжается в течение всего года, а не в одно только ярмарочное время и не ограничивается одной ярмарочной местностью». Ярмарочный комитет проводит регулярные заседания. Так, в 1883—1884 гг. их было 8

(4 в Москве и 4 в Нижнем Новгороде), а в 1884—1885 гг. — 7 (4 в Нижнем Новгороде и 3 в Москве). В эти же годы при ярмарочном комитете учреждается самостоятельное делопроизводство и зависимость его от ярмарочной конторы прекращается⁴⁹.

Сравнительно радикальный проект реорганизации ярмарочного управления, связанный с либеральными веяниями на рубеже 70—80-х годов, оказался нереалистичным. Высшие чиновники, допускавшие возможность расширения купеческой самостоятельности, оказались не у дел (Н. П. Игнатьев). С учетом новых условий, определявшихся торжеством идей «охранительного» направления, ярмарочное купечество в 1884 г. переработало проект. Предусматривалось, что ярмаркой должны управлять главный начальник (назначаемый вместо генерал-губернатора), ярмарочный комитет и собрание уполномоченных. Ярмарочная контора сохранялась в качестве исполнительного органа главного начальника и комитета. Новые правила закрепляли созыв комитета во внеярмарочное время. В 1885 г. проект рассматривала комиссия В. К. Плеве⁵⁰. Вскоре правила стали действовать. Они открыли, несмотря на ряд ограничений, известный простор для развития представительных функций ярмарочного комитета, выступающего от имени всероссийского купечества. В комитете преобладали московские капиталисты, а председателем избирались их представители. Поэтому в конце XIX в. заседания комитета во внеярмарочное время происходили, как правило, в Москве. Именно с середины 80-х годов ярмарочный комитет стал осуществлять «право представительства по вопросам о нуждах отечественной торговли и промышленности на самом крупном в России торжище». Деятельность комитета и собрания уполномоченных, по утверждению самого комитета в 1906 г., «затрагивала общегосударственные интересы»⁵¹. В частности, в 1887 г. купечество, торгующее на Нижегородской ярмарке, представило обширную записку о мерах к поощрению развития промышленности и торговли, в которой затрагивался комплекс больших вопросов, начиная от преимуществ «иностранный» промышленности в Польше, рынков сбыта в Средней Азии, Персии и на Дальнем Востоке и кончая рабочим вопросом, находившимся в центре внимания⁵². Особенно комитет активизировался при С. Т. Морозове,

являвшемся его председателем с 1891 по 1897 г. По словам крупного капиталиста Я. Е. Башкирова, заслуга председателя заключалась в том, что «он поднял авторитет ярмарочного управления, придал ему характер общественного самоуправления, между тем как до него оно носило характер казенного учреждения»⁵³. Однако ярмарочный комитет стал реально претендовать на представительство общероссийских интересов в такое время, когда удельный вес ярмарочной торговли обнаружил тенденцию к сокращению. Значение ярмарки в экономической жизни страны стало уменьшаться. Поэтому в конечном итоге попытки комитета выражать интересы капиталистов всей России были обречены на неудачу. Единую общероссийскую предпринимательскую организацию русским капиталистам до революции 1905—1907 гг. так и не удалось создать.

Таким образом, отношение правящих верхов к торгово-промышленным организациям было двойственным и противоречивым. С одной стороны, они должны были в интересах развития промышленности, торговли и финансов допускать создание тех или иных представительных предпринимательских учреждений, поощрять известное развитие инициативы купечества, с другой — деятельность и в особенности узаконенные права создаваемых организаций ограничивались жесткими рамками, допускающими самодеятельность капиталистов в крайне тесных пределах узкопрофессиональных интересов. Пределы преобразований и здесь определялись тем общим подходом к реформам, который был присущ российскому абсолютизму. Александр II по поводу пожеланий дворянства усовершенствовать управление указывал: «Прежде всего я желаю, чтобы правительственная власть была властью и не допускала никаких ослаблений и чтобы всякий исполнял свято лежащую на нем обязанность. Второе же: стремиться к постепенному исправлению тех недостатков в нашей администрации, которые все чувствуют, но при том не касаясь коренных основ монархического и самодержавного правительства»⁵⁴. Линия на сохранение и укрепление основ самодержавного строя предопределяла «ходатайствующее» положение торгово-промышленных организаций. В конечном итоге многочисленные различные по форме предпринимательские организации занимались мелкими повседневными, иногда

чисто административными вопросами и, обладая лишь совещательными правами, ходатайствовали главным образом о тех или иных преимуществах, привилегиях и уступках, необходимых ограниченному кругу капиталистов. Лишь некоторые «представительства» (Московский биржевой комитет, Нижегородский ярмарочный комитет) в отдельных случаях пытались выражать интересы крупной буржуазии всей России. Однако роль эта им была еще явно не по плечу. В. И. Ленин отмечал, что при Александре II «русский царизм начинал превращаться в «плутократическую» монархию, *«начинал»* выражать классовые интересы буржуазии». Но он не мог их выразить без самостоятельной классовой *организации* буржуазии»⁵⁵.

Правительство подчеркивает государственное значение торгово-промышленной деятельности крупной буржуазии, отмечает значительных оптовых торговцев и владельцев больших фабрик и заводов чинами, орденами, званиями и пр. К середине 80-х годов многие крупные купцы имели по 3—6 орденов. Награды дополнялись различными званиями (почетных граждан, потомственных почетных граждан, коммерц- и мануфактур-советников). Это как бы сглаживало различия между господствующими сословиями, приближало купцов к высшему сословию — дворянству. Не только дворянство, но и верхушка купечества поднималась и возвышалась над миллионами рядовых обывателей, над массами совершенно бесправных крестьян и рабочих. В 80-е годы представители купечества все чаще получают высшие чины и даже дворянские звания. Однако наделение купечества новыми привилегиями, приближение его верхушки к высшему сословию имели объективно отрицательные последствия. В конечном итоге попытки укрепления сословности, являвшейся одним из главнейших проявлений пережитков крепостничества в дореволюционной России⁵⁶, без сомнения, препятствовали классовой организации купечества, тормозили процесс консолидации крупной буржуазии, превращения ее из «класса в себе» в «класс для себя», в класс, ясно сознающий единство своих задач и интересов. Политика правительства, таким образом, задерживала самоопределение нового класса капиталистического общества.

Эта линия становится еще более очевидной, если про-

следить реакцию правящих верхов на те робкие попытки купечества, в которых оно выражает свое отношение к тем или иным вопросам общественно-политической жизни. Любой факт проявления самостоятельности торгово-промышленных кругов на общественно-политической арене вызывал опасения и тревогу. Инициатива торгово-промышленной буржуазии допускалась и поощрялась в узкоограниченных пределах чисто купеческих «профессиональных» интересов. Царские чиновники «опекали» купечество, защищали интересы буржуазии, но лишь взамен за верноподданническое поведение, за отказ от какого-либо посягательства на права верховной власти. Попытки выйти из этих рамок нарушали бдительно охраняемую и тщательно поддерживаемую правительством систему взаимоотношений. Успешная коммерческая деятельность капиталистов в свою очередь во многом зависела от государства (казенные заказы, заградительные таможенные тарифы, льготные железнодорожные тарифы и т. п.), что сдерживало оппозиционные устремления, если они и появлялись в связи с большими неудобствами правительственной системы опеки и вмешательства.

Сохранение сословной замкнутости препятствовало развитию политического самосознания, вызреванию среди капиталистов единых классовых идей и взглядов, задерживало выступление крупной буржуазии как класса. Подобная политика, сочетавшаяся с мерами экономической поддержки купечества, максимального учета его экономических интересов, обуславливала формирование тех черт крупной буржуазии пореформенной эпохи, которые в значительной степени определяли ее общественно-политическое лицо вплоть до 1917 г. В. И. Ленин, характеризуя октябристов и примкнувшие к ним политические течения, указывал в 1907 г., что сюда относится промышленная и землевладельческая буржуазия, типичная для эпохи первоначального накопления. Характеризуя этого хищника как грубого, жадного, паразитического, «но с некоторым культурным лоском и — главное — с желанием также ухватить добрый кусок казенного пирога в виде гарантий, субсидий, концессий, покровительственных тарифов», В. И. Ленин подчеркивал, что он имеет общие интересы с черносотенцами — «хозяйственный паразитизм и привилегии, квасной патриотизм». При этом В. И. Ленин указывал и на те причины, которые не позволяли хищни-

кам первоначального накопления мириться с господством черносотенцев и существующими в России порядками, заставляли их добиваться куцых и ограниченных реформ. Он отмечал: «Интересы капитализма, хотя бы и грубо хищнического, паразитического, не мирятся с безраздельным господством крепостнического землевладения»⁵⁷. В XIX в. эти противоречия проявлялись не столь отчетливо. Тем не менее они давали о себе знать и в первые пореформенные годы, и в особенности к концу столетия. В связи с обострением этих противоречий менялось мировоззрение крупной буржуазии, что создавало предпосылки для превращения ее из «класса в себе» в «класс для себя».

**КРУПНАЯ БУРЖУАЗИЯ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ РОССИИ**

Капиталисты и периодическая печать

Изучение характера связей крупных капиталистов с теми или иными газетами и журналами представляет несомненный интерес. Некоторые особенности процесса складывания российской буржуазии в класс капиталистического общества помогают выявить периодические издания пореформенных десятилетий.

Еще в начале XIX в. Министерство финансов организовало издание журнала «Мануфактура и торговля» (1825 г.) и газеты «Мануфактурные и горнозаводские известия» (1839 г.), которые имели целью «сообщать владельцам фабрик и заводов полезные и даже необходимые для них сведения». Однако издания эти не пользовались популярностью среди капиталистов. Мало помогло и то, что подписка производилась через Департамент мануфактур и внутренней торговли, использовавший для этой цели мануфактурные комитеты и местную администрацию¹.

В предреформенные годы предприниматели делают первые крайне робкие шаги в издании собственных журналов и газет, выражающих сначала их чисто «профессиональные» интересы.

Политическая обстановка в России после Крымской войны характеризовалась усилением либерально-оппозиционных настроений как в западных, так и в славянофильских кругах, что оказывало определенное воздействие на пробуждение политического самосознания

крупной буржуазии. В первую очередь это касается московского купечества, отдельные представители которого (С. П. Боткин, И. Ф. Мамонтов, К. Т. Солдатенков и др.) вращались в среде умеренных либералов, заметно активизировавшихся в Москве с 1857 г. Так, крупный откупщик В. А. Кокорев оказывал значительную материальную поддержку славянофилам, издававшим в 1856—1860 гг. «Русскую беседу». Он неоднократно печатался в конце 50-х годов в «Русском вестнике» и «С-Петербургских ведомостях»². Мы не располагаем сведениями о финансовых связях Кокорева с этими газетами и журналами, но, по всей видимости, издатели обнаруживали интерес к купеческой публицистике только после соответствующих денежных пожертвований. Прочных связей с прессой, имевшей свои традиции, у Кокорева возникнуть не могло. Это, видимо, и заставило его думать об издании нового журнала, получившего название «Общее дело»³. Чахлые ростки либеральных идей в купеческой среде заглохли весьма быстро. Этому способствовали административные меры пресечения, которые местные власти применили к Кокореву и его друзьям (негласный надзор, запрещение застольных речей на банкетах и пр.)⁴. Что же касается основной массы купечества, то общественно-политические вопросы ее почти не волновали. Она была еще далека от понимания широких классовых интересов буржуазии, оставаясь на узкогрупповых, сословных позициях.

Общественное и политическое самосознание крупных капиталистов формировалось в значительной степени под воздействием тех узкокорпорационных, экономических по преимуществу интересов, которые были свойственны их наиболее авторитетным группам. В первые пореформенные десятилетия исключительная роль при этом принадлежала представителям национальной торгово-промышленной буржуазии Нечерноземного Центра.

Развитие промышленности и торговли в 40—50-е годы XIX в. способствовало укреплению экономических позиций крупных промышленников и торговцев. В то же время правительство в какой-то мере изменяет своей традиционной политике «покровительства», вводя новые тарифы в 1850 и 1857 гг., что ослабляет таможенный барьер. В конце 50-х — начале 60-х годов правительство все больше прислушивается к сторонникам идей свободной

торговли, а это противоречит интересам крупной буржуазии внутренних губерний России. Капиталисты все настойчивее ощущают потребность в открытом выражении своих взглядов и интересов, в расширении возможностей воздействовать на правящие верхи и общественное мнение через прессу. Буржуазные преобразования, которые готовились правительством, также не могли не способствовать возникновению в купеческой среде стремлений избавиться от повседневной тягостной опеки и произвола чиновников.

В Центральном промышленном районе первая известная нам попытка организации капиталистами собственных изданий принадлежала костромским предпринимателям — дворянам А. П. и Д. П. Шиповым. Исполнение этого дела они возложили на отставного профессора Ф. В. Чижова, известного своими славянофильскими взглядами и связями. По их поручению он разработал программу издания газеты и журнала, призванных выражать и защищать интересы торгово-промышленных кругов. Эта программа была одобрена Шиповыми, которые собрали среди своих ближайших единомышленников около 30 тыс. руб. Чижев энергично берется за подготовку журнала. На средства издателей он совершает поездку за границу для ознакомления с постановкой подобных изданий в капиталистических странах Европы, подбирает сотрудников. Д. П. Шипов очень высоко оценивал подготовительную работу, сделанную Чизовым. В письме от 12 апреля 1857 г. он утверждал: «Я вижу, что никто не мог приняться за дело нашего будущего журнала так горячо, как Вы»⁵.

Одним из первых сотрудников новых изданий становится профессор политической экономии И. К. Бабст, привлеченный по прямому указанию Шиповых. Уже в начале марта 1857 г. Бабст дал согласие принять участие в редактировании этого «промышленного журнала». Хотя он принадлежал к западническому течению общественной мысли того времени, он становится компаньоном Ф. В. Чижова по изданию журнала и газеты. Выбор пал на Бабста не случайно. В отличие от других экономистов-западников (В. П. Безобразова, Е. И. Ламанского и др.) он не был ревностным сторонником фритредерства. Публичные выступления Бабста не грешили категоричностью и непримиримостью выступлений других эконо-

мистов. Крупный московский фабрикант Я. Прохоров писал Бабсту 12 апреля 1857 г.: «Я Вашу речь с наслаждением прочитывал, и последующие Ваши статьи весьма нам интересны. Конечно, кое-где в Вас видим, идеи нового учения о свободе торговли, но Вы благоразумно разъясняете, и мы, неученые, понимаем. Поверьте, что это все ко времени осуществится, только подготовьте нас к этому благоразумно, быть может, через полвека сами пожелаем того»⁶.

Журнал «Вестник промышленности» стал выходить в 1858 г. В качестве редакторов были приглашены представители соперничающих идейно-общественных течений, что особенно рельефно подчеркивает индифферентность большинства промышленников к общественно-политическим вопросам. Не отличаясь ни широтой взглядов, ни глубиной политического воображения, они заранее ограничивали задачи издания узкопрофессиональными сюжетами. Абстрактные споры западников и славянофилов их почти не трогали. И если их симпатии склонялись более к отдельным столпам славянофильства (И. С. Аксакову), то это объясняется тем, что последние решительно отвергали идеи фритредеров и обнаруживали готовность поддерживать притязания национальной торгово-промышленной буржуазии.

Первый год журнал издавался в основном на средства Шиповых и небольшие сборы, которые им удалось сделать на Нижегородской ярмарке⁷. В 1859 г. источники финансирования не изменились. Попытки Шиповых привлечь к изданию журнала более широкие круги купечества не имели успеха. Их агитация на Нижегородской ярмарке снова не дала сколько-нибудь реального результата. Финансовое положение журнала несколько улучшилось лишь в результате заключения соглашения с владельцем Саратовской железной дороги Г. Марком. После неудачной попытки ряда акционерных железнодорожных обществ организовать в 1859 г. издание собственного журнала в Петербурге он обратился с предложением финансировать журнал в размере 1 тыс. руб. при условии публикации в нем статей и других материалов, представляемых правлением его дороги⁸. С помощью таких чрезвычайных мер Шиповым, не располагавшим большим личным состоянием, все же удалось собрать средства для издания в 1859 г. не только журнала «Вестник про-

мышленности», но и газеты «Акционер». Тем не менее коммерческое положение этих изданий оставалось весьма неустойчивым. Шиповы «выдохлись» и прекратили финансирование. В конце 1861 г. Чижев и Бабст склонялись к приостановке издания. Однако к этому времени газета и журнал заинтересовали крупных текстильных фабрикантов, возглавлявших Московский биржевой комитет. Если первые годы журнал и газета были перенасыщены информацией о коммерческом положении шиповских предприятий, то в 1860—1861 гг. в них все чаще появляются статьи по вопросам, волновавшим крупную торговую и промышленную буржуазию. Поэтому капиталисты высказываются за продолжение издания. Председатель Московского биржевого комитета А. И. Хлудов и старшина комитета И. А. Лямин от имени крупных фабрикантов обещали подписаться на 1500 экземпляров «Вестника промышленности» и такое же количество номеров газеты «Акционер». Кроме Хлудова и Лямина внесли деньги Морозовы, С. А. Алексеев, С. Д. Ширяев, К. Т. Солдатенков, С. Л. Лепешкин, П. Н. Ланин и др. Показательно, что капиталисты почти не указывали адресов, куда нужно было высылать журнал и газету. Сотни номеров оставались в распоряжении редакторов⁹. Отъезд Бабста в Петербург ускорил прекращение издания «Вестника промышленности». Однако Чижев, реорганизовав издание, пытался еще продолжать выпуск «Акционера». В 1863 г. «Акционер» выходил в качестве приложения к еженедельной газете «День», издаваемой И. С. Аксаковым. В 1864 г. «Акционер» прекращает свою деятельность, однако в «Дне» был введен экономический отдел, редактировавшийся Ф. В. Чижевым, где помещались статьи по вопросам финансов, промышленности и торговли¹⁰.

В журнале «Вестник промышленности» и газете «Акционер», а позже в экономическом отделе «Дня» публиковались статьи, заметки и материалы по вопросам экономического развития России. В целом они отвечали запросам капиталистов и отражали интересы торгово-промышленных кругов. Так, в статье И. К. Бабста «Современные нужды народного хозяйства» одобрялись, например, меры к развитию производительных сил страны. Более того, хотя и очень осторожно, но все же высказывалось пожелание, что «многое можно было проводить

смелее и решительнее»¹¹. Журнал с восторгом встретил отмену крепостного права, оценивая этот акт как «великое преобразование». Рисуя радужные перспективы на будущее, редакторы журнала писали: «Сколько выиграют от освобождения крепостного сословия торговля и промышленность, это теперь невозможно было бы исчислить даже приблизительно»¹².

В газете «Акционер» преобладали статьи и материалы более конкретного характера. Здесь публиковались обозрения акционерной деятельности, внутренней торговли мануфактурными товарами, торговли в Средней Азии и т. д.¹³ В еженедельной газете «День» наряду с освещением аналогичных конкретных вопросов особое внимание уделялось развитию коммерческого кредита, политике в области железнодорожного строительства и политике с фритредерами. Во всех этих изданиях выступали и капиталисты. Они, как правило, скрывались за псевдонимами.

Особенно часто печатался на первых порах А. П. Шипов, публиковавший в «Вестнике промышленности» статьи общего характера за своей собственной подписью. В действительности соавтором этих статей и ряда брошюр Шипова был Ф. В. Чижев. Сам Шипов писал Чижову 9 августа 1861 г. следующее: «Прежде всего я должен чрезвычайно благодарить Вас, душевно уважаемый Федор Васильевич, за все, что Вы прибавили в мою статью, напечатанную в № 7 Вашего журнала, за все то, чем Вы ее украсили»¹⁴.

Хотя «Вестник промышленности» и «Акционер» издавались на средства капиталистов, хотя Чижев и Бабст насыщали идеями, украшали и редактировали статьи промышленников-графоманов, по всей видимости, было бы неверным ставить этих талантливых издателей на одну доску с беспринципными лакействующими журналистами, которые вскоре стали кормиться около крупной буржуазии, торгуя своим пером оптом и в розницу, выполняя любые заказы за сравнительно умеренную мзду. Не только связи, но и знания помогали Бабсту и Чижову сохранять свое личное достоинство и известную самостоятельность, в частности они категорически отказывались печатать присылаемые им материалы за своими подписями¹⁵. Однако свой талант, знания и опыт они сознательно поставили на службу развивающейся и креп-

нушей буржуазии, убежденно развивая взгляды и теории, отражающие ее интересы. Они верой и правдой служили московским капиталистам, с которыми их начинали связывать все более крепкие узы. Выступая перед промышленниками в начале 60-х годов и отвечая на похвалы в адрес журнала, Чижов заявлял: «В этих исследованиях приходится слушаться голоса промышленников и самих торговцев. Поэтому, гг., наша нынешняя заслуга заключается единственно в том, что мы слушали их. Поэтому если вам угодно было выпить тост за здоровье наше, то позвольте предложить тост за здоровье наших руководителей, московских промышленников, фабрикантов и купечества»¹⁶.

Аксаковский «День» не находился в прямой экономической зависимости от капиталистов. По справедливому замечанию С. А. Никитина, он «оставался органом дворянских интересов, представлял умеренно-либеральное дворянство»¹⁷.

Определенное сближение торгово-промышленных кругов с И. С. Аксаковым началось в 50-х годах. В период подготовки сочинения об украинских ярмарках в 1853—1854 гг. Аксаков сблизился с рядом видных купцов и проникся их интересами. Изданное им в 1858 г. исследование о торговле на ярмарках получило одобрительную оценку «Вестника промышленности»¹⁸. Конечно, не догмы славянофильского учения привлекали капиталистов. В первую очередь они уловили в нем лишь ту сторону, которая перекликалась с их домогательствами безоговорочной поддержки национальной промышленности и торговли в противовес иноземным предпринимателям. В известной степени, видимо, капиталистам импонировало и фрондерство И. С. Аксакова. Оставаясь на верно-подданнических позициях, они начинали мечтать о расширении своих прав и стремились занять более заметное место в общественной жизни. Сами же славянофилы в приобщении торгово-промышленных кругов видели путь к расширению своего влияния. Еще по поводу газеты «Парус», два единственных номера которой появились в январе 1859 г., И. С. Аксаков писал, что она «возбудила участие купцов». Участие это, видимо, было словесным¹⁹. Вместо «Паруса» Аксаков в том же 1859 г. пытался издавать газету «Пароход». Редактором «Парохода» намечался Ф. В. Чижов, уже редактировавший

«Вестник промышленности» и сотрудничавший в «Русской беседе». Осуществить эту комбинацию не удалось²⁰.

После прекращения «Вестника промышленности», используя заинтересованность предпринимателей в сохранении «Акционера», Чижев и Аксаков решили, видимо, упрочить материальную базу «Дня». Желавшие получать «Акционер» должны были подписаться на «День». Стоимость же подписки на «Акционер» составляла 2 руб., а на «День» — 6 руб. в год. Когда же подписчики «Акционера» стали привыкать к «Дню», «Акционер» был упразднен. Однако расчеты Аксакова на капиталистов не оправдались. Ему не удалось изменить облик газеты и серьезно заинтересовать купечество. В конце 1865 г. он вынужден был прекратить издание «Дня».

Отсутствие «своего» органа московские капиталисты пытались компенсировать, поддерживая журнал «Торговый сборник», выходивший в Петербурге в 1864 г. С самого начала журнал обещал быть органом торговых интересов и мнений касательно различных торговых, финансовых и политико-экономических вопросов²¹. На его страницах всячески популяризировалась идея создания торгово-промышленных организаций и довольно последовательно велась борьба с российскими фритредерами²². После создания Общества для содействия улучшению и развитию русской промышленности и торговле «Торговый сборник» становится его органом²³.

В это время А. П. Шипов пытается реорганизовать казенный «Нижегородский ярмарочный справочный листок» и сделать его выразителем взглядов купечества. 25 августа 1865 г. торгующее на ярмарке купечество одобрило предложение Шипова, чтобы ярмарочная газета была собственным органом ярмарки²⁴. В Казани в 1868 г. появился «Казанский биржевой листок», публиковавший по преимуществу сведения о торговле, ценах и местной биржевой жизни, а также некоторые официальные сообщения.

Однако и «Торговый сборник», и в особенности «Нижегородский ярмарочный справочный листок», и «Казанский биржевой листок» не являлись популярными общественно-политическими изданиями. Они почти не оказывали воздействия на общественное мнение. А нужда в таком органе воздействия диктовалась самой

жизнью. Активизация зарубежных и отечественных фритредеров побудила московских капиталистов принять меры к созданию авторитетного издания. Снова обратились к И. С. Аксакову. Его имя и авторитет были необходимы. Организационные вопросы опять поручили решать Ф. И. Чижову²⁵. 3 мая 1866 г. в письме к И. К. Бабсту Чижев утверждал: «Минута самая благоприятная для издания новой газеты. По части торговли, промышленности и, может быть, финансов я здесь найду сотрудников. Мы с Вами поведем эту сторону газеты так, что едва ли будет легко конкурировать. О прочем потолкуйте с Аксаковым». В другом письме он сообщал о согласии И. С. Аксакова редактировать газету²⁶. 24 сентября 1866 г. Аксаков представил Чижову расчеты расходов по изданию еженедельной газеты и свои условия, на которых он согласен вести редактирование²⁷.

9 октября на квартире Т. С. Морозова между московскими капиталистами, финансировавшими издание, и И. С. Аксаковым как редактором новой газеты были подписаны условия взаимных отношений²⁸.

Через несколько дней в письме к М. Ф. Раевскому Аксаков так определял условия этого соглашения: «Я совершенно независим в своих редакторских действиях; все мое обязательство заключается в том, чтобы из 24 столбцов газеты не менее двух посвящено было торговым корреспонденциям, чтобы раз в неделю была передовая статья от Бабста или Чижова по вопросам экономическим и чтобы этим отделом заведовали Чижев и Бабст, что мне на руку»²⁹. Однако Аксаков, возможно и искренне, идеализирует свою независимость. Показательно уже то, что пробный номер газеты «Москва» 15 декабря 1866 г. предварительно рассматривался представителями капиталистов в доме Т. С. Морозова. Вопрос об издании газеты в 1867 г. неоднократно обсуждался на совещаниях в составе Морозова, Лямина, Аксакова, Чижова, Бабста³⁰. Затратив на издание газеты значительные средства, московские капиталисты, не подвергая Аксакова мелочной опеке, полностью позволяя ему излагать свои взгляды, оставляли за собой право контроля. Этот контроль осуществляли Т. С. Морозов, И. А. Лямин, П. Малютин, К. Т. Солдатенков, внесшие в 1866—1868 гг. для издания газеты 39 500 руб. (из собранных 68 500), то есть более половины³¹.

Газета «Москва» с самого начала выступила последовательным защитником идей протекционизма. В передовой статье первого номера наряду с изложением традиционных славянофильских идей говорилось: «Мы глубоко убеждены, что не настало еще для нас время броситься очертя голову по пути полного и свободного соперничества в международной торговле; что, прежде чем выступать на такое опасное состязание, нам еще следует устроиться у себя дома и много еще сбросить уз и стеснений, которыми опутано наше народное производство и свободное передвижение живых производительных сил и вещественных капиталов. Лучше несколько обождать, лучше подвигаться осторожнее и медленнее по пути свободной торговли, дабы тем прочнее приблизиться к этому идеалу международных сношений, если только полное его достижение не относится к числу таких же прекрасных мечтаний, как всеобщий мир и тому подобные утопии»³².

Хотя в газете «Москва» и ее преемнике «Москвиче» рассматривались и другие вопросы экономической жизни, волновавшие московских фабрикантов (о торговом флоте, о торговле среднеазиатским хлопком, о продаже Николаевской железной дороги и пр.)³³, статьи о таможенных тарифах, о работах тарифной комиссии и деятельности в ней представителей капиталистов составляли основное содержание экономического отдела. По этому вопросу помещались не только редакционные, но и авторские статьи представителей торгово-промышленного мира (Д. П. Шипова, И. А. Лямина и др.)³⁴. Отражая настроения фабрикантов, газета давала довольно резкую оценку деятельности тарифной комиссии. В передовой статье «Москвы» 4 апреля 1868 г., например, заявлялось: «Ни началом своих заседаний, ни окончанием своих работ комиссия не удовлетворила желаний наших промышленных людей». Передовые статьи по экономическим вопросам, как правило, писал Ф. В. Чижев.

Свои славянофильские убеждения И. С. Аксаков излагал весьма открыто, не скрывая недовольства по отношению к крупным царским чиновникам. Фрондерство Аксакова вызывало одно предупреждение за другим, привело к приостановке издания газеты и, наконец, ее прекращению. В период с 1 января 1867 г. по 21 октября 1868 г. газета получила девять предостережений и три-

жды приостанавливалась (на три, четыре и шесть месяцев). Из всех девяти предостережений и приостановок только одна касалась статей по экономическим вопросам. Она была связана с оценкой докладной записки министра финансов о пересмотре тарифа. Характеризуя эту записку, газета утверждала, что она могла появиться от людей, «желающих подорвать материальные средства нашего отечества» или же «решительно ничего не понимающих», чуждых интересам народа, не знающих его нужд³⁵.

Особое неудовольствие царского окружения вызвали статьи Аксакова, направленные против прибалтийского немецкого дворянства, и его полемика с проправительственной «Вестью». Несмотря на объяснения Аксакова, заявлявшего, что газета его имела «характер патриотический и что основными началами ее были самодержавие, православие и русская народность», ему не удалось отстоять свою газету. Соединенные департаменты Государственного совета признали, что постоянным предметом газеты было «беспрерывное осуждение различных властей, начиная от полицейской и кончая духовной. Из этого очевидно, что Аксаков, провозглашая себя верным началу самодержавия, постоянно высказывал покушение подрывать доверие к тем органам, которыми самодержавная власть действует, заявляя свою преданность высшему правительству, беспрерывно нападал на те многочисленные власти, которые установлены тем же правительством и составляют неразрывные его части». Государственный совет запретил дальнейшее издание газеты «Москва»³⁶. Фрондерство Аксакова по отношению к некоторым государственным деятелям, его критика тех или иных сторон официальной политики не соответствовали видам правящих кругов. Персона И. А. Аксакова в III отделении находилась под неослабным наблюдением. Его попытки занять информаторов и корреспондентов в среде чиновничества (практика обычная в те годы) решительно пресекались³⁷.

Нельзя сказать, что публицистическая манера И. С. Аксакова во всем импонировала капиталистам. Многие из них были недовольны его «умением» обострять отношения с министрами. 18 апреля 1867 г., например, Ф. Журов (постоянный корреспондент «Москвы» и владелец небольшого текстильного предприятия во Влади-

мирской губернии) писал о том, что редактирование газеты целесообразнее взять И. К. Бабсту или Ф. В. Чижев. «Мне думается, — продолжал он, — что у Вас дело пошло бы глаже, а то г. Аксаков (не в укор это я ему говорю: честь ему и слава) пошел напролом очень неосторожно: «плетью обуха не перешибешь», видно, до времени голос возвышать еще не должно»³⁸. В это же время III отделение сообщало императрице, заинтересовавшейся причинами приостановления «Москвы», что «купцы будут очень рады этому обстоятельству, ибо желают избавиться от Аксакова как от беспокойного человека, и он редактором не останется»³⁹. Однако эти настроения не оказались решающими. 1 февраля 1867 г. в доме Т. С. Морозова собрались издатели и редакторы «Москвы». Обсуждался вопрос о дальнейшем издании «Москвы»⁴⁰. Редактором газеты был оставлен Аксаков.

В начале 1868 г. А. П. и Д. П. Шиповы, перепуганные тем, что «Москвич» вызывал недовольство министра внутренних дел и III отделения, неоднократно высказывали свое недовольство статьями И. С. Аксакова. Аксаков требовал от Бабста «укротить» Шиповых, невзирая на то что именно они давали рекомендательное письмо, имевшее значение при разрешении издания «Москвича»⁴¹. Несмотря на настоятельную просьбу самого Аксакова освободить его от обязанности редактора, капиталисты не приняли отставку. В своем письме Чижев от 19 февраля 1868 г. Аксаков признавал, что «Москве» угрожает закрытие. «Этой участи, — утверждал он, — она может избежать только в одном случае, если изменит тон, прием, слог передовых статей, если будет осторожнее, скромнее и тише в своих обличениях, если более будет соображаться с внешними обстоятельствами и прилаживаться к обстоятельствам. Но это «если» значит другими словами: если редактировать буду не я, а другой»⁴². Но капиталистам в данной ситуации был нужен именно такой орган, который бы читали и с которым бы считались в верхах, а не бесцветное, хотя и безобидное издание.

Московские капиталисты отдавали должное литературно-публицистическому таланту Аксакова, его имени. Что же касается последовательного выражения в газете интересов торгово-промышленной буржуазии, то тут двух мнений не было. Даже Ф. Журов, предлагавший заме-

нить редактора, считал, что газета была «очень хороша и для купечества никакой газетой незаменима»⁴³. Петербургская газета «Деятельность» 13 ноября 1868 г., оценивая заслуги «Москвы», заявляла следующее: «В свое кратковременное существование «Москва» успела заявить нужды нашего купечества и немало способствовала благоприятному разрешению тарифного вопроса; следовательно, главная цель ее основания была достигнута, пайщики удовлетворены».

Запрещение «Москвы» вызвало среди московских капиталистов определенное недовольство. После третьего приостановления газеты, непосредственно предшествовавшего ее запрещению, московские капиталисты снова обсуждали вопрос об ее издании. При этом Аксаков снова заявил, что он «не может изменить ни убеждений, ни даже тона». Несмотря на такую бескомпромиссность, некоторые капиталисты высказывали мысль (В. Крестовников) о необходимости издания новой газеты «Петроград» при сотрудничестве И. С. Аксакова⁴⁴.

После прекращения выпуска «Москвы» крупнейшие московские промышленники (Морозов, Лямин и др.) сделали все, чтобы обеспечить Аксакова, оказавшего им неоценимые услуги. При поддержке Чижова, ставшего председателем правления Московского купеческого общества взаимного кредита, Аксаков, не имевший личного состояния, получил должность члена правления, а затем председателя. Это давало ему гарантированный доход первоначально 3 тыс. руб., а затем более 10 тыс. руб. в год⁴⁵.

На первый взгляд заслуги И. С. Аксакова перед московскими фабрикантами не так уж велики, тем более что таможенный тариф 1868 г. снизил пошлины на целый ряд ввозимых товаров, в том числе на хлопчатобумажные изделия. Но так как цены на них на международном рынке резко понизились, то новые пошлины 1868 г. составляли очень высокий процент к стоимости тканей. Они достигали 60—63%, то есть по существу имели запретительный характер. В результате русские текстильные фабриканты получили монопольное положение на внутреннем рынке, что обеспечивало им высокие прибыли. Позиции капиталистов укреплялись и вследствие неуклонного падения курса рубля на международном рынке, что (при высоком уровне пошлин) не стимулиро-

вало ввоз в Россию готовой продукции. Это побуждало капиталистов выступать против искусственных мер правительства к поднятию курса рубля, попыток изъять из обращения часть обесценивающихся бумажных денег. Они указывали на недостаток денежных знаков в стране, парализующий, по их мнению, развитие промышленности и торговли.

Московские капиталисты избегали вмешательства в повседневную работу И. С. Аксакова как редактора и не препятствовали ему давать то или иное освещение внутриполитических вопросов на страницах газеты «Москва», но направление статей и информации экономического характера всегда было в поле их зрения. В «интересах» дела они высказывали неудовольствие той или иной трактовкой обсуждения, например, тарифного вопроса в комиссии, настойчиво добиваясь именно такого освещения предмета, которое им казалось наиболее полезным. В частности, это касалось исправлений, делаемых редакцией в корреспонденции из Петербурга, писавшейся по указке фабрикантов. Т. С. Морозов был настолько раздражен этим, что написал собственноручное письмо, орфографию и стиль которого мы воспроизводим. «Газете Москва, — писал он, — следовало бы писать как получают от своего корреспондента. То от него не зачеркивать. При получении статей от корреспондента непросматривая их помещать можно прямо. всякой вздор даже помещены имена говорящих в комиссии... от одного газета будет походить на какую-нибудь сплетницу. Конечно никто из нас Московских нежелает такого направления нашей Газеты да сам Г. редактор несогласитца на оное»⁴⁶.

После закрытия «Москвы» капиталисты не спешили найти ей замену. В августе 1868 г. через Бабста свои услуги им предлагал редактор газеты «Новое время» Н. И. Юматов. Он соглашался «сделать свою газету органом протекционистской партии в тарифной комиссии и продолжать в своем журнале печатание тарифных отчетов, которые до сих пор помещались в «Москвиче»»⁴⁷. Однако капиталисты не желали нести лишних расходов. Острота положения, которая заставляла их пойти на материальные жертвы по финансированию большой газеты, уже миновала. Новый тариф был утвержден. Те или иные частные интересы они имели возможность защи-

щать, используя как крупные петербургские, так и московские газеты. Так, в конце 60-х годов статьи А. П. Шипова по вопросам финансовой политики печатались в умеренно-либеральных «С-Петербургских ведомостях» В. Ф. Корша. Катковские «Московские ведомости» также помещали статьи фабрикантов. 24 июня 1867 г. была опубликована, например, статья В. Хлудова, в которой выражалась заинтересованность капиталистов в том, чтобы царское правительство расширяло свое господство над территорией Средней Азии.

В конце 60-х — начале 70-х годов интерес крупных капиталистов к тому, чтобы иметь свой печатный орган, несколько ослабевает. Соответствующие предложения тех или иных издателей не встречали сколько-нибудь живого отклика. Но тем не менее текстильные фабриканты оказали известную материальную поддержку отставному генералу М. Г. Черняеву, когда он принял на себя редактирование газеты «Русский мир». Газета была основана в 1871 г. крайне монархическими кругами. По признанию М. Г. Черняева, ее цель заключалась в борьбе с либеральной прессой и в объединении «русских людей охранительного направления». Первые три года газета влачила жалкое существование. Она имела крайне мизерный тираж. Собранные в аристократических кругах для издания газеты 34 тыс. руб. были израсходованы. В начале 1874 г. Черняев получил от И. И. Воронцова-Дашкова и В. Л. Нарышкина 10 тыс. руб. для издания газеты с условием, что она не изменит своего направления⁴⁸. Однако этих денег было недостаточно. Черняев обратился через Ф. В. Чижова (уже одолжившего ему для газеты 2 тыс. руб.) к московским купцам с предложением «принять участие в газете». Он обещал «сделать «Русский мир» выражением мнения представителей русской торговли», утверждая, что они смогут использовать его «для защиты своих интересов»⁴⁹. По всей видимости, Черняеву удалось получить от некоторых московских капиталистов какие-то средства. В записке о направлении газеты он утверждал, что московское купечество, «заинтересованное в его направлении менее, чем дворянство, в настоящее время отнеслось к нему сочувственно и дало средства для развития торгового и финансового отделов». Сколько ему удалось получить — сказать трудно. Просил же он для поддержки газеты 16 тыс. руб. По

утверждению Черняева, за короткий срок ему удалось увеличить число подписчиков с 734 до 2800⁵⁰. Однако вскоре он передал газету другому лицу и отбыл в Сербию. На этом, видимо, и закончились связи московских капиталистов с «Русским миром». Без их финансовой поддержки газета быстро захирела и была закрыта.

В эти же годы в Петербурге занялся издательской деятельностью видный в то время предприниматель В. А. Полетика, который в конце 1874 г. приобрел газету «Биржевые ведомости», а затем в 1879 г. переименовал ее в «Молву»⁵¹. Он стремился поставить издание на широкую ногу и организовать его как коммерческое предприятие. В свою газету он привлек наиболее видных сотрудников из «С-Петербургских ведомостей»⁵². Газета придерживалась в целом либеральной ориентации. Вслед за «С-Петербургскими ведомостями» газета признавала наличие рабочего вопроса в России.

Представители земско-либеральных кругов (наслышанные о либеральных выступлениях Полетики), готовившие земский съезд, начали переговоры о поддержке съезда и его решений в газете. Выслушав И. И. Петрунkevича, Полетика «выразил сочувствие» земским деятелям и их целям. Вместе с тем он заявил о трудностях и риске при открытой поддержке земцев и предложил им принять участие в «Молве», внеся соответствующий капитал для обеспечения убытков в случае закрытия газеты⁵³. Столь коммерческий подход не понравился представителям земцев, и на этом переговоры закончились. Словесный радикализм материалов газеты некоторое время привлекал даже внимание революционно-демократических кругов. По данным Департамента полиции, «Молва» в начале 80-х годов использовалась агитаторами рабочих кружков⁵⁴. В дальнейшем, однако, либерализм со страниц газеты постепенно выветривается, она стала терять свое лицо и утрачивать популярность. Издание прекратилось.

Банкир Баймаков пытался продолжить выпуск «С-Петербургских ведомостей» (после лишения Корша права на издание в 1874 г.). Газета под новой редакцией не пользовалась успехом и быстро захирела⁵⁵.

Корш в 1877—1878 гг. издавал в Петербурге умеренно-либеральную газету «Северный вестник», в финансировании которой приняли участие крупные петербург-

ские предприниматели К. А. Варгуниин (15 паев из 132) и Е. И. и Л. И. Утины (8 паев)⁵⁶. Попытки И. С. Аксакова в те же годы добиться разрешения на издание в Москве газеты «День» встретили твердое противодействие правительственных кругов. Ему было отказано, так как все издания, в которых он участвовал, «были прекращаемы вследствие неисполнения в них цензурных правил»⁵⁷.

Конец 70-х годов знаменателен тем, что экономические притязания всей торгово-промышленной буржуазии, и московских капиталистов в особенности, стал выражать виднейший журналист охранительного направления М. Н. Катков. Если в 60—70-е годы «Московские ведомости» являлись ревностным защитником фритредерства, то теперь позиция их стала диаметрально противоположной. В конце 70-х годов с не меньшей горячностью Катков обрушивается на фритредеров. Если раньше катковская газета добивалась восстановления повышения стоимости рубля путем сокращения количества кредитных билетов, находящихся в обращении, и тем самым шла вразрез с интересами торгово-промышленных кругов, то с начала 80-х годов она становится не менее решительным сторонником неограниченного выпуска бумажных денег.

Для понимания причин такого зигзага немаловажное значение имеет определение места Каткова в общественно-политической жизни того времени. Как известно, свою журналистскую карьеру он начинал как умеренный либеральный деятель. Сближение Каткова с правительственными кругами, с охранительным лагерем достаточно определенно обнаруживается уже в начале 60-х годов. Особенно он «отличился», начав травлю революционно-демократических элементов в связи с пожарами в Петербурге в 1862 г. «Отсюда начинается его государственная карьера»⁵⁸. Правительственные круги заметили и по достоинству оценили такое усердие Каткова. Министр внутренних дел П. А. Валуев, сам не чуждый бюрократическому либерализму, решил «упорядочить» использование услуг Каткова. 29 марта 1863 г. он ему писал следующее: «Я готов, в пределах возможного, давать Вам конфиденциально ответ на каждый Вами предлагаемый мне вопрос и желаю в мою очередь иметь возможность обращаться к Вам конфиденциально же для осведомления о Ваших взглядах на те вопросы, по кото-

рым мне хотелось бы узнать Ваше мнение»⁵⁹. В результате таких контактов Катков начинает оказывать правительству регулярные и немаловажные услуги. Так, например, организовывает поддержку московскими раскольниками репрессивных акций царизма в Польше, ведет кампанию по подписке старообрядцами адреса царю с изъявлениями верноподданнических чувств. Этот адрес, для которого был избран вариант текста, подготовленный Бабстом, подписали крупные торговцы и промышленники (Т. С. Морозов, К. Т. Солдатенков, А. А. Досужев и др.)⁶⁰. Несколько ранее Катков приобрел особое расположение министра финансов за серию статей о банковском кризисе⁶¹.

В ходе проведения ряда буржуазных преобразований самодержавной власти потребовался «независимый» журналист, который, выражая «самостоятельно» ту же охранительную политику, соответствующим образом способствовал бы формированию помещичье-буржуазного общественного мнения. Катков с его старой репутацией умеренного либерала и его публицистическим талантом оказался вполне подходящей фигурой. Сам он своевременно понял выгоду новой ситуации и незамедлительно воспользовался открывающимися перспективами. Чем дальше, тем больше взаимопонимание улучшалось, а сотрудничество укреплялось, что не мешало Каткову кичиться своей независимостью. Первоначально Катков пользовался покровительством графа Строганова, князя Вяземского, графа Блудова, а затем графа Д. А. Толстого⁶². Постепенно он становится постоянным корреспондентом и советчиком Александра II, сближается с П. А. Шуваловым и К. П. Победоносцевым. Через последнего он находит дорогу к наследнику — будущему царю Александру III⁶³. Идейное родство Каткова с верхушкой бюрократии и дворцовой камарильей не препятствовало ему в зависимости от расстановки сил в сферах обрушиваться против того или иного чиновника или какого-нибудь законопроекта. Нападки на отдельных представителей высшей и местной администрации ни в какой степени не могут, однако, изменить оценки «Московских ведомостей» как одной из наиболее влиятельных проправительственных газет. Все издержки такой линии газеты перекрывались результатом — возможностью сводить счеты со своими очередными противниками и соперни-

ками. Тем не менее некоторые покровители Каткова настойчиво убеждали его несколько изменить тон газеты и не ссориться с министрами⁶⁴. Когда фрондерство «Московских ведомостей» переступало допустимые царскими властями границы, они решительно одергивали Каткова, давая ему понять, что он должен сдерживать свои «разоблачительные» порывы. Подобные отклонения не изменяли общей линии поведения Каткова. На крутых поворотах событий, в ответственные моменты, он умел находить общий язык и с Валуевым, и с Шуваловым, и с другими сановниками, против которых усердно интриговал. Так, по свидетельству Е. Н. Феоктистова, близко стоявшего к Каткову, он в июле 1871 г. снова сблизился не только с Валуевым, но даже и с Шуваловым и с их помощью проводил реакционный законопроект о классических гимназиях и реальных училищах. По поводу настроений Каткова Шувалов заявлял 24 августа 1871 г.: «А каков Катков?.. Да он более консерватор, чем я. Разве ты не читал в «Московских ведомостях», как он отделяет юстицию за нечаевский процесс, а вчера в разговоре со мной он прямо высказал мысль, что лучше было бы вести этот процесс не публично, а при закрытых дверях и что не худо бы даже вообще уничтожить должность адвокатов»⁶⁵.

Катков оказывал определенное влияние на внешнюю и внутреннюю политику царизма, в особенности в тех случаях, когда его ближайшие покровители находились у власти. Однако он скорее выражал те или иные преобладавшие в верхах тенденции. Это касалось вопросов как внешней, так и внутренней политики. Переход Каткова от критики протекционизма на позицию его защиты также отражал определенный сдвиг в правительственных сферах. После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. «Московские ведомости» возглавили кампанию по введению заградительных таможенных тарифов. Мы не располагаем пока данными о том, насколько Катков был бескорыстен, содействуя процветанию крупной буржуазии Московского района. Что же касается умения Каткова извлекать выгоду, используя авторитет газеты, то тут не может быть двух мнений. Интересный факт об этом приводит в своих дневниках А. А. Половцов. «Визит Долгоруким, — записывает он в ноябре 1886 г., — где слышу горькие жалобы на Каткова, взявшего с Ха-

ритоненко 300 тысяч рублей, чтобы писать против нормировки сахара. Прежде чем писать против, он испросил разрешения государя под тем будто бы предлогом, что не желает писать против намерений государя»⁶⁶. Защищая конкретные интересы торгово-промышленных кругов, Катков, как это уже справедливо отмечалось в литературе, все же в первую очередь оставался «верным и страстным рыцарем дворянства»⁶⁷. Экономические интересы, не говоря уже об общественно-политических тенденциях крупной буржуазии, он выражал постольку, поскольку они не противоречили коренным интересам дворянско-помещичьего класса.

Видимо, по этой причине московские капиталисты в 1883 г. возвратились к идее об издании собственной газеты, собрав для этой цели около 100 тыс. руб. Инициатива издания газеты принадлежала Т. С. Морозову. Газета готовилась при определенном противодействии Каткова и близких ему лиц, заявлявших крупным промышленникам о нецелесообразности создания такого органа. Так, один из них, сообщая Каткову о своем разговоре с М. А. Хлудовым, писал: «Если Вы желаете объяснить правительству Ваши нужды посредством Вашего органа... то не достигнете цели, потому что против Вашего органа установится в правительственных людях предубеждение. Как бы ни был он беспристрастен, его всегда будут подозревать в преступлении, и, вместо того чтобы помочь интересам своим, Вы им повредите. Да и чего же Вам думать о необходимости какого-то органа публичного слова, когда Ваши интересы отстаивает М[ихаил] Никиф[орович] и отстаивает с такой силой, какой Вы не найдете ни в ком»⁶⁸. Это противодействие выразилось также в распространении инсинуаций по поводу «старобрядческого» характера и целей газеты. Подозрения об этом не без стороннего воздействия (через Ю. С. Нечаева-Мальцева) появились у Победоносцева. Однако после разговора с Н. Васильевым (будущим редактором) он, убедившись, что «никакого предварительного соглашения в служении газетой раскольниковым интересам не было», не препятствовал разрешению газеты⁶⁹.

В качестве редактора капиталисты пригласили Васильева, более 20 лет работавшего в различных изданиях Каткова, но ничего не печатавшего от своего имени. Последнее время он руководил экономическим отделом

«Московских ведомостей», который более всего интересовал капиталистов, и был автором многочисленных статей.

Новая газета под названием «Голос Москвы» стала выходить с 1 января 1885 г. Однако надежды капиталистов не оправдались. Многолетний сотрудник Каткова не имел собственного политического лица и достаточно известного имени. Газета выглядела бесцветно. В ней помещались малосодержательные материалы и большое количество перепечаток из тех же «Московских ведомостей». Передовые статьи были выдержаны в духе традиционного «охранительства». Наряду с этим газета выступила яркой защитницей узкокастовых интересов московского капитала в сфере экономической политики и в рабочем вопросе. Газета по существу открыто оправдывала те вопиющие злоупотребления на фабриках Морозовых в Орехово-Зуеве, которые привели к известной стачке 1885 г. Она помещала статьи фабрикантов в защиту ночных работ и т. п.⁷⁰ Вскоре газета переходит в другие руки, а затем прекращает свое существование.

С конца 70-х годов в Москве стала выходить новая либеральная газета, субсидируемая владельцем завода искусственного шампанского Н. П. Ланиным. Первые номера газеты появились в середине 1879 г. В конце 1880 г. он официально объявляет себя издателем газеты, а затем и редактором-издателем. Видным сотрудником и одно время фактическим редактором газеты был известный либеральный деятель того времени профессор В. А. Гольцев. Именно Гольцев, по словам В. Г. Короленко, составил кружок сотрудников, и в газете купца I гильдии Ланина «забил живой ключ даровитого молодого и довольно крепкого по тому времени либерализма». По данным Департамента полиции, газета Ланина всегда направлялась яро-либеральным нелегальным редактором. В 1883 г. ими последовательно были Ладыженский, Нефедов и Попов, а в 1884 г. — снова Гольцев, затем Кутузов⁷¹. Однако либерализм сотрудников, возглавляемых Гольцевым, далеко не был столь радикальным, как представляет В. Г. Короленко. Один из столпов российского либерализма — М. М. Ковалевский оценивал Гольцева как умеренного русского конституционалиста. Газета решительно выступала в защиту либерализма от нападок «Московских ведомостей», уделяла

внимание рабочему вопросу, оспаривая заявления проправительственной прессы о его отсутствии в России, решительно высказывалась в поддержку фабрично-заводского законодательства, популяризировала организацию страхования рабочих и пр. Газета, по мнению В. П. Мещерского, оказала определенное влияние на московских купцов. «Ланин и его «Курьер», — писал он, — рождают целое племя ланинцев в среде молодого купечества».

Конституционализм Гольцева оказался слишком «красным» для либерального купца Ланина. Он решил с ним расстаться. Набрав новый штат сотрудников, Ланин продолжал издавать газету, но она становилась все более бесцветной и неинтересной для публики ⁷²⁻⁷⁴.

Даже К. П. Победоносцев склонен был сильно преувеличивать радикализм «Русского курьера», за которым он, по его собственным словам, следил «изо дня в день». Он утверждал даже, что «в нем проводятся самые разрушительные мысли и внушения: учение социализма, ненависть к владеющим классам, к капиталистам, возбуждение рабочих и служащих против хозяев». В письме к Д. А. Толстому от 12 декабря 1882 г. он видит опасность «Курьера» в том, что тот «весьма распространяется, что издает его сумасбродный купец, составивший себе партию в среде самой гнилой московской интеллигенции и юного купечества, что посредством своих агентов он мало-помалу распространяет свое издание, принадлежащее к числу дешевых, по Волге и в Сибири» ⁷⁵. Следует отметить при этом, что либерализм «Русского курьера» сочетался с самыми устойчивыми верноподданническими взглядами. Газета объявляла Александра II «великим реформатором» и «истинным охранителем благополучия земли русской». Время буржуазных реформ характеризовалось как «время духовного единения, непосредственного общения между монархом и подданными», как «время гражданского мира и преуспевания». В ней даже утверждалось, что «и у нигилизма, и у реакции один общий противник — либерализм», ибо и то и другое лишено «положительных идеалов». Революционеров газета именвала «безумными злоумышленниками» ⁷⁶.

Редактор и издатель газеты, оправдывая реакционный закон об усиленной и чрезвычайной охране, писали: «Как ни тяжел закон 14 августа — 4 сентября об усиленной и чрезвычайной охране, он легче замененного им

безграничного административного усмотрения. Как ни тяжела передача многих дел из общих судов в суды военные, уничтожение по многим делам гласности судопроизводства, они легче бывалого разрешения многих дел уже вполне негласно, без всякого участия судебной власти. Как ни тяжела сохраненная и новым законом административная ссылка, но она срочная и назначается коллегиальным присутствием, с возможностью иногда защиты, и она легче прежней ссылки, бессрочной, по решению одного лица. К тому же новый закон временный, а не бессрочный, каков был прежний порядок»⁷⁷.

Очень скоро либерализм со страниц газеты начинает выветриваться. Немаловажное значение в обесцвечивании ланинского либерализма имел его конфликт с фабричной инспекцией. Либерал-предприниматель Ланин принадлежал к числу тех, которые фразами о законности и правах рабочих прикрывают беспощадную эксплуатацию их на своих предприятиях и нарушают даже существующие мизерные законы. «Русский курьер» одобрително оценивал закон 1882 г. об ограничении труда малолетних, а редактор-издатель в принадлежащей ему типографии вопреки закону продолжал эксплуатировать детей моложе 12 лет. Поэтому фабричная инспекция привлекла Ланина к суду⁷⁸. После этого эпизода новый фабричный закон 3 июня 1886 г. газета оценивала более сдержанно. В пространной статье подчеркивалось, что рабочие и фабриканты, а следовательно, и все государство выиграют от «разумного применения закона»⁷⁹. Деятельность же фабричной инспекции получила отрицательную оценку⁸⁰.

В начале 80-х годов активизируется издательская деятельность капиталистов. Крупный золотопромышленник К. М. Сибиряков финансировал в Петербурге ежемесячный журнал «Слово», редактировавшийся А. А. Жемчужниковым, считавшимся в III отделении лицом неблагонадежным. Ежегодные расходы Сибирякова на издание составляли 20 тыс. руб.⁸¹ В Москве некоторые средства на издание либеральной газеты «Русские ведомости» в конце 70-х годов дал В. К. Мекк. Совместно с Н. С. Скворцовым (ее редактором) он содержал типографию, где печаталась газета. Лишь после смерти Скворцова газета перешла к товариществу, возглавлявшемуся В. М. Соболевским, которое постепенно расплатилось

со старыми долгами Мекку⁸². В издание газеты были вложены и средства В. А. Морозовой (гражданской жены Соболевского). Солидную поддержку Соболевский получил и от тобольского купца А. П. Фокя и его жены. 9 сентября 1882 г. между ними состоялось соответствующее юридическое соглашение. В имении В. А. Морозовой часто бывал цвет российского либерализма конца XIX в. (В. А. Гольцев, А. И. Чупров, И. И. Иванюков и др.)⁸³.

По данным московского губернатора, либеральная «Русская мысль» издавалась на средства елецкого купца В. М. Лаврова⁸⁴. В самом начале 80-х годов журнал этот вызывал серьезное недовольство и беспокойство К. П. Победоносцева, назвавшего его в письме к Д. А. Толстому от 12 декабря 1882 г. «тяжелой артиллерией либерального направления»⁸⁵. К изданию журнала, по всей видимости, очень близко стоял известный миллионер — старообрядец К. Т. Солдатенков, находившийся в дружеских отношениях с В. М. Лавровым и В. А. Гольцевым (ведущим редактором журнала). Последний регулярно приглашался «кушать» в обществе видных представителей либеральной интеллигенции в особняк Солдатенкова⁸⁶.

Некоторые газеты либерального направления содержались или поддерживались крупнейшими еврейскими коммерсантами и биржевыми дельцами. С 1 января 1881 г. стала выходить под редакцией И. И. Родзевича и при участии Гольцева газета «Московский телеграф», финансируемая известным дельцом С. С. Поляковым⁸⁷. В конце 1882 г. газета попала в сети «Святой дружины» («Священной дружины»), созданной крайне монархическими кругами в целях укрепления самодержавного строя. Они умело использовали страх умеренных либералов перед революционным движением. От имени мифического «Земского союза» представители «Святой дружины» (П. П. Шувалов и др.) входят в соглашение с «Московским телеграфом» и «Русским курьером». Еще М. К. Лемке в своих незавершенных исследованиях обратил внимание на тот примечательный факт, что, несмотря на явный либерализм «Московского телеграфа», Катков в начале 80-х годов не направлял против него своей критики⁸⁸. Из переписки К. А. Победоносцева с Александром III явствует, что руководители «дружины» взяли Родзевича под свое покровительство, ручались за него перед министром внутренних дел, внесли залог и

дали деньги на продолжение издания. При этом Родзевич (по данным Победоносцева) хвастался связями «с каким-то тайным правительством»⁸⁹. Все это очень ярко характеризует истинную цену либерализма редакторов российских газет в пореформенные годы.

В 1880—1886 гг. в Киеве выходила газета «Заря», основанная на деньги крупнейшего сахарозаводчика Бродского и его компаньонов. Газета вскоре вызвала недовольство еврейских коммерсантов, так как она недостаточно выражала взгляды и отстаивала интересы еврейской буржуазии и обнаруживала чрезмерный, с их точки зрения, радикализм. Поэтому в 1884 г. миллионеры (Бродский, Розенберг, Рубинштейн) вели переговоры с издателем новой газеты «Киевское слово» А. Я. Антоновичем. Газета эта уже находилась под покровительством управляющего Юго-Западными железными дорогами С. Ю. Витте, но денежная поддержка, которую обещали миллионеры, была для газеты весьма необходима⁹⁰.

В 1881 г. Н. Я. Николадзе пытался перевести в Петербург издание либеральной газеты «Обзор», выпускавшейся им с 1878 г. в Тифлисе при поддержке группы дельцов (Палишковского, Романовского и Зака)⁹¹.

Далеко не всегда взгляды капиталистов, поддерживающих те или иные издания, совпадали с либеральными взглядами редакторов и сотрудников газет. Чаше всего заинтересованность капиталистов в издании газет и журналов была продиктована возможностью публиковать материалы, отражающие их узкокастовые экономические интересы и их отношение к отдельным сторонам экономической политики царизма.

В начале 80-х годов интересы московской буржуазии в определенной степени выражала также небольшая еженедельная газета Аксакова «Русь». Экономический отдел в этой газете вел С. Ф. Шарапов, тесно связанный с текстильными фабрикантами, служивший у них одновременно в качестве секретаря Московского отделения Общества для содействия русской промышленности и торговле. Здесь появлялись статьи по разным вопросам социально-экономической жизни (против расширения государственного кредита и выселения евреев-коммерсантов из Москвы, о ночных работах на фабриках и заводах и т. п.). Одним из авторов статей был С. Ю. Витте.

Несколько лет спустя в своей собственной газете («Русское дело», 4 марта 1890 г.) Шарапов признавал, что если Аксаков и защищал интересы московских капиталистов, то защищал их в убеждении, что промышленность Центральной России является важным русским делом.

После смерти И. С. Аксакова, когда «Русь» прекратила существование, С. Ф. Шарапов на средства фабрикантов Н. Н. Коншина, Д. И. Морозова и А. Ф. Морокина стал издавать газету «Русское дело». Интересы капиталистов в газете защищались настолько откровенно, что Шарапов, по его собственному признанию, получил кличку «купеческий трибун». Газета не собирала подписчиков и издавалась в убыток. Поэтому очень скоро собранные средства были исчерпаны. Тогда Шарапов заключил соглашение с Д. И. Морозовым — главным владельцем Богородско-Глуховской мануфактуры. Морозов, обязавшись финансировать газету с 15 октября 1887 по 15 октября 1890 г., имел право рассматривать и задерживать все поступающие в газету статьи. Если Шарапов настаивал на печатании отклоняемых материалов, то убыток в случае прекращения издания ложился на него, а сам он за время приостановки газеты не получал обусловленного жалованья (200 руб. в месяц). Следовательно, независимость и свобода Шарапова, которыми он кичился как редактор, были крайне иллюзорными⁹². Морозов обращался к нему, как хозяин к приказчику. Вот выдержка из письма, написанного именно в таком тоне: «Посылаю вырезку из «Н[ового] в[ремени]», на которую прошу написать два ответа: один — в качестве редактора «Русского дела», другой — в качестве корреспондента Б[огородско]-Г[луховской] мануфактуры и которая пойдет за подписью Ивана Тимофеевича или у Вас или в «Петербургских ведомостях». Надеюсь, что с присущим Вам талантом в статье разберете этот курьезный документ и осмеете его должным образом. Особенно следует оттенить возврат пошлины и доказать разницу ее с премией на сахар. Затем разругайте по поводу англичан. Обратите внимание на вчерашнюю передовую статью в «Москов[ских] вед[омостях]» по этому поводу»⁹³. Выполняя это требование, Шарапов опубликовал статью за подписью «Фабрикант», в которой досталось и либеральным чиновникам, и «Новому времени», рекомендовавшему правительству такие меры, которые, по мнению мо-

сковских капиталистов, мешали русской промышленности конкурировать с немцами и англичанами⁹⁴.

Однако денежные вымогательства Шарапова и его нечистоплотность (он пытался, например, присвоить поступившие в газету пожертвования от Т. С. Морозова) настолько раздражали московского миллионера, что в августе 1888 г., не дождавшись срока окончания соглашения и воспользовавшись приостановкой газеты, он написал: «Всякому терпению есть предел. До нового года Ваше издание будет обеспечено. Далее отказываюсь»⁹⁵. Шарапов пытался изыскать средства у московских заводчиков, но собрал у Листа, Бромлея и других (всего 14 человек) каких-то 290 руб. Все же ему удалось войти в соглашение с владельцем типографии Мейргардтом, а затем получить значительную денежную помощь от славянофильски настроенного купца А. Е. Голубева. В 1891 г. газета была закрыта⁹⁶.

В конце 1896 г. на средства петербургского капиталиста А. Штиглица Шарапов стал издавать газету «Русский труд». Штиглиц еще более жестко, чем Морозов, контролировал направление и содержание издания. Он писал Шарапову 16 мая 1897 г.: «Долгом считаю предупредить Вас, что я не сочту возможным продолжать материально поддерживать «Русский труд», если Вы будете посылать мне материалы для просмотра не в рукописях, а уже напечатанными и по четвертям»⁹⁷. Шарапов уже являлся представителем той категории писак, которые, не имея ни чести, ни принципов, с помощью прессы получали приличные средства к существованию.

Необходимо отметить, что уже в 70—80-е годы отдельные группы капиталистов стали издавать органы профессионального или отраслевого характера. В 1875 г., например, под наблюдением Нижегородского биржевого комитета стал выходить «Нижегородский биржевой листок», содержащий местные биржевые новости, справочные сведения о ценах и торгово-промышленные известия из других городов. Постепенно объем листка увеличивается, а периодичность листка возрастает. Хотя крайне медленно, но изменялся и характер издания. «Листок» из справочного издания стал превращаться в общественно-политическую газету. Этот процесс особенно ускорился в начале 90-х годов, когда Нижегородский яр-

марочный комитет возглавил С. Т. Морозов. С 1 января 1892 г. вместо листка стала издаваться политико-общественная и литературная газета «Волгарь». Новая газета особенно активизировалась во время Всероссийской промышленной выставки и Всероссийского торгово-промышленного съезда в Нижнем Новгороде в 1896 г. Выражая настроения российской буржуазии, подчеркивая ее верноподданнические чувства, газета высказывала мысль об особой роли купечества в жизни страны. В передовой статье газеты от 6 июля 1896 г. заявлялось: «В то время как многие сословия в силу изменившихся социальных сторон жизни не могут ныне, как во время былой старины, проявить свою силу и положение в развитии производительности народной, купечество, достаточно окрепнувшее в своих социальных условиях, является именно тем оплотом, на который вправе рассчитывать государство при дальнейшем развитии в купеческой среде образования». 5 сентября, несколько смягчая эту мысль, предвосхитившую позже развиваемые Рябушинскими в «Утре России» идеи, полемизируя с «Новым временем», «Волгарь» заявлял: «Мы говорили об этой действительности, поскольку в ней определяется роль купечества как двигателя обширной русской промышленности... Мы считали и считаем русское образованное купечество оплотом торгового и промышленного могущества России». Однако местная газета не удовлетворяла тем целям, которые ставили перед собой наиболее дальновидные представители крупного капитала. Период ярмарки был сравнительно кратковременным, а в остальное время года Нижний не являлся центром общероссийской торговли. Поэтому в 1899 г. С. Т. Морозов и С. И. Мамонтов намеревались издавать газету «Народ»⁹⁸, которая, однако, так и не появилась.

В 1880 г. Совет съезда горнопромышленников Юга России стал издавать орган, выходивший под разными наименованиями («Горнозаводское дело», «Южнорусский горный листок»). Наряду с освещением технических и научных вопросов в журнале значительное внимание уделялось проектам законов о фабрично-заводском труде, таможенной политике правительства и обоснованию необходимости введения заградительных пошлин на каменный уголь. Аналогичный характер имели: появившийся в Петербурге с 1886 г. «Вестник рыбопромышлен-

ности» — орган Российского общества рыбоводства и рыболовства; «Известия Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности», первые тома которых вышли в Москве в 1891 г.; газета Совета съезда нефтепромышленников в Баку «Нефтяное дело», выходившая под редакцией П. О. Гукасова с начала 1899 г.; с апреля 1900 г. «Вестник сахарной промышленности», издававшийся Всероссийским обществом сахарозаводчиков в Киеве.

Во всех этих «профессиональных» периодических изданиях выражались экономические интересы определенных группировок крупной торгово-промышленной буржуазии, которые не всегда и далеко не во всем между собой совпадали. Особенно острые разногласия обнаружились в конце XIX в., когда в «большой» прессе развернулась полемика по вопросу об иностранных капиталах и целесообразности их широкого привлечения в Россию. За ограничения высказывались уральские горнопромышленники и Московский биржевой комитет, а Совет съезда горнопромышленников Юга, действуя в интересах своих хозяев, требовал полной свободы для инвестиций иностранных капиталистов в России. Если взгляды московских фабрикантов и уральских заводчиков выражали «Московские ведомости» и «Русский труд», то за широкое привлечение иностранного капитала высказывались официозная «Торгово-промышленная газета», «Новое время», «С-Петербургские ведомости» и даже «Русские ведомости». Полемика достигла большого накала⁹⁹.

Характерно, что «Торгово-промышленная газета» в целях поддержки правительственной политики широко привлекает и материалы соответствующих предпринимательских организаций и их руководителей. В свою очередь предпринимательские организации проводят и выражают свои интересы и на страницах «нейтральных» изданий — в «Горном журнале», в «Известиях Общества горных инженеров» и др.

Подводя краткие итоги, необходимо отметить, что в пореформенный период крупная торгово-промышленная буржуазия активно стремится использовать в своих целях периодическую печать. Ей удавалось создавать и находить газеты и журналы, отражавшие и защищавшие ее взгляды и интересы по важнейшим вопросам экономи-

ческой политики, по рабочему вопросу и отдельным направлениям внешней политики. Оставаясь на узкосословных купцовских позициях, капиталисты мало интересовались теми или иными «тонкостями» общественно-политических взглядов редакторов и издателей. Их удовлетворял любой из них, если при верноподданнических настроениях и определенном публицистическом таланте он стоял на твердо протекционистских позициях. Подавляющая часть предпринимателей разделяла традиционно-монархические убеждения «охранительного» толка, мало прикасаясь к либеральным веяниям пореформенного периода. Весьма умеренные либеральные идеи захватили лишь отдельных представителей купечества, которые еще очень робко пытались преодолеть ограниченные сословные представления. При этом они не выражали мнения всего купечества. В рассматриваемый период крупные капиталисты-предприниматели в массе своей являлись составной частью правительственного, правого лагеря, вплотную смыкаясь с крепостниками-помещиками.

Несомненно, узкоограниченное понимание возможностей и задач периодической печати является следствием отсутствия у торгово-промышленной буржуазии какой-либо своей определенной классовой политической программы. Иначе быть и не могло, так как в России складывание буржуазии в класс капиталистического общества происходит именно в пореформенные годы при наличии разделявших общество сословных перегородок. Предпринимательской деятельностью занимались различные сословные элементы (купцы, дворяне, крестьяне, мещане и даже казаки), приносящие в новую среду старые сословные предрассудки и сословную ограниченность. Постепенно все эти элементы общества складывались в класс, представители которого осознавали свое особое положение и обнаруживали тенденции к выработке классовой политической программы. Но свои классовые задачи и возможные пути их решения русская буржуазия уяснила не сразу. Она на много десятилетий отставала в своем политическом развитии от буржуазии капиталистических стран Европы. Первые партийные формирования торгово-промышленной буржуазии в России появились лишь в годы первой русской революции.

Социально-политические взгляды представителей крупной буржуазии и ее роль в общественной жизни

Зависимость крупного купечества от правительства и местной администрации, характер воспитания и уровень общего образования, повседневное соприкосновение в предпринимательской деятельности с выходцами из дворянства предопределяли формирование общественно-политических взглядов, как правило вполне уместившихся в пределах «официальной» идеологии и традиционного ограниченного мировоззрения¹. Но уже в предреформенные годы отдельные представители купечества достаточно ясно представляли, что феодально-крепостнические отношения препятствовали экономическому развитию страны, тормозили рост торговли и промышленности. Наряду с обуржуазившимися дворянскими экономистами (И. К. Бабст, И. В. Вернадский, Д. С. Струков и др.), стоявшими на умеренно-либеральных позициях, среди купцов появляются и свои идеологи. Так, В. П. Боткин, сотрудничая в журналах и поддерживая регулярные связи с либеральными западниками (Е. Ф. Коршем, Н. Ф. Павловым и др.), приветствовал начало подготовки крестьянской реформы, осуждал дворянство, тормозившее ее осуществление. Однако, став во главе своей торговой фирмы и опасаясь за свои коммерческие дела, с середины 50-х годов он все более отходит от активного участия в общественной жизни, проявляет «осторожность», вызывавшую насмешки современников².

Интерес представляет деятельность крупного откупщика и дельца В. А. Кокорева, особенно тесно связанного со славянофилами. Представители этого течения, преодолевая узкопомещичью ограниченность, в известной степени признавали объективную необходимость обновления общественного строя и пытались выражать нужды развивающейся промышленности и торговли. В предреформенный период их деятельность велась с умеренно-либеральных позиций. Исследователи весьма противоположно оценивают идейные воззрения Кокорева в этот период. Н. А. Цаголов и Н. К. Каратаев по существу относят его к представителям дворянского мировоззрения. К. С. Куйбышева склонна видеть принципиальные различия в его взглядах и взглядах представителей либе-

рального дворянства, хотя и признает, что позиция Кокорева во многих вопросах совпадает с точкой зрения идеологов русского либерализма³.

Взгляды, выражаемые Кокоревым, бесспорно сложившиеся под непосредственным воздействием дворянско-либерального мировоззрения, имеют от него и существенные отличия, однако признать их вполне оригинальными, по нашему мнению, нельзя. В унисон с либеральными западниками и славянофилами Кокорев всегда подчеркивал свои верноподданнические настроения, славословил и превозносил мудрость и благодеяния верховной власти по отношению к народу. Собственные интересы и выгоды заставляли представителей купечества желать и добиваться отмены крепостного права и предоставления крестьянам личной свободы. Однако большинство купцов (в том числе и Кокорев, владевший имениями общей стоимостью в 1 млн. руб.⁴) обзавелось землей и было встревожено настроениями крестьянства, усиливающимися волнениями в его среде. Вслед за либеральными дворянами Кокорев призывал крестьян к «смирению и терпению», «уповать на милость божью и царскую». Он не видел иного пути наделения их землей, кроме выкупа; оберегая коренные интересы дворянства, не ставил под сомнение их право получить с крепостных выкуп и за их личную свободу. Некоторые предложения, идущие по линии облегчения условий выкупа (отказ от временнообязанного состояния, предоставление права выхода из общины и пр.), не могут изменить общей оценки проектов Кокорева, в принципе не отличавшихся от официального правотворчества, получившего завершение в Положении 19 февраля 1861 г. Его предложение о финансировании выкупа через частный банк, капитал которого должны были составить средства, собранные купцами и другими зажиточными людьми, выдвинутое еще в начале 1858 г., звучало явно утопично. Некоторое ущемление прав дворян, выразившееся в рассрочке выкупа на 37 лет, не изменяло крепостнического характера этого условия и не могло существенно облегчить положение крестьян, ибо за этот срок они должны были выплатить сумму, вдвое превышавшую стоимость надела. В определении условий выкупа у Кокорева проявляются собственные, «купеческие» мотивы. Особенно рельефно они выразились в откровенном посягательстве на дворян-

скую монополию на землю и в рассуждениях о «гражданских правах», которые должны получить крестьяне, а значит (надо думать!), и купечество. Вокруг этих вопросов сосредоточивались в основном «оригинальные» рассуждения Кокорева⁵.

В конечном итоге значение выступлений Кокорева заключается в том, что умеренно-либеральные взгляды на отмену крепостного права впервые в России публично были высказаны представителем купечества. Не случайно поэтому статьи и речи Кокорева имели большой общественно-политический резонанс⁶. В его выступлениях видели одобрение шагов к отмене крепостного права со стороны нового развивающегося класса. В купеческой среде общественно-политическая деятельность Кокорева встречала сочувствие. Молодой купеческий отпрыск гимназист С. И. Мамонтов записал в своем дневнике от 2 января 1858 г. по поводу выступлений на кокоровском обеде 28 декабря 1857 г., что «речи очень хорошие»⁷. М. П. Боткин (художник) в письме от 1 февраля 1858 г. характеризует речи более подробно. Его письмо интересно и тем, что дает наглядный пример крайней умеренности и ограниченности либерализма периода реформ. «Обед 28 декабря, — утверждает он, — удался как нельзя больше, говорили великолепные речи, довольно демократические, но которые дышали любовью к великому государю, тост за его здоровье был принят искренно, и внушительные звуки радости наполняли воздух. Речь были мощные, смелые, дышащие правдой»⁸. При таких искренне верноподданнических настроениях от либералов 50—60-х годов нельзя было ожидать каких-либо решительных оппозиционных действий. Бесплодность либерализма в известной степени обуславливалась мировоззрением, господствующим в буржуазно-помещичьей среде.

Новейшие изыскания показывают, что В. П. Боткин и В. А. Кокорев были не одиноки. А. А. Бухарин приводит данные о том, что появляются и другие буржуазные проекты отмены крепостного права. В общей канцелярии Министерства финансов хранятся записки бывшего николаевского купца П. Никифорова от 2 мая 1858 г. и петербургского купца Ф. Сафронова от 25 апреля 1859 г. с проектами улучшения экономического положения России, в которых содержались соответствующие предложения⁹.

Дальнейшая деятельность Кокорева по привлечению внимания купечества к вопросам освобождения крестьян была пресечена правительством. Однако среди 84 имен, значившихся устроителями банкета 19 февраля 1858 г., насчитывалось уже 27 представителей купеческих фамилий¹⁰. Программа речей предполагалась самая «благонамеренная». Общее направление их Кокорев определял достаточно точно: «Все речи должны быть подвергнуты строгому пересмотру. Вот что от них главнейшее требуется: доказать, что Россия, ведомая своим царем, не вникает никаким злонамеренностям, но, как и все общество, одинаково смотрит на пользу предстоящего переворота, то гражданство выступает и подает свой голос только с целью, чтобы всех ознакомить с будущими годами». Правительство, не спешившее признавать гражданские права даже высшего сословия, решительно пресекало и «гражданство» купечества. Кокорев вынужден был дать подписку «недозволять вообще публичных политических собраний или обедов с произнесением речей о государственном вопросе»¹¹. Еще ранее замолкли купцы, прикоснувшиеся было к либеральным пиришествам. Они с тревогой наблюдали за усилением радикальных настроений разночинской молодежи и опасались крестьянских волнений в связи с реформой. В. П. Боткин писал своему брату, оценивая возбуждение революционно-демократических кругов в 1861 г.: «При этом безобразии утешительно, что крестьянское дело идет порядочно и крестьянских смут не слышать»¹².

Периодические издания, выходившие на средства капиталистов, всячески приветствуя отмену крепостного права, перекликались с официозными оценками «царя-освободителя» и деятельности правительства. Купечество и позже «с высшим благоговением» относилось ко времени «крупных преобразований во внутреннем строе». «Правительством, — утверждал будущий председатель Московского биржевого комитета Н. Найденов, — было сделано тогда, притом в самый короткий период, все, что возможно было сделать»¹³. Крупная буржуазия безоговорочно поддерживала политику царизма. Так, в верно-подданническом адресе московские купцы-старообрядцы одобряли репрессивно-карательную политику царизма в Польше в 1863 г.¹⁴ О политическом настроении купечества «первопрестольной» свидетельствует и факт из-

брания первыми почетными членами Московского купеческого собрания в 1866 г. М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева и О. И. Комиссарова-Костромского — «спасителя» Александра II во время покушения Д. В. Каракозова¹⁵.

В период реформ капиталисты различных районов высказывались за расширение общегражданских прав населения, и в первую очередь своих собственных. Так, Московское отделение Мануфактурного совета, например, склонялось к расширению деятельности проектируемых правительством промышленных судов и добивалось разрешения предпринимательских обществ, но негативно отнеслось к идее допущения рабочих обществ, высказанной комиссией А. Ф. Штапельберга¹⁶.

Идеи свободы слова, печати, совести и вероисповедания, развивавшиеся И. С. Аксаковым в его изданиях, в известной степени импонировали купечеству, в особенности старообрядческому, добывавшемуся от правительства больших религиозных свобод. Здесь выражалась объективная тенденция к все более значительному переплетению интересов обуржуазивающихся дворян с интересами купечества. В основном программа Аксакова отражала в первую очередь интересы и взгляды этого дворянства. Показательно письмо от 19 февраля 1868 г., в котором Аксаков в связи с приостановкой «Москвы» заявлял: «Мне невозможно изменить характер всей моей прежней общественно-литературной деятельности. Мой слог составляет, как и слог каждого, мою физиологическую принадлежность. Наконец, я убедился опытом, что статьи мои, написанные даже в умеренных выражениях, имеют свойство возбуждать раздражение со стороны ведомств и представителей ведомств, до коего касались». И далее продолжает: «Имею ли я право за каждое мое неосторожное слово или за то, что составляет мою личную неотъемлемую нравственную особенность, заставлять терпеливо расплачиваться других (то есть купцов. — В. Л.) в материальном и нравственном отношении?»¹⁷ О разногласиях среди купцов, финансировавших газету, в связи с заявлением Аксакова, что он «не может изменить ни убеждений своих в отношении общих современных вопросов, ни даже тона», сообщалось в донесениях и справках московского генерал-губернатора¹⁸. Щепетильность Аксакова объяснялась тем, что приостановки издания происходили иногда из-за статей, далеких

от интересов московского купечества (критика управления Прибалтийским краем, осуждение приказа обер-полицмейстера Москвы о высылке содержателей гостиниц за несоблюдение постановления о прописке паспортов и пр.)¹⁹. Однако и видные деятели купечества не могли обходиться без «мыслей» и «слов» идеологов обуржуазивающегося дворянства. Лямин, например, любил произносить речи, подготовленные Аксаковым. Бабст записал в дневнике 25 марта 1869 г.: «Обед Щербатову в благородном собрании. Речь Лямина особенно хороша. После обеда подошел ко мне Самарин и говорил: «Каково купечество»²⁰.

Сам Аксаков в доверительном письме к Е. А. Черкасской 24—25 июня 1875 г. так характеризовал купечество: «Просвещение или, пожалуй, только образование, европеизм врываются в эту среду могучими волнами, и Россия в скором времени изменит свой вид. Эта «почва невежества» была в то же время оплотом консервативным, не в пошлом смысле, а в смысле хранительницы народного духа, исторических и религиозных преданий, бессознательной органической силы. Теперь же — образованные купцы — люди в полном смысле новые... Старина для них не существует, исторического груза не слышат; с церковью разывают легко и даже не лицемерят. А влияние этого класса на народ несравненно сильнее нашего «господского» или дворянского»²¹. Эта пространная сентенция, навеянная, по собственному признанию Аксакова, созерцанием Щенковых, Шукиных, Собашниковых и прочих купцов, нагляднее всего показывает, насколько он сам был далек от истинных устремлений купечества и насколько формирующаяся буржуазия была далека от восприятия и принятия славянофильских доктрин, опровергаемых самой жизнью. Столпы славянофильства стремились использовать авторитет и вес нарождающегося класса, чтобы расширить свою популярность и влияние. В. М. Голицын, являвшийся членом Московской городской думы и хорошо знавший взаимоотношения в московском высшем обществе, в декабре 1876 г. записывал в дневнике, оценивая деятельность купечества на ниве городского самоуправления: «Погибнет наше городское самоуправление: попадет оно в руки какого-нибудь Третьякова, и все пойдет к черту. Спрашивается: кто же избаловал этих передовых коммерсантов? Наши великие

люди, которым эти имена были нужны, созидали на их дюжих плечах свою популярность и которые очень хорошо знали, что, протягивая этим лабазникам руку, они делают их счастливыми, они усиливают их самомнение, их самонадеянность. Все это — дело рук Щербатовых, Самариных и прочих — обратилось теперь против них же»²².

Через два десятилетия в передовой статье газеты «Русь» 15 января 1884 г. Аксаков, характеризуя заслуги среднего русского дворянства, писал, что «оно, исполнив в русской жизни то самое дело, которое на Западе выпало на долю так называемого среднего сословия, вместе с тем предохранило русское общество от растлевающего духа западной буржуазии». Здесь явно намекается на ту роль, на то «служение» дворянства, которые связаны с деятельностью самого Аксакова, Бабста, Чижова и других дворян-интеллигентов в 60—70-е годы. Они вполне сознательно выражали и защищали интересы купечества, в известной степени отражали взгляды нового класса, пытались сплотить его на идейной основе славянофильства. Однако сделать этого им не удалось. Дворянская чванливость и ограниченность особенно отчетливо проявились в плане издания газеты «Русь», написанном ближайшим сотрудником Аксакова С. Ф. Шараповым: «Сохранение и развитие в дворянстве его значения как первенствующего сословия в смысле служения земле и государству. Широкий доступ в него для всех лиц других сословий, могущих отвечать основной идее этого сословия»²³. Программа эта, выражающая «практические основы газеты», была, по признанию Шарапова, утверждена Аксаковым. Между Аксаковым и купцами не было полного, органического слияния. Даже Бабст и Чижев, сблизившиеся с купечеством раньше и значительно теснее и сознательно выражавшие его интересы в прессе, по своему мировоззрению, житейским представлениям и привычкам были далеки от этого сословия.

Более мелкие журналисты, выражавшие интересы капиталистов, не скрывали еще более прозаических мотивов поддержки купечества — материальную заинтересованность. Издатель «Торгового сборника» в разговоре с И. К. Бабстом так высказывался о московских купцах: «Нечего жалеть их карманы, потому что они тратят в десять раз более на разные пустяки»²⁴. Шарапов в письме к Д. И. Морозову от 1 августа 1888 г. цинично писал, что

с чистой совестью берет у него деньги, так как, во-первых, берет у него «слишком мало», а во-вторых, «на какой-нибудь мере правительства, которая будет вызвана «Р[усским] делом», тот наживется вдвое»²⁵.

Верноподданнические позиции купечества не мешали, если это соответствовало его интересам, поддерживать фрондерство славянофилов. В адресе, написанном Аксаковым, по поводу принятия городского положения 1870 г. наряду с традиционными верноподданническими заявлениями выражались и пожелания «простора мнению и печатному слову», «свободы церковной» и «свободы верующего слова»²⁶. Московская городская дума, где численно преобладали купцы, поддержала этот адрес²⁷. Д. Ф. Самарин в письме к А. Д. Оболенскому от 10 декабря 1870 г. подчеркивал, что вся дума подписала адрес вполне сознательно. «Проект был прочитан, — сообщает он, — раз шесть, разобран по волоскам, смысл его и вероятные последствия были разъяснены всем и после пятичасовых предварительных возражений и толков, через сутки, данные на размышление, подписан всеми, в том числе мешанами и купцами»²⁸. (Среди них Н. Ланин, И. Лямин, Т. Морозов, В. Лосев, В. Якунчиков, С. Третьяков, В. Вишняков, П. Четвериков²⁹.) Даже кадетский историк А. А. Корнилов признает, что адрес «составлен был в правомерно-славянофильском духе», что «о конституции или ограничении самодержавия в нем не было и помину»³⁰. Тем не менее воспоследовало сильнейшее недовольство верхов. Адрес не был принят. Его запретили публиковать в газетах. Императрица по поводу адреса заявила своей бывшей фрейлине Тютчевой, что «ни одна корпорация в России не имеет права поднимать вопросы общественного порядка, не входящие в ее компетенцию, и что Дума поступила незаконно, возбудив в своем адресе вопрос о свободе печати и свободе церкви»³¹. По свидетельству Е. М. Феоктистова, имевшего большие связи в сановном Петербурге и в данном случае ссылающегося на Д. А. Милютина, «первой мыслью государя по получении этого адреса было выслать Черкасского (городского голову. — В. Л.) и И. Аксакова из Москвы. Шувалов удержал его от этого»³².

Аксаков, по признанию А. Ф. Тютчевой, был обрадован тем, что купцы подписали адрес, видел в этом доказательство того, «насколько гражданский дух и полити-

ческий смысл успели развиться в это последнее время в общественной среде купцов и мещан, так недавно еще совершенно отчужденных и чуждых всякому гражданскому и политическому интересу и трусивших всякого сколько-нибудь независимого поступка относительно правительства, да и всякого начальства»³³. Но купечество тут же отказывалось от фронды, как только их сословию были оказаны некоторые внешние знаки внимания со стороны правительства (выразившиеся, в частности, в допущении Лямина на должность городского головы). Аксаков 2 сентября 1871 г. писал В. А. Черкасскому: «Вы, верно, слышали, что Лямину был сделан ясный намек на адрес и выражена надежда, что Дума отныне перестанет быть парламентом и будет выражать известные чувства доказательно, а не словами (вероятно, должно подразумеваться: не литературно). Все это должно быть лестно для купцов»³⁴.

Некоторое оживление общественного движения, возглавленного славянофилами, вызвано было, видимо, тем, что в умеренно-либеральной среде сложилось убеждение, что царь раскаивается «во всех совершенных им реформах»³⁵. Это вызывало опасения и в среде купечества, в общем и целом удовлетворенного реформами 60-х годов и желавшего лишь известного расширения своих прав. Недовольство на этой почве держалось значительное время. О нем, в частности, писал министр внутренних дел московскому губернатору П. П. Дурново, требуя от него гибкости и выдержки при урегулировании конфликта, возникшего в начале 1873 г. в связи с отставкой московского городского головы Лямина. «Вашему превосходительству должно быть известно, — напоминал он в письме от 28 марта 1873 г., — видимое стремление всех наших общественных учреждений в различных формах и при различных обстоятельствах, неоднократно проявлявшееся в последнее время. Стремление это больше и вернее всего может быть названо вызывательным, так как оно обыкновенно направлено к тому, чтобы вынудить правительство на какие-либо исключительные меры и сделать данный случай предметом общего внимания, толков, пересуд и газетных статей»³⁶.

Следовательно, некоторое недовольство купечества в начале 70-х годов проявлялось в связи с чрезмерной опекой местной администрации. Оно подогревалось слухами

об отказе от намечавшихся реформ и преобразований. Это фрондерство, хотя и вызывало тревогу и недовольство высшей власти, выражалось в форме обычных верно-подданных ходатайств, и самые радикальные требования не касались устоев самодержавия, направляясь в конечном итоге против слишком ретивых администраторов.

О том, что московские славянофилы и купцы оставались на вполне верноподданных позициях, свидетельствует, в частности, тот факт, что некоторые из них (Чижов и близкие к нему купцы) соглашались (в начале 1874 г.) финансировать консервативную газету охранительного направления «Русский мир», редактировать которую стал М. Г. Черняев³⁷.

Нельзя оценить прямолинейно и однозначно и отношение капиталистов к первым пореформенным законопроектам о фабрично-заводском труде. Противодействие промышленников попыткам ограничения труда малолетних и сокращения рабочего времени в известной степени препятствовало осуществлению подготовленных предположений. Но не это сопротивление было причиной того, что первые пореформенные законы о фабрично-заводском труде появились лишь через два десятилетия после 1861 г. и что Россия не имела разработанного фабрично-заводского законодательства вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции³⁸.

Самодержавие, делая первые шаги по пути буржуазных преобразований, учитывало интересы нового развивающегося класса³⁹. Однако русская буржуазия далеко еще не являлась классом, делящим политическую власть с крепостниками-помещиками. При обсуждении законопроектов о фабрично-заводском труде ее мнение учитывалось царизмом. Решающее же слово оставалось в руках правящих верхов, неукоснительно руководствовавшихся стремлением обеспечить незыблемость царского самодержавия. Сколько-нибудь последовательное проведение буржуазных принципов решения рабочего вопроса неизбежно вступало в конфликт с этой генеральной линией. Тем не менее царизм всемерно оберегал интересы промышленников. Лишь под воздействием усиливающегося рабочего движения он вынужден был издавать первые законы (ограничение труда малолетних, введение фабричной инспекции и пр.), стеснявшие произвольную

эксплуатацию капиталистами рабочих. Особое недовольство предпринимателей вызывали так называемые попечительные тенденции, выражавшиеся в настойчивых попытках вмешательства местной администрации во «внутренние» дела предприятий с целью предотвращения стачек и забастовок пролетариев.

В 1858—1878 гг. передовые люди русского общества с большим вниманием и сочувствием следили за национально-освободительным движением славянских народов на Балканском полуострове. Борьбу болгар и сербов против многовекового турецкого ига одобряли и представители интеллигенции и умеренно-либеральных дворянско-помещичьих кругов. Выразителями этого общественного мнения были так называемые Славянские комитеты, в которых присутствовали и представители купечества, в особенности московского. Однако, как признает С. А. Никитин, специально изучавший этот вопрос, московские «купцы не принимали активного участия в делах комитета», заметное сотрудничество отдельных их представителей (И. И. Четвериков) выражалось главным образом в пожертвованиях. Это дает основание для вывода, что «никаких своих целей московское купечество через Славянский комитет не достигало и комитет не был организацией московской буржуазии»⁴⁰. Сборы среди купечества проходили довольно туго. Так, по подписке, разрешенной царем в октябре 1875 г., в пользу бедствующих христианских семейств Боснии, Герцеговины и Старой Сербии Московское купеческое общество в декабре собрало лишь 2 тыс. руб. Поэтому 4 февраля 1876 г. Аксаков просил С. М. Третьякова собрать дополнительные средства для той же цели. В несколько приемов к концу апреля купцы собрали еще около пяти с половиной тысяч рублей⁴¹. Столь же скупой поддержала «братьев славян» купеческая московская городская дума. По словам В. М. Голицына, «открытая между гласными подписка имела такой печальный успех, что лучше было бы не открывать»⁴².

Отношение московского купечества к сборам для поддержки освободительного движения южных славян радикально изменяется, когда оно узнает о заинтересованности в этом деле правящих верхов. В конце весны 1876 г. в дворцовых кругах возник план (в предвидении войны России с Турцией) создать и подготовить «бол-

гарские батальоны с русскими кадрами, наперед перевезти туда оружие, пушки и пр.». Царь одобрил этот план, однако заявил, что денег не даст, и предложил собрать частные средства. Тогда разработавший этот план Р. А. Фадеев, получив соответствующее поручение, обращается к представителям купечества. С. М. Третьяков, старшина московского купечества, виделся с наследником, и тот подтвердил, что все собранное купечеством пойдет на вооружение Болгарии⁴³. Воодушевленный столь высоким «подтверждением» на общем собрании выборных московского купечества, Третьяков после возвращения в Москву предложил открыть подписку на вспомоществование болгарам. За короткий срок, с 10 июля (официальное объявление о подписке) по 6 октября 1876 г., московское купечество и Московское биржевое общество собрали 164 617 руб.⁴⁴ По данным Аксакова, назначенного распорядителем этих сумм, в Москве было собрано 160 тыс. руб. и обещано в Нижнем Новгороде 40 тыс. руб.⁴⁵ Решение о проведении такой подписки ярмарочным комитетом было принято 7 августа 1876 г.⁴⁶ Помимо этих средств московские купцы-старообрядцы пожертвовали значительную сумму денег на устройство походного лазарета на 100 коек⁴⁷. Петербургское биржевое общество открыло подписку в пользу семейств раненых и убитых турками славян и собрало 25 тыс. руб.⁴⁸

Рассказывая об использовании собранных московскими купцами средств, Аксаков писал Победоносцеву, что «из купеческих денег даны были через Фадеева задатки за 20 тыс. ружей и две батареи за границей»⁴⁹. По всей видимости, это именно те 70 тыс. руб., которые в начале августа перевели в Лейпциг. В переводе указывалось, что деньги предназначались «на вспомоществование болгарам»⁵⁰.

В предвидении приближающейся войны царь и его приближенные возлагали большие надежды на щедрые купеческие пожертвования. И действительно, в годы русско-турецкой войны толстосумы не скупилась. Петербургские биржевики собрали «в пользу семейств убитых, умерших от ран и изувеченных на поле брани русских воинов» 250 тыс. руб.⁵¹ Показательно, что после войны, когда правящие верхи избегали обострять восточный вопрос, купцы стали забывать о нуждах балканских славян. Призывы Аксакова организовать сбор средств не нахо-

дили отклика. В 1879—1885 гг. лишь отдельные купцы жертвовали скромные средства. Самый щедрый из них — Т. С. Морозов за эти годы внес немногим более 5 тыс. руб., С. и П. Третьяковы — около 700 руб. Приношения других купцов ограничивались суммами в 25—100 руб.⁵²

В то же время малейшие признаки самостоятельных действий со стороны буржуазии вызывали недовольство верхов и решительно пресекались. Так, в середине 1877 г. в московском буржуазно-помещичьем обществе появилась мысль о составлении благодарственного адреса германскому императору, который своим влиянием на европейскую политику якобы оказывал дружественную помощь России. Московский генерал-губернатор решительно предотвратил принятие такого адреса. Однако мысль об этом проникла в среду купечества, торгующего на Нижегородской ярмарке, а потому министр внутренних дел предложил нижегородскому губернатору принять «все зависящие от него меры к отклонению составления адреса, если бы такая мысль была распространяема в среде купечества и вообще лиц, посещающих ярмарку». Само собой разумеется, что никакого адреса на ярмарке не появилось⁵³.

Еще более решительно правительство заглушило общественное мнение, когда оно выражало резко отрицательную оценку результатами Берлинского конгресса. Аксаков, заявивший на публичном собрании, что русские дипломаты на конгрессе надели на Россию «дурацкий колпак с погремушками», поплатился за свою речь высылкой во Владимир. Московское высшее общество, включая и купечество, выразило ему свое сочувствие⁵⁴. Одобрительно речь Аксакова была встречена и в окружении наследника. Победоносцев писал ему 29 июня 1878 г.: «Пусть другие осуждают тебя за твое прямое и справедливое слово, я тебя не осуждаю. Ты высказал общее чувство, которое не находит себе исхода и выражения»⁵⁵. Столь влиятельная поддержка не замедлила сказаться. Если Аксаков был выслан в июле, то в ноябре ему уже разрешили вернуться из ссылки⁵⁶.

Несмотря на подобные «оттенки» настроения купечества, в массе своей оно продолжало оставаться на последовательно верноподданнических и монархических позициях. Крупные капиталисты неоднократно выражали свое искреннее возмущение покушениями на царя и вы-

сказывали радость по поводу избавления его от опасности. Выборные московского купечества в связи с одним из покушений составили специальный адрес и избрали депутацию в составе П. П. Сорокоумовского, А. М. Абрикосова и В. И. Якунчикова для преподнесения его царю⁵⁷. Через несколько месяцев нижегородское ярмарочное купечество в связи с тем же событием особо выразило свои верноподданнические чувства, за что удостоилось царской благодарности⁵⁸.

События 1 марта вызвали негодование и возмущение купечества, напуганного, как и все буржуазно-помещичье общество России, самоотверженной борьбой героев-одиночек «Народной воли» против самодержавия. Настроение крупной буржуазии выразил, в частности, Аксаков, называя казнь Александра II преступлением, повергнувшим Россию в горе и позор. Естественно, что столь верноподданническая позиция получила самое горячее одобрение нового царя⁵⁹. Фрондерство Аксакова все более линяло. Укрепляются его личные контакты с Победоносцевым (взаимные визиты и дружеские беседы). Сближение это наметилось ранее, но после выхода первых номеров «Руси», получивших вполне положительную оценку Победоносцева, оно стало совершенно очевидным⁶⁰.

Именно в первые дни после смерти царя Кокорев, с помощью казенных субсидий успевший снова поправить несколько свои дела и выкарабкаться из долгов, сокрушался по поводу разрушительного воздействия литературы на молодежь⁶¹. Другой железнодорожный делец — П. Г. Дервиз, на склоне лет проживавший в Бонне, обратился к новому царю с предостережением против конституционных уступок крамольникам: «Чем больше ты им дашь, тем станут они требовательнее»⁶². По поручению царя 12 мая 1881 г. Дервизу отвечал Победоносцев: «В настоящую минуту его величество надеется, что внутренняя наша политика примет более твердое и определенное направление». На письме же резолюция царя была еще более характерной: «Мне кажется, теперь мы знаем, чего хотим и как нужно»⁶³.

Не только Кокорев, либеральные увлечения которого остались далеко позади, и Дервиз, никогда к ним не приверженный, но и более «бодрый» либерализм нового времени обнажил в эти дни свою контрреволюционную сущность. На этом фоне крамольно выглядели даже не-

которые безобидные заявления «Молвы», привлечшие внимание Департамента полиции. Царские охранники возмущались: «Это потрясающее событие, вызвавшее ужас и негодование в целом мире, дало редакции «Молвы» случай в день погребения усопшего императора объявить во всеуслышание публичного слова, что он пал жертвой недостаточно решительного его образа действий в вопросе о даровании управляемой им стране политической свободы»⁶⁴.

Представители торгово-промышленных кругов приняли участие в «Святой дружине» и «Добровольной охране», созданных крайне консервативными придворными кругами для охраны нового царя и борьбы с «крамолой». Во главе их встали начальник царской охраны, назначенный вскоре министром императорского двора, И. И. Воронцов-Дашков и московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков⁶⁵. По данным К. П. Победоносцева, Т. С. Морозов и другие старообрядцы давали руководителям «дружины» деньги «на охрану»⁶⁶. Для охраны царя в Москве старообрядцы выставили 4000 своих «молодцов». Но свободы вероисповедания за свое «усердие» старообрядцы так и не получили, хотя некоторые послабления и были допущены⁶⁷. Умеренно-либеральные круги сочувствовали и как бы морально поддерживали старообрядцев. В одной из статей, напечатанной в «Русском курьере» 28 декабря 1886 г., например, заявлялось: «Веротерпимость в наше время признается обеспеченной специальными узаконениями во всяком благоустроенном европейском государстве».

В 1881 г. часть московских капиталистов выступала против еврейских погромов, прокатившихся по Югу России. Беспокоил их, однако, не сам факт бесправия массы еврейского населения, а судьба еврейских капиталистов, с которыми их связывали коммерческие интересы. Собственные экономические выгоды в конечном итоге являлись главной пружиной их довольно решительных выступлений в защиту еврейской буржуазии. С этой точки зрения интерес представляет письмо Т. С. Морозова от 30 мая 1881 г., адресованное министру внутренних дел. В нем заявлялось: «И теперь вследствие происшедших беспорядков многие покупатели просят рассрочки в предстоящих платежах, а некоторые из них предлагают даже платеж неполным рублем; следовательно, за беспорядки,

происшедшие на Юге России, приходится платить главным образом Москве». Лидер московских промышленников выражал надежду, что киевские беспорядки не повторятся и «личная и имущественная безопасность» еврейских капиталистов будет обеспечена⁶⁸.

Крупная буржуазия, напуганная активностью революционного народничества и обеспокоенная усиливающейся стачечной волной пролетариата, усиленно поддерживала российский абсолютизм, способствовала укреплению самодержавного строя. В состав «Святой дружины» вошло около 70 представителей крупного московского, петербургского и нижегородского купечества, составивших более 10% численности дружины. Здесь мы видим Кнопов, С. М. Третьякова, И. Е. Гучкова, Н. И. Боткина, А. Я. Прохорова, А. Л. Лосева, А. И. Морозова и других капиталистов. Организаторы «Святой дружины», привлекая капиталистов, рассчитывали на их материальные пожертвования, необходимые для субсидирования прессы и содержания агентов. Капиталисты же, охотно сближавшиеся с реакционными придворными и чиновными кругами, надеялись иметь реальные выгоды от таких непосредственных контактов⁶⁹. Бесспорно, не они давали направление и определяли содержание сугубо монархической и ультрареакционной организации. Однако уже само присутствие в ней виднейших представителей купечества весьма многозначительно свидетельствует о действительном политическом лице российских буржуа независимо от того, сторонниками каких взглядов («консервативных» или «либеральных») они успели себя заявить в обществе.

В «Добровольной охране» во время коронации участвовало 200 купцов известных московских фамилий (Алексеевы, Аксеновы, Бахрушины, Боткины, Вогау, Гучковы, Найденовы, С. М. и П. М. Третьяковы, И. А. Лямин и др.), большая часть которых в ознаменование коронации получила специальные медали. В торжественном шествии в день коронации было 50 именитых купцов и 50 лиц от мануфактуристов, фабрикантов и заводчиков⁷⁰.

В 80-е годы среди московского купечества все же несколько оживают либеральные тенденции. Представители либерального течения (Н. П. Ланин и молодые купцы во главе с Н. А. Алексеевым) совместно с либеральной

профессурой неоднократно выступали в городской думе с оппозиционными речами. Председатель Московского биржевого комитета Н. А. Найденов в одном из писем Победоносцеву по поводу заседания городской думы в конце 1882 г., явно преувеличивая, писал: «Заседание думы принимает характер митинга социалистов — положение трудное, не придумаешь, что делать». В действительности же речь шла о высказываниях, направленных к решению рабочего вопроса на последовательно буржуазной основе, о проектах перестройки системы начального образования в Москве ⁷¹.

Насколько умеренным был подобный либерализм, видно из выступления московского городского головы Б. Н. Чичерина на обеде городских голов, съехавшихся со всей России на коронацию. Подчеркивая необходимость законного порядка, осуждая «ужасные преступления», заставившие «содрогнуться русскую землю», он указывал на необходимость поддержки правительства со стороны общества в борьбе со «смутой». Далее он утверждал: «Мы не становимся в оппозиционное отношение к правительству, мы не требуем себе прав. Мы спокойно ожидаем, когда сама власть признает необходимым наше содействие. Но когда этот зов последует, он не должен застигнуть нас врасплох: мы должны быть готовы. И мы можем быть уверены... что пора этого зова не слишком отдаленная». Однако даже такая трусливо-верноподданническая оппозиционность умеренных либералов была недопустимой в глазах правительства. Речь Чичерина вызвала сильное недовольство в Министерстве внутренних дел, о ней даже запретили упоминать в прессе ⁷².

Факт крайней ограниченности и умеренности русских либералов, слывших даже крайне левыми, подтверждается дневниковыми записями академика сенатора В. П. Безобразова. Так, 1 ноября 1884 г. он рассказывает о дне, проведенном в обществе профессора И. И. Янжула (сотрудничавшего в «Русском курьере») и видного буржуазного ученого М. М. Ковалевского: «Очень доволен днем, проведенным среди интеллигенции... Мне приятно, что я внушаю доверие этим людям (и, кажется, симпатию), считающимся в рядах политических крайних. Но это нелепость. Эти люди такого же направления, как и я, умеренно-либерального» ⁷³. Какова была истинная цена

умеренного либерализма Безобразова, можно судить по его письмам к великому князю Сергею Александровичу, постоянным корреспондентом которого он являлся. В письме от 7 марта 1881 г., например, он заявлял: «Всякую уступку в пользу либерализма в настоящую минуту я считаю гибельной для России». Объясняя через несколько месяцев причину своего сближения с Аксаковым и активного сотрудничества в его «Руси», он говорит о «чрезвычайной близости» в их «политических убеждениях»⁷⁴.

Характер полемики «Русского курьера», отражавшего настроения и взгляды небольшой группы более или менее либерально настроенных купцов, с «Московскими ведомостями» свидетельствует о том же. Добиваясь и доказывая необходимость продолжения реформ, газета ожидала их от верховной власти, которая должна оставаться на высоте своего призвания и «быть выше партий» в своей правительственной и государственной деятельности⁷⁵. Большая же часть крупной буржуазии оставалась на консервативных позициях, которые выражались, в частности, финансируемой ими газетой. «Грустные времена, — заявлялось в «Голосе Москвы» 6 января 1885 г., — наступившие у нас после оправдания Веры Засулич, нами еще не пережиты: извращение общественного порядка, забвение прав и обязанностей, произвол и самосуд — все это ведет общество к анархическому состоянию первобытных времен».

Если в буржуазно-оппозиционном движении последних десятилетий XIX в. участие принимали отдельные представители купечества, то в еще меньшей степени оно соприкасалось с революционным движением. В 1884—1890 гг. только некоторые выходцы из купеческой среды, как правило порвавшие со своим сословием, привлекались к обвинению в государственных преступлениях⁷⁶. По данным В. В. Широковой, в 80-е годы к народовольческим кружкам были причастны дочери саратовского купца В. П. и Л. П. Шейдаковы. В кружках партии «Народного права» в 90-е годы участвовали дети купцов — С. В. Сотников (организовавший в 1884 г. народовольческий кружок в Московском техническом училище) и А. Е. Ерамов (до этого также принимавший участие в студенческом движении)⁷⁷.

Крупная буржуазия России в штыки принимала лю-

бое ограничение ее «законных» прав. Показательно, что и новые законы о фабрично-заводском труде вводились при упорном противодействии промышленников. В условиях обостряющейся классовой борьбы правительство вынуждено было заняться рабочим вопросом. Оно вводило те или иные ограничения прав заводчиков и фабрикантов лишь под давлением усиливающегося недовольства рабочих, все чаще выливавшегося в крупные и все более организованные стачки. Вводимые законы о фабрично-заводском труде, сохраняя предпринимателям широкий простор для насилий, притеснений, обмана и надувательства, закрепляли бесправное, приниженное положение рабочих. Они не могли в принципе изменить каторжные условия жизни и труда российских пролетариев. Капиталисты очень быстро приспосабливались к новым нормам, находили различные пути обхода только что введенных регламентаций, совершенствовали формы эксплуатации рабочих, изыскивая дополнительные возможности для получения высоких прибылей. В тех случаях, когда какие-либо статьи закона или их трактовка фабричной инспекцией вызвали особо глубокое беспокойство промышленников, они целеустремленно добивались осуществления своих планов, пуская в ход все средства, чтобы изменить положение в желательную для себя сторону. Особенно отчетливо это проявилось в борьбе против закона 3 июня 1886 г.⁷⁸

Отношение капиталистов к законопроектам и административным мерам правительства и местных властей по рабочему вопросу в конце XIX в. свидетельствует, что их недовольство касалось не исходных принципов намеченных правящими верхами мер, а частных. И чиновники и капиталисты стояли на общей платформе отрицания в России настоящего рабочего класса и рабочего вопроса в западноевропейском смысле слова. Поэтому основные усилия предпринимателей сосредоточивались вокруг противодействия «попечительным» потугам правительства, которые все более стимулировались стремлениями приостановить нарастающее стачечное движение. Сама по себе эта задача целиком и полностью соответствовала интересам крупной буржуазии. Однако попытки чрезмерной «опеки» над рабочими и в связи с этим усиленное вмешательство в производственные дела предприятий вызывали крайнее недовольство и раздражение

предпринимателей. В начале XX в. в связи с попытками осуществления «полицейского социализма» капиталисты выступали против чрезмерного, с их точки зрения, посягательства на те или иные свои интересы, привилегии и преимущества. В дальнейшем трения между буржуазией и царизмом переросли в противоречия, которые ярко обнажились в 1905 г. Однако в конце XIX в., когда эти противоречивые тенденции удавалось примирять за счет рабочего класса, промышленники оставались на вполне верноподданнических позициях. Разрабатывавшиеся законодательные акты соперничавшие группы предпринимателей стремились использовать в узкоэгоистических целях (борьба вокруг условий ограничения рабочего времени в 1896—1897 гг., например)⁷⁹. Самодержавие пока успешно справлялось с рабочим движением, усиливающимся на почве обострения противоречий между трудом и капиталом, привычными методами и средствами репрессивного воздействия. Внимание, с которым в правящих верхах относились к конкретным пожеланиям и требованиям капиталистов, препятствовало развитию скольконибудь интенсивного процесса политического самоопределения крупной буржуазии вплоть до начала XX в.

Отношение российских промышленников к политике царизма по рабочему вопросу в конце XIX в. является свидетельством того, что промышленники еще не самоопределились в это время в политическом отношении, что они находились не в либерально-оппозиционном лагере, а примыкали к правительственному лагерю. В своей массе в 90-е годы крупная буржуазия по-прежнему оставалась чуждой либеральным взглядам и идеям, объективно отражавшим потребности капиталистического развития страны. Лишь отдельные представители именитого купечества позволяли себе «баловаться» либерализмом.

На фоне общего безразличия и индифферентности, присущей купечеству в конце 80-х годов, выделялась В. А. Морозова, происходившая из семьи Хлудовых, через своего гражданского мужа Соболевского сблизившаяся с видными представителями либеральной интеллигенции. Она финансировала созданную на ее средства в Москве общедоступную библиотеку для народа имени Тургенева, а в середине 90-х годов давала деньги «Русскому богатству», вела переписку с либеральными народ-

никами А. И. Иванчиным-Писаревым и Н. К. Михайловским⁸⁰.

Умеренно-либеральное движение, связанное в эти годы в первую очередь с земско-либеральными кругами, идейное выражение наиболее отчетливо получало в журналах «Вестник Европы», «Русская мысль» и в газете «Русские ведомости». Некоторые твердо устоявшиеся в этих изданиях теоретические положения (о свободе торговли, либерализм в рабочем вопросе и пр.) мешали более тесному сближению земско-либеральных кругов с широкими слоями крупной торгово-промышленной буржуазии, хотя по некоторым конкретным вопросам стали устанавливаться контакты. Более тесное сближение было, однако, делом будущего. Следует при этом заметить, что между «новым» либерализмом (известным под названием «легального марксизма») с его марксистской фразеологией и «старым» земским либерализмом наблюдается прямая связь и преемственность. Попытки И. Ф. Гиндина противопоставить настоящий буржуазный либерализм, возникший в России лишь на рубеже XIX—XX столетий в среде буржуазной интеллигенции, раннему либерализму неосновательны⁸¹. Буржуазную интеллигенцию — носительницу либеральных идей 80-х годов (Гольцев, Арсеньев и др.) нельзя отгораживать китайской стеной от «легальных марксистов», хотя теоретические построения и политические схемы последних складывались в новых исторических условиях. Идейное наследство своих предшественников они брали на вооружение. П. Б. Струве, например, еще в декабре 1894 г. выражал свое восхищение К. К. Арсеньеву по поводу «внутреннего обозрения» в «Вестнике Европы», где содержался, по его мнению, мастерский обзор царствования Александра III⁸². Показательно и то, что представители нового течения либеральной мысли стали появляться в земских салонах. С докладами на вечерах у Арсеньева выступали М. И. Туган-Барановский и П. Б. Струве⁸³.

Деятельность «легальных марксистов», бесспорно, знаменовала новый этап в развитии российского либерализма. Но учились они у либералов 80-х годов. Их мировоззрение складывалось под прямым воздействием раннего либерализма. Через несколько лет Струве признавал это в письме к Арсеньеву: «В Вашем лице я хотел бы приветствовать замечательного западника-гуманиста,

твердо державшего знамя истинного либерализма в самые трудные годы русской жизни; я хотел сказать Вам, что я многим обязан Вам в своем политическом развитии и лично и как представитель той части русской молодежи, которая в 80-е и 90-е годы многому училась из «Вестника Европы»»⁸⁴.

В. Я. Богучарский также свидетельствует о непосредственной органической преемственности «освобожденцев» с земско-либеральными кругами. В 1912 г. он писал, что «еще до выхода первого номера «Освобождения» в Москве состоялось совещание 12—13 лиц, на котором были и все лица, материально поддерживавшие газету. На этом совещании было подавляющее большинство земских деятелей, из неземцев я припоминаю лишь одного профессора, одного литератора и одно лицо, принадлежавшее к так называемому третьему элементу». Сообщая об источниках финансирования издания, он продолжает: «Все эти жертвователи не только были сами участниками совещания, о котором я говорю, но и вошли затем в «Союз освобождения», а некоторые из них были и членами его центра, так называемого совета «Союза освобождения»»⁸⁵.

Необходимо подчеркнуть, что между различными течениями буржуазно-либеральной мысли и преобладающей частью крупной торгово-промышленной буржуазии даже в самом конце XIX в. не было еще сколько-нибудь прочных и прямых связей. Они развивались как бы параллельно, хотя и оказывали друг на друга известное влияние. Тенденции к соединению определеннее обнаруживаются в начале XX в., особенно вследствие «прояснения» расстановки классовых сил, происшедшего в годы первой русской революции. После первой русской революции либерально-рenegатские «Вехи» окончательно расчистили путь к органическому слиянию теоретиков «нового» либерализма с крупной буржуазией прогрессистского толка.

В 90-е годы положение было иным. Представители крупной буржуазии в своей подавляющей массе были далеки от крайне умеренных либерально-оппозиционных настроений, которые теплились по преимуществу в земской среде. Либеральные земцы в связи с восшествием на престол Николая II представили молодому царю несколько адресов, в которых верноподданнически ходатайство-

вали о некотором расширении роли земств в делах внутреннего управления. Московская же городская дума устами своего городского головы Рукавишникова безоговорочно одобрила городовое положение 1892 г.⁸⁶ Даже «передовые» люди из купеческой среды не понимали особых классовых интересов, объединяющих все слои и группы крупной буржуазии, и оставались еще на узкокастовых, ограниченных позициях. Осознание ими социально-общественного значения купечества как нового класса общества совмещалось с признанием незыблемости существующего строя. Наиболее активные купцы добивались лишь предоставления купечеству более широкого поприща в экономической и социально-общественной жизни.

В этом отношении весьма характерна деятельность С. Т. Морозова на посту председателя Нижегородского ярмарочного комитета. Он говорил смелее и действовал решительнее, чем представители старшего поколения купечества, которое каждый свой шаг и каждый жест было приучено соразмерять с «видами» высшей администрации и предложениями местных чиновников. Его энергия и «смелость» импонировали не только новому поколению буржуазии, но и представителям революционно-демократической общественности⁸⁷. Это не мешало, однако, Морозову от имени ярмарочного купечества поздравлять членов императорской семьи с вступлением в брак, выражать трогательные соболезнования по случаю смерти Александра III и возглавлять депутацию для возложения венка на царский гроб в Петропавловском соборе⁸⁸. Встречая Николая II на Нижегородской ярмарке 1896 г., он произносит вполне верноподданническую речь без малейших намеков на оппозиционность⁸⁹. Разделяя и выражая мнение купечества, торжественно чествовавшего на ярмарке Витте, Морозов 16 августа всячески превозносил царствование «незабвенного монарха Александра III». Показательно и то, что представители чиновной бюрократии сочли необходимым со своей стороны подчеркнуть верноподданнические чувства купечества. Председатель только что закончившегося торгово-промышленного съезда Кобеко заявил, что «он должен внести поправку в толки о съезде, обязан удостоверить, что на съезде не было и не могло быть вопроса о путях, которыми правительство идет к благу страны, ибо рус-

ские люди привыкли верить в мудрость и справедливость монарха и его правительства»⁹⁰.

Газета «Волгарь», находившаяся под покровительством и опекой ярмарочного комитета и С. Т. Морозова, превозносила значение объединения всероссийского купечества, которое якобы должен был ознаменовать торгово-промышленный съезд, подчеркивала роль в этом «деятельного участия Москвы». Купеческая «родовая» молодежь газетой объявлялась носителем «национальных русских стремлений»⁹¹. 5 сентября 1896 г. газета с удовлетворением отмечала, что от нападок «Нового времени» купечество защищалось даже «Вестником Европы». «Волгарь» идет еще дальше и самозабвенно восклицает, что московская наука, московская медицина, книгоиздательство и покровительство искусству покоятся «на московском купце», «на купеческом капитале».

Сатирическая комедия А. И. Сумбатова-Южина «Джентльмен», появившаяся на сцене в 1897 г., ярко характеризует степень распространения новых претенциозных идей в среде молодого купечества. Современники, по словам М. К. Морозовой, в «Джентльмене» узнавали ее мужа М. А. Морозова⁹². Главный герой пьесы купец Ларион Рыдлов провозглашал: «Ведь от нас, третьего сословия, теперь вся Россия ждет спасения. Ну-ка, мол, вы, миллионщики, обнаружьте ваш духовный капитал. Прежде дворянство давало писателей, а теперь уж, извините, наша очередь... Позвольте, во-первых, за нами свежесть натуры. Мы не выродились, как дворяне. Во-вторых, обеспеченность»⁹³. Комедия имела большой успех, вызванный, видимо, не столько ее социальной нацеленностью, сколько слухами об отражении в пьесе действительной семейной истории.

Последние годы старого и первые годы нового столетия представители крупной торгово-промышленной буржуазии по существу провели в политической «спячке». Объединяющим и идейным центром либерально-оппозиционного движения была так называемая «Беседа» — организация, созданная в 1899 г. Д. Н. Шиповым, Павлом и Петром Долгоруковыми. Видные земцы всей России съезжались 4—5 раз в год в Москву. При существенных политических расхождениях в «Беседе» в начале XX в. уживались и будущие кадеты, и будущие октябри-

сты, и будущие руководители правых организаций. «Собеседников» объединяла надежда на возможность реформирования существующего строя по воле самодержца. На «беседах» присутствовали лишь отдельные представители капиталистов Москвы (Н. И. Гучков, М. В. Челноков), которые в то время еще не пользовались заметным влиянием в земско-либеральных оппозиционных кругах⁹⁴.

Между представителями правого крыла земско-либерального движения, которому более симпатизировали капиталисты, и верхушкой чиновной иерархии, признававшей необходимость определенных реформ, в середине 1902 г. наблюдались оживленные контакты. Земский съезд, проведенный по инициативе «Беседы» в Москве в мае 1902 г., высказался за расширение прав земств и уравнивание крестьян в правах с другими сословиями. Плеве в докладе царю представил решения съезда как заговор против власти. Однако, стремясь расколоть земское движение, он приглашает лидера земцев Шипова для конфиденциальных бесед. Вслед за тем такие же беседы Шипов ведет с Витте⁹⁵.

Содержание бесед Шипова с Плеве раскрыто в письме Зубатова на имя самого... Плеве. В нем излагается та интерпретация их, которая существовала в земской среде. Плеве предложил Шипову сотрудничать с ним начиная с января 1903 г., на что Шипов дал согласие. Либерализм земской оппозиции, следовательно, в принципе не отличался от крайне умеренного чиновничьего либерализма. Главные расхождения шли по линии определения форм, средств, методов и времени осуществления весьма незначительных реформ (расширение прав земств и пр.)⁹⁶.

Сам факт попытки сотрудничества земцев с фальшивым казенным либерализмом лишний раз свидетельствует о крайней ограниченности либерально-оппозиционного движения на рубеже двух веков. Но даже в таком движении представители торгово-промышленных кругов принимали самое незначительное участие. На частном совещании земских деятелей 6—8 ноября 1904 г. присутствовали Н. И. Гучков и М. В. Челноков, а на собрании земских представителей в Москве в октябре—ноябре 1905 г. — С. Т. Морозов, В. П. Рябушинский, М. В. Сабашников⁹⁷.

Таким образом, вплоть до начала XX в. купечество не только не играло сколько-нибудь значительной роли в буржуазно-либеральном движении, но и крайне слабо проявило себя в общественно-политической жизни, в массе своей оставаясь на консервативных, проправительственных позициях. Только дальнейшее развитие революционного кризиса и в особенности обострение классовой борьбы в годы первой русской революции способствовали усвоению наиболее дальновидными капиталистами умеренно-либеральных взглядов и ускорили классовое самоопределение крупной буржуазии. В. И. Ленин, выявляя корни либерально-оппозиционных взглядов, указывал, что они порождаются широко понятыми интересами всей буржуазии. Он писал: «Если, напр., самодержавие гарантирует буржуазии возможность применять самые грубые формы эксплуатации, то, с другой стороны, оно ставит тысячи препятствий широкому развитию производительных сил и распространению просвещения, возбуждая этим против себя не только мелкую, но иногда и крупную буржуазию; если самодержавие гарантирует (?) буржуазии охрану от социализма, то, с другой стороны, эта охрана необходимо превращается, при бесправии населения, в такое полицейское бесчинство, которое возмущает всех и каждого»⁹⁸. Открытое выступление всех классов в первой русской революции знаменовалось их окончательным оформлением и созданием политических партий. При этом крупная буржуазия, которая была «тысячами экономических нитей связана и с старым помещным землевладением, и с старой бюрократией» и боялась своего антипода — пролетариата, возглавившего революцию, открыто закрепилась на контрреволюционных, антидемократических и противонародных позициях, заняла место правого фланга в либерально-монархическом центре, вплотную смыкаясь с правыми, черносотенными партиями⁹⁹.

Начало первой русской революции, ознаменовавшееся массовыми выступлениями пролетариата, вызвало большое беспокойство и тревогу капиталистов. Они получили выражение, в частности, в записке 35 фабрикантов и заводчиков Москвы, где признавалась недостаточность одних репрессивных мер и указывалось на необходимость проведения политических реформ, усматривая в них важнейшее средство умиротворения трудящихся¹⁰⁰.

Страх перед революцией все более побуждал капиталистов склоняться к выдвижению умеренно-либеральных требований в качестве средства стабилизации внутреннего положения в стране. Виднейшие представители Московского биржевого общества в количестве 76 человек (Н. А. Найденов, Н. И. Прохоров, С. Т. Морозов, С. П. и П. П. Рябушинские, А. С. Вишняков, С. И. Четвериков и др.) во всеподданнейшем адресе в начале февраля 1905 г. писали о том тревожном состоянии, которое вызывают «внутренние волнения». Ходатайствуя о привлечении «к работе в области государственной деятельности» представителей от населения, «объединенных родом своих занятий», они верноподданнически «выражали свое непоколебимое сознание», что «лишь под верховным водительством самодержавной власти возможно сохранение мощи и целостности России и ее дальнейшее преуспевание». Николай II на этом адресе сделал весьма характерную запись: «Сердечно благодарю московское торгово-промышленное сословие за выраженные им чувства. В годину тяжелых испытаний, ниспосланных нашему отечеству, мне особенно отрадно знать, что сословие это остается верным исконным началам нашей государственной жизни»¹⁰¹. О степени либерализма капиталистов можно судить по содержанию брошюры, опубликованной Московским биржевым комитетом в связи с царским рескриптом Булыгину 18 февраля 1905 г. Высказываясь за создание Народного совета, который, не посягая на основы самодержавной власти, должен отвечать идее единения царя с народом, они предлагали выборы в него проводить по группам лиц, работающих в той или иной сфере народной жизни (от организаций промышленности и торговли, от биржевых обществ и пр.). Антидемократичность проекта особенно выражалась в том, что на словах, «не отрицая желательности представительства в Народном собрании крестьян и рабочих», составители его считали «при общем уровне развития и культурности их, далеко не соответствующих тем задачам, какие будут представляться Народному совету, в среде этих сословий в настоящее время только в виде редких исключений могут найтись надлежащие лица». Представительство рабочих и крестьян на деле отодвигалось на неопределенно далекое будущее, когда они смогут создать союзы такого характера, которые смогут выражать их интересы¹⁰².

По мере развития и дальнейшего распространения стачечного движения тревога охватывала и периферийные торгово-промышленные организации, заставляя их «лечь». Так, в записке Самарского биржевого комитета в Совет министров от 4 апреля 1905 г. одобрялись записки фабрикантов и заводчиков Москвы и выдвигались пожелания проведения ряда реформ. Обоснование этих требований звучало совершенно откровенно. Во время прений по этому вопросу в Самарском биржевом обществе выяснилось, что «на самарских мельницах и заводах происходит в настоящее время целый ряд забастовок, которые грозят обостриться и принять общий характер... Опыт настоящего года показал, что полицейские меры оказываются совершенно недействительными к поддержанию порядка и спокойствия и не в силах предотвратить грозные явления, нарушающие мирную работу промышленности и торговли. Полиция бессильна остановить народные массы. На содействие войск полагаться рискованно, так как войска, может быть, откажутся идти против рабочих и мужиков. Собрание нашло нежелательными и не достигающими цели полицейские меры к подавлению волнений среди рабочих, причины которых коренятся глубоко и охватывают весь строй русской жизни»¹⁰³. Аналогичные утверждения содержались в записках, представленных Саратовским, Симбирским, Борисоглебским биржевыми комитетами в конце марта 1905 г.

Напуганная революцией 1905—1907 гг. торгово-промышленная буржуазия сплотилась под знаменем контрреволюционного октябризма, добивавшегося установления ограниченной конституционной монархии и душившего в союзе с царизмом революционное движение в стране. В. И. Ленин указывал, что «октябристы стали партией правительственной»¹⁰⁴.

Буржуазно-помещичий «Союз 17 октября», ограничивая свои политические требования рамками царского манифеста, отражал настроения, чаяния и надежды представителей крупного капитала. Верная курсу на подавление революции, действуя совместно с правыми партиями, октябристская буржуазия содействовала Столыпину в подготовке и проведении третьеиюньского переворота. Обеспокоенная более чем двухлетними непрерывными революционными потрясениями, она с нетерпением ожидала умиротворения страны и стабилизации политическо-

го положения. Капиталисты поддержали как разгон II Думы, так и новый, еще более реакционный избирательный закон, предопределяющий буржуазно-помещичий состав черносотенной III Думы. На выборы в новую Думу октябристская буржуазия шла в тесном союзе со Столыпиным. Крупные промышленники, разделяя октябристскую программу поддержки Столыпина, совместно с помещиками провели в III Думу 130 депутатов-октябристов. Переход значительной части капиталистов перед первой мировой войной к прогрессистам, занявшим более прочное место в либерально-оппозиционном лагере, не изменил общего политического облика крупной торгово-промышленной буржуазии, твердо и навсегда закрепившейся на антинародных, контрреволюционных позициях.

.

ВОЗДЕЙСТВИЕ КАПИТАЛИСТОВ НА НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА

Усилия крупной буржуазии по упрочению мер таможенной охраны

Целый ряд мер экономической политики царизма в конечном итоге способствовал развитию и укреплению крупной российской буржуазии. В числе их видное место принадлежало протекционизму. Под прикрытием заградительных таможенных пошлин в России, как и в других странах, достигались расширение отечественного производства и упрочение позиций крупного капитала. Однако в середине XIX в. необходимость завоза машин, паровозов, вагонов и оборудования для бурно строившихся железных дорог, фабрик и заводов создавала почву для ослабления таможенного барьера. В связи с этим в правительственных кругах и в среде обуржуазивающейся дворянской интеллигенции распространяются идеи фритредерства. Начиная с 1850 г. наблюдается тенденция к смягчению таможенных ограничений и постепенному переходу к умеренно-охранительной системе. Дальнейшее развитие она получила в 1857 и 1868 гг.¹ Понижение таможенных тарифов, как признавалось в правительственных верхах, могло стимулировать развитие народного хозяйства страны. Свободная торговля, с одной стороны, рассматривалась как средство, ускоряющее развитие отечественной промышленности и внутренней торговли, с другой — ввоз товаров из-за границы должен был, по мнению авторов новых тарифов, увеличить государственные доходы.

Достаточно определенно наметившаяся в 50-е годы линия на понижение таможенных тарифов, сопровождавшаяся многочисленными выступлениями в периодической печати о пользе свободной торговли, вызвала серьезную тревогу капиталистов Центра России, где сосредоточивалась в то время преобладающая часть крупной фабрично-заводской промышленности². Они опасались конкуренции иностранных товаров, считали, что наплыв их может погубить отечественное производство. Журнал «Вестник промышленности», а затем и газета «Акционер» печатали статьи В. Скуратова, А. П. Шипова и других в защиту протекционизма. Уже в 1861 г. промышленники решают хлопотать о пересмотре тарифа. Они совершенно определенно отстаивают протекционистские идеи и доказывают выгоду развития внутренней торговли по сравнению с внешней. 6 сентября А. П. Шипов писал Чижевскому: «Поговорив с министром, я вижу возможность хлопотать об изменении тарифа с участием выборных от фабрикантов, и это можно провести через общество. Поэтому жалею, что цензура не пропустила того, что касалось в моей статье или Вами написано было о тарифе. Министр обещал, что он все будет пропускать, что я напишу. Он читал или лучше я читал ему статью о значении внутренней и внешней торговли, и он слушал с интересом, не позволяя пропускать ничего»³.

Однако промышленники Центра столкнулись с явным противодействием определенных кругов. Мешало им и то, что представление записок торгующего сословия без соответствующего предложения сверху рассматривалось в правительственных кругах как явление нежелательное и даже опасное. При противодействии активных фритредеров доказывать правомерность такого шага (после введения только что утвержденного тарифа 1857 г.) было крайне трудно. Необходим был повод для постановки вопроса о пересмотре тарифа в желательном для промышленников направлении. Предлог появился лишь в 1864 г. Министерством финансов был напечатан русский перевод записки Германского коммерческого съезда о заключении торгово-таможенного договора между Германским таможенным союзом и Россией. В записке Россия рассматривалась как аграрный придаток Германии, обширный рынок для товаров немецкой промышленности и обосновывался вывод о необходимости развития ее как сельскохо-

зайственной страны. В пояснении министерства отмечалось, «что те места записки, с коими, по его мнению, нельзя согласиться, оставлены без оговорок или возражения, потому что подобные оговорки... могли бы... иметь некоторое влияние на самые отзывы, ожидаемые от представителей русской промышленности и торговли»⁴. Подобные официальные заверения не могли успокоить предпринимателей: им были достаточно известны настойчивые попытки прусской буржуазии добиться дальнейшего понижения пошлин.

Из письма директора Департамента внешней торговли Д. А. Оболенского от 10 сентября 1864 г. на имя председателя Московского биржевого комитета А. И. Хлудова явствует, что 6 экземпляров записки были посланы в Московский биржевой комитет⁵. Но уже в середине августа 1864 г. «Биржевые ведомости» опубликовали материалы записки. Председатель ярмарочного комитета А. П. Шипов 18 августа выступил с резкой речью, направленной против предложений Германского коммерческого съезда. Представители 200 торговых фирм в тот же день подписали записку, подготовленную известным коммерсантом и заводчиком С. И. Кони. В числе подписавших были крупнейшие московские фирмы Морозовых, Бутиковых, Четвериковых, Солодовниковых, Найденовых, Боткиных, и др. Представителем своих интересов купцы избрали Шипова. 23 августа Шипов подготовил общему собранию ярмарочного купечества разбор записки Германского коммерческого съезда, обратив особое внимание на доводы немцев в пользу дальнейшего понижения тарифа 1857 г., который по мнению Шипова, «уже довольно наносит нам вреда, сильно тормозит всякое промышленное усовершенствование и все движение торговли». Особое негодование вызвала «основная мысль» записки, «чтоб в России не было и тени покровительственного тарифа, система которого вполне осуждается как вовсе ненужная для России»⁶.

Купцы были настолько возбуждены, что в некоторых выступлениях прозвучали нотки, вызвавшие тревогу местного начальства. После славословия по адресу монарха-преобразователя высказывались даже пожелания о создании особого Министерства торговли и земледелия «с очередным, временным участием в министерстве купцов, избранных купцами же для удовлетворения нужд

той местности, откуда они сами». Купцы пожелали составить адрес Александру II с выражением этой просьбы. Шипову с большим трудом удалось их отговорить. Оправдываясь перед генерал-губернатором и доказывая свои верноподданнические чувства, Шипов утверждал, что сам он «консерватор», стоит «за начала монархические, для нас благодетельные» и считает, что вопрос о преобразовании торговой администрации не может «правильно восходить от нашего собрания»⁷. Собрание удовлетворилось тем, что представленные Шиповым материалы решило обратиться «в формальный протест против предложения Германской корпорации и представить его высшему начальству», указав на то, что проектируемый таможенный договор Германии с Россией оно считает «для внутренней торговли опасным», способным окончательно «поразить наши производительные силы». Это решение подписало 110 человек, в том числе представители Прохоровых, Крестовниковых, Ляминых, Бутиковых, Хлудовых. 28 сентября 1864 г. копия составленной Шиповым записки и постановление купечества были представлены министру финансов⁸.

Шипов был, однако, не совсем удовлетворен результатами сбора подписей под постановлением. 6 сентября он обратился к Чижову с предложением: «Мы ожидаем, что уехавшие отсюда (из Нижнего. — В. Л.) москвичи, а равно прочие, принимающие участие в интересах торговли русской, сделают то же в Москве. Поговорите с Гольцевым. О том же я пишу к Кокореву. *Другого момента не дождемся*»⁹ (выделено мной. — В. Л.).

В московском торгово-промышленном мире недовольство запиской Германского коммерческого съезда нарастало настолько быстро, что Д. А. Оболенский стал выражать серьезное беспокойство. В письме от 10 сентября на имя Хлудова он пытался рассеять опасения крупной буржуазии, утверждая о неосновательности «слухов о предстоящих будто бы некоторых преобразованиях в нашем тарифе», и призывал торгующее сословие спокойно заняться «зрелым обсуждением вопросов, возбужденных торговым сословием в Германии», и со своей стороны гласно высказать «мнение о нуждах и потребностях нашей внешней торговли». Тем не менее недовольство купечества усиливалось. Поэтому Оболенский в частном письме к Чижову высказал предположение, что

содержание его письма к Хлудову не было сообщено купечеству, и просил в случае надобности напечатать его в «Московских ведомостях». В этом письме он осуждает записку Шипова, составленную на Нижегородской ярмарке, называет ее неприличной, считает, что ни один вопрос в ней не разобран серьезно, а лишь содержатся ругательства и насмешки над немцами, «словно пьяные раскричались в кабаке»¹⁰.

Взгляды ярмарочного купечества были выражены также в записке временного нижегородского генерал-губернатора от 18 ноября 1864 г. В ней, в частности, указывалось, что «все уже остановилось на одном общем мнении, что главной причиной застоя и упадка нашей торговли после 1850 и в особенности 1857 года должны быть тарифы (1850 и 1857 гг.), допустившие низкой пошлиной наплыв к нам иностранных изделий в ущерб нашим отечественным». Поэтому в качестве первоочередной меры поощрения промышленности предлагалось подвергнуть теперь же тщательному пересмотру ныне действующий тариф», восстановив нормы, существовавшие по многим статьям до 1850 г.¹¹ Шипов в письме к Чижову 6 сентября сообщал: «Теперь я пишу для Н. А. Огарева эти три записки: 1) одну о настоящем положении торговли, промышленности и хозяйства России, 2) о причинах такого результата, 3) что должно делать»¹². Записка Огарева как раз и состоит из соответствующих трех частей. Написана она с полным учетом экономических интересов крупной буржуазии, хотя и содержит указания на меры пресечения «своеволия» купечества (имелось в виду выступление Шихова и пр.).

Чтобы несколько успокоить расходившиеся страсти, царские чиновники пошли на небывалый шаг — разрешение (по предложению Московского биржевого комитета) «съезда» фабрикантов и торговцев. Однако и здесь они перестраховались, допустив его не официально, а в «частном» порядке. Председателем комитета был А. И. Хлудов, но съездом руководил И. А. Лямин, обладавший большой энергией и организаторскими способностями. Решение о проведении частного коммерческого съезда было принято 2 октября 1864 г. На съезде, состоявшемся 14 января 1865 г., московские и иногородние купцы для выработки ответа немецким капиталистам избрали постоянную депутацию из 40 человек, задачи ко-

торой ограничивались составлением и принятием обстоятельной записки. На съезде присутствовали 195 человек и 76 прислали заявления о своих предложениях. В числе избранных оказались А. П. и Д. П. Шиповы, И. А. Лямин и другие крупные капиталисты, а также Чижов и Бабст¹³.

Позиция московских торгово-промышленных кругов по этому вопросу разделялась и поддерживалась представителями других наиболее значительных торгово-промышленных центров. Даже Рижский биржевой комитет высказался против свободы внешней торговли¹⁴. Только купечество Одессы, недавно еще пользовавшееся всеми преимуществами города, имевшего права порто-франко, высказывалось против особого покровительства отечественной фабрично-заводской промышленности. Комментируя мнение одесских купцов, «Торговый сборник», выражавший интересы московских торгово-промышленных кругов, указывал, что «им, по-видимому, нет дела до благосостояния других частей империи и до общегосударственных интересов»¹⁵. Что же касается киевских сахарозаводчиков, то они в записке в депутацию московского купеческого съезда высказывали серьезные опасения по поводу предложения немецких капиталистов¹⁶.

Значительная полемика велась между сторонниками фритредерской и протекционистской политики в периодической печати. Выступления фритредерской прессы («Московских ведомостей», «Русских ведомостей» и пр.) решительно критиковались в «Торговом сборнике». А. П. Шипов в предисловии к сборнику своих статей, опубликованному в 1866 г., писал, что этот журнал «неоднократно с успехом нападал на эти заблуждения». В аксаковском «Дне» выступал Чижов. Здесь печатались и статьи против петербургских фритредеров (Е. И. Ламанского и др.), написанные самими капиталистами. В частности, там было опубликовано письмо «фабриканта» из Серпухова. По свидетельству Чижова, оценки «фабриканта» разделялись большинством из его собратьев¹⁷. А. П. Шипов, продолжая полемику с фритредерами, использует «Нижегородский справочный листок». В нем первоначально напечатан был «Ответ г. Ламанскому», изданный вскоре отдельной брошюрой. Указывая на несостоятельность теоретических построений фритредеров, Шипов утверждал, что «не только понижение протекционных пошлин, но и уничтожение их доставить может у нас в

России для весьма небольшого класса людей богатых или таровитых только ничтожную выгоду». С другой же стороны, это приведет к «уничтожению мануфактур», «уничтожит потребление тех иностранных материалов, которые теперь они покупают, и казна должна потерять на пошлинах». Свою мысль он завершает отрицательной оценкой результатов действия ослабленных тарифов¹⁸.

Московские капиталисты прибегают даже к «помощи» рабочих. Александру II было подано прошение мастеров и рабочих ткацкой фабрики купца I гильдии И. П. Бутикова, «в коем они, ссылаясь на распространившийся в Москве слух о предположенном будто бы заключении договора России с Германским таможенным союзом, со значительным при этом понижении пошлин, выражают опасения лишиться обычных своих занятий и средств к существованию». В связи с этим прошением 16 апреля 1865 г. министр финансов предложил московскому генерал-губернатору поставить в известность «содержателей в Москве и Московской губернии фабричных заведений и состоящих на них рабочих людей», что «распространившийся слух касательно заключения Россией с Германским таможенным союзом торгового договора не имеет никакого основания»¹⁹.

Столь определенное разъяснение, казалось бы не оставляющее места для сомнений и кривотолков, не помешало постоянной депутации московского купеческого съезда продолжать свою работу. Представители крупной буржуазии решили до конца использовать возможности, полученные в результате появления записки немецких предпринимателей, для выражения и обоснования своих взглядов по важнейшему для них вопросу экономической политики. В Министерстве финансов также сохранялась заинтересованность в получении от них обстоятельного и аргументированного мнения, ибо представители прусского правительства настойчиво добивались реализации идей записки германских промышленников.

В написании и редактировании «Мнения постоянной депутации московских купеческих съездов» решающая роль принадлежала Чижову и Бабсту. Вступление написано Бабстом, значительные разделы (о свеклосахарном производстве, в частности) написал Чижов²⁰. В конечном итоге получилась весьма объемистая книга, вышедшая в свет в конце 1865 г.

Во введении к книге определеннее, чем в других ранее представленных записках, подчеркивалось, что отказ от подписания трактата с Германским таможенным союзом и от предоставления свободы торговли определяется не какими-то эгоистическими побуждениями промышленников, а задачами развития промышленности и общегосударственными интересами. Капиталисты указывали, что Россия имела не раз уже возможность испытать отрицательные последствия свободной торговли, ссылаясь, в частности, на потрясения промышленности после введения тарифа 1857 г. Заявляя о совершенном своем убеждении «в идеальной истине начал свободной торговли», они в то же время подчеркивали, «что ради этого великого начала каждый народ должен идти навстречу свободному международному соперничеству в торговле и промышленности осторожно, шаг за шагом, строго взвешивая потребности и нужды своей страны»²¹. Ссылки на опыт других стран (Германии, США и др.), развивавших собственную промышленность под прикрытием таможенной защиты, все частные мнения, содержащиеся в книге (по важнейшим отраслям промышленности), были направлены к обоснованию общего тезиса о том, что понижение пошлин нанесет русским фабрикам и заводам непоправимый ущерб²². Поэтому общее заключение, сформулированное во вступлении, гласило: «Приступать же произвольно к отмене охранительной системы, когда мы к тому еще не готовы, — это важнейший способ парализовать наши материальные и без того еще не богатые средства и рисковать своей хозяйственной самостоятельностью»²³. А. П. Шипов, отмечая значение изданной капиталистами книги, утверждал: «Это мнение депутации... увенчалось полным успехом в публике, и опасное предложение германцев не могло состояться»²⁴. Однако оценка эта страдает явным преувеличением. Такого решающего значения в предотвращении таможенного соглашения «Мнение» играть не могло. Правящие круги еще ранее определили свое отрицательное отношение к предложению Германского коммерческого съезда, о чем капиталистам неоднократно сообщалось вполне официально. Если промышленники получили возможность обоснованного опровержения фритредерских идей, то потому, что правительство нуждалось в этом документе в качестве противовеса мнению германских промышленников и торгов-

цев, использовавшемуся официальными представителями Пруссии при соответствующих переговорах с Россией.

Оболенский писал Чижову 25 декабря 1865 г.: «Я прочел с большим вниманием предисловие и подробно просмотрел примечание. И в том и в другом есть много верного. Редакцию вступления в местах следовало бы изменить и выбросить все укорительные выражения, в особенности в конце, все что сказано о невозможности заключать с Пруссией договора». Далее, однако, он предлагает распространить «Мнение» частным образом (через депутации купцов) консулам Англии, Австрии и других стран²⁵. Министерству финансов эта книга была очень нужна, ибо помогала парировать доводы прусских официальных представителей в Петербурге, начавших с декабря 1864 г. переговоры по этому вопросу в Министерстве финансов и Министерстве иностранных дел. Документы немецких архивов и другие немецкие материалы, приводимые историком из ГДР И. Маем, свидетельствуют, что они проявляли большую настойчивость в этом вопросе²⁶.

Полемика между сторонниками свободной торговли и протекционистами в периодической печати продолжалась. В январе — мае 1866 г. А. П. Шипов опубликовал серию статей в «С-Петербургских ведомостях», объединенных затем в сборнике «О средствах к устранению наших экономических и финансовых затруднений», вышедшем в июне того же года. Полемику с «Биржевыми ведомостями», остававшимися рупором петербургских фритредеров, как и прежде, вел «Торговый сборник», опубликовавший в трех номерах (44, 49, 50) пространную статью в защиту протекционистских мер²⁷. В самом начале 1867 г. прения о тарифе проходили в Вольном экономическом обществе, где с фритредерами упорно и настойчиво спорил В. А. Полетика²⁸. Особенно споры ожесточились в связи с подготовительной работой по пересмотру таможенного тарифа. Два события в общественной жизни имели определяющее значение при разворачивании этой полемики. Во-первых, 1 января появился первый номер газеты «Москва» с программной передовой статьей, в которой решительно заявлялось о необходимости укрепления таможенной защиты промышленности. Во-вторых, 6 января сторонники фритредерской политики дали обед в честь приехавшего в Петербург бельгий-

ского профессора политической экономии Молинали, редактора журнала «Economiste Belge». В своей речи Молинали заявил о пользе свободы торговли и решительно высказался за ликвидацию таможен. Присутствовавшие на обеде представители Пруссии ратовали за понижение таможенных пошлин. В известной степени их выступления были поддержаны русскими экономистами (Безобразовым, Вешняковым, Горном и др.). Е. И. Ламанский открыто заявил, что «необходимо лишить тариф его характера протекционизма». Товарищ министра финансов Грейг также выражал свои симпатии фритредерам. В защиту протекционизма высказался лишь Оболенский²⁹.

Выступления на обеде имели большой резонанс и снова усилили волнения в торгово-промышленной среде. «Москва» сразу же вступила в полемику с протекционистских позиций. В передовой статье 20 января положительно оценивалось лишь соображение Безобразова о необходимости привлечения фабрикантов и заводчиков к обсуждению тарифного вопроса. 26 января газета публикует статью Д. П. Шипова «По поводу речи Молинали», а 2 февраля — письмо Лямина, в которых подчеркивалось, что «Мнение» постоянной депутации купеческого съезда в Москве выражает взгляды не только московского, но и иногороднего купечества.

11 февраля в купеческом клубе в Петербурге под руководством председателя биржевого комитета Погребова и при активном участии Утина и Варгунина состоялся «съезд» купцов и фабрикантов — сторонников протекционистской политики, на котором присутствовало 300 человек. С речами выступили Полетика, Шипов, Чижев. Они говорили о необходимости запретительной таможенной системы для развития промышленности и торговли. В агентурных сведениях III отделения указывалось: «Направление это развивал более всех Чижев, который в резких и сильных выражениях доказывал неудобства понижения пошлин с привозных товаров, выставляя, будто это понижение не есть плод разумных начал политической экономии, а частная мысль нескольких влиятельных лиц. Речь эта вызвала сильное одобрение присутствовавших»³⁰.

По данным иностранных корреспондентов, приводимым «Биржевыми ведомостями», слухи о понижении тарифа были использованы капиталистами для организа-

ции ходатайств 18 тыс. рабочих. В апреле 1867 г. министр финансов заявил, что «он и не сочувствует взглядам Молинари, защищающего свободу торговли, и не желает понижения тарифа». Министр иностранных дел, по утверждению корреспондента английской газеты «Times», также сказал, что «не видит необходимости понижать тариф в пользу иностранных государств»³¹. Позиция бюрократических верхов получила вполне официальное выражение во всеподданнейшем докладе министра финансов, в котором утверждалось, что «при определении пошлин не должно касаться коренных начал охранительной системы», что «тариф наш должен быть улучшен на началах самостоятельной торговой политики соответственно интересам отечественной промышленности»³².

Выступления представителей различных торгово-промышленных кругов и предпринимательских организаций против системы свободной торговли продолжались и во второй половине 1867 г., и в 1868 г. В защиту протекционизма решительно высказался видный коммерсант Э. Ф. Гольцгауэр на заседании отделения коммерческого совета в Ростове-на-Дону, посвященном вопросам развития русской промышленности. «Москва» 5 августа 1867 г. оценила это выступление и соответствующее решение отделения как выражение убеждений предпринимателей юго-восточного и приморского края (Приазовья и Северного Кавказа) и подчеркнула, что оно расходится с прошлогодним мнением Одесского биржевого комитета. Протекционистские идеи разделялись и сахарозаводчиками-латифундистами. А. А. Бобринский утверждал, что «применение фритредерской системы к России, не созревшей еще в производительном отношении, поведет правительство к урону и вместе с тем промышленность — к расстройству, а народ к обеднению»³³.

К началу 1868 г. споры велись уже по поводу конкретизации принятых в верхах основ тарифной политики. Промышленники добивались установления наиболее благоприятных для себя тарифов. Пререкания по этим вопросам на каждом шагу возникали как в тарифной комиссии, так и в особенности на страницах периодических изданий. Большие несогласия возникли прежде всего о размерах тарифов на текстильные изделия, что непосредственно затронуло экономические интересы большинства крупных капиталистов Центра России. Принципы

исчисления тарифов, отвечающие их корыстным узко-групповым интересам, обосновывались в газете «Москва». В статьях по этому вопросу А. П. Шипов (являвшийся совладельцем крупного хлопчатобумажного предприятия) высказался против понижения пошлин на пряжу. Он выпустил специальную брошюру под названием «Замечания на материалы по пересмотру тарифа» (1867 г.). «Московские ведомости» в свою очередь помещали одну за другой статьи, оспаривающие доводы капиталистов об опасности понижения пошлин и ядовито высмеивающие их «патриотизм». Так, 6 января 1868 г. в статье Д. Филимонова по поводу «жалоб» «Москвича» на тарифную комиссию (на то, что «с понижением тарифа беда неминуемая разразится и над нашими финансами: промышленность погибнет, а государственные доходы оскудеют») на конкретных цифрах доказывалось, что пошлина на ткацкие товары по сравнению с пошлиной на пряжу низка, что она приносит дополнительный доход хозяевам прядильных фабрик.

Газета часто печатала выступления отдельных капиталистов против охранительных таможенных пошлин. Так, 9 февраля была опубликована записка братьев Струве и Лессинга, которые ратовали против обложения «машин ввозной пошлиной», так как это «затруднит распространение у нас машинной работы в ущерб... интересам страны». Газета, одобряя подобные утверждения, отмечала, что повышение пошлин пагубно отразится на развитии «нашей главной промышленности, сельского хозяйства, страдающего от недостатка рук», на появлении новых фабрик и на успешном построении железных дорог. Деятельность Шипова газета оценивала как патриотизм за счет кармана своих соотечественников. Сторонники «Москвича» обвинялись в недобросовестности, в попытках ввести общество в заблуждение и т. д. и т. п.

«Москва» и «Москвич» не оставались в долгу. Д. П. Шипов выпустил одну за другой брошюры, в которых опровергал расчеты газеты, указывал на недобросовестность и некомпетентность экономистов «Московских ведомостей», оспаривал толкование всеподданнейшей записки министра финансов, данное газетой, и пр.³⁴

Полемика периодической печати в известной степени отражала те столкновения, которые происходили в самой комиссии, особенно в отделе, рассматривавшем нормы

обложения хлопчатобумажных изделий. Фабриканты Центрального района старались добиться максимально благоприятных для себя тарифных ставок³⁵. После окончания работ комиссии капиталисты стали настойчиво обивать пороги высших правительственных учреждений. Морозов, Крестовников и Баранов получили доступ к К. В. Чевкину — председателю Департамента экономии государственного совета, куда должно было поступить дальнейшее рассмотрение тарифа. Для предварительного его обсуждения в Государственном совете было создано специальное присутствие (комитет) под председательством Чевкина в составе великого князя Александра Александровича, Рейтерна, Княжевича, Брюна и Небольсина. Через Бабста, ранее читавшего лекции наследнику, они получили поддержку будущего царя³⁶. Льстиво подчеркивая чуткость ума и патриотические чувства наследника, в письме от 22 марта 1868 г. Бабст дает ему сугубо практические и конкретные советы о поведении на заседаниях комитета: «Одним Вашим присутствием Вы можете внести в комитет благоприятный дух беспристрастия»³⁷. Однако «беспристрастность» эта должна была иметь чисто внешний, показной характер, ибо исходные позиции «объективного отношения» определялись теми принципами, которые разделялись фабрикантами. Исполнение советов, даваемых Бабстом наследнику, о поведении при обсуждении конкретных статей тарифа делало его фактическим сторонником московских капиталистов. В результате капиталисты могли обосновывать максимально выгодную для них калькуляцию производства хлопчатобумажных изделий в России, тем самым предопределяя уровень тарифов. Большое значение имели и личные беседы наследника с представителями московских промышленников. Уже первая депутация в составе Рязанова, Четверикова, Найденова и Сапожникова была доброжелательно принята наследником. Бабст писал наследнику, что «о Вашем участии к защите нашей промышленности и интересов говорит теперь вся Москва». По совету Бабста наследник принял и вторую депутацию³⁸.

С помощью столь влиятельного покровителя московским фабрикантам в значительной степени удалось исправить положение. Если по новому тарифу обложение изделий тяжелой промышленности было ослаблено, а

многие важные виды их могли ввозиться беспошлинно, то текстильная промышленность надежно защищалась от конкуренции иностранных товаров. Поэтому исследователь таможенной политики имел основание утверждать, указывая на неосновательность жалоб московских капиталистов, что тариф 1868 г. был более покровительственного характера, чем предшествующие³⁹.

После издания нового тарифа полемика между капиталистами-протекционистами и сторонниками свободной торговли сошла на нет. Лишь в середине 70-х годов вопрос о тарифах приобретает новую остроту. К этому времени в правительственных сферах наблюдается сдвиг в сторону протекционистских идей. Вызван он был в первую очередь тем, что двадцатилетние (начиная с 1857 г.) попытки развития горнодобывающей и тяжелой промышленности в России при пониженных таможенных тарифах не дали заметных результатов. Необходимость же развития тяжелой промышленности предопределялась также и внешнеполитическими притязаниями самодержавия. Нельзя было претендовать на положение великой державы, не развивая железнодорожный транспорт, топливную, машиностроительную и металлургическую промышленность. В запретительных таможенных тарифах капиталисты видели единственное средство обеспечить развитие производства. В первые пореформенные десятилетия значительно усилились позиции крупной буржуазии в стране, ее удельный вес в обществе. Правительственные круги, учитывая «печальный» для себя опыт Западной Европы, понимали необходимость максимального удовлетворения экономических требований торгово-промышленных кругов. В этом они видели единственно реальный путь предотвращения оппозиционности капиталистов и ограничения распространения либеральных идей в их среде.

Вопросы таможенной политики выдвинулись вновь на передний план в связи с развитием каменноугольной промышленности на Юге России. Еще на первом съезде горнопромышленников Юга в 1874 г. владельцы шахт возбудили вопрос об установлении таможенных пошлин на уголь и кокс, ввозимый в Россию через порты Азовского и Черного морей. На втором съезде это ходатайство было дополнено предложением ввести таможенный сбор на уголь, поступавший и по юго-западным желез-

ным дорогам⁴⁰. Комиссия о тарифах на съезде главных по машиностроительной промышленности деятелей в мае 1875 г. пришла к выводу, что застой горной и механической промышленности главным образом «зависит от совершенной невозможности соперничать с произведениями иностранной промышленности», и признала, что «нам необходимы покровительственные меры для водворения и развития внутреннего производства. Такой главнейшей покровительственной мерой комиссия признает установление тарифа, согласованного с действительными нуждами горного и механического дела»⁴¹. Газета «Биржевые ведомости» (издававшаяся в это время разорившимся железозаводчиком В. А. Полетикой), разделяя взгляды владельцев заводов, утверждала еще 14 марта 1876 г., что бессилие русского машиностроения достигло своего апогея и что поворот к лучшему «должен уже совершиться сам собой», так как он диктовался железной необходимостью финансового положения.

Этот оптимизм имел под собой известные основания, так как стали появляться симптомы перехода к более покровительственной политике по отношению к отечественной тяжелой промышленности. В записке министра финансов в Комитет министров от 19 апреля 1874 г. уже выдвигалось требование отказаться от «приостановления действия таможенного тарифа» при ввозе рельсов в Россию. Стремление ослабить зависимость от иностранной промышленности побуждало разрабатывать поощрительные меры к развитию рельсового производства в стране. Отмечая, что железные дороги «строились преимущественно на иностранные капиталы» и «без помощи последних не могут строиться и в будущем», записка указывала, что «немыслимо, чтобы 20-тысячеверстная сеть железных дорог могла существовать, а тем менее развиваться при условии выписки из-за границы всех необходимых принадлежностей» и «чтобы они и ремонтировались постоянно иностранными рельсами и подвижным составом. Тогда мы вдвойне зависели бы от иностранных капиталов»⁴².

Анализ официальных статистических данных, проведенный вице-директором Департамента торговли и мануфактур В. И. Тимирязевым, показывает, что за время действия тарифа 1868 г. рост производства значительно замедлился даже против времени действия тарифа

1857 г.⁴³ Интересы государства требовали поощрять развитие тяжелой промышленности, заставляли отказываться от доктрин, не дававших в течение многих лет положительных результатов. Выражая вполне определившийся сдвиг в этом вопросе, газета «Московские ведомости», всегда чутко улавливавшая настроения правительственных верхов, сделала в начале 1879 г., накануне работы таможенной комиссии, крутой поворот от апологетики фритредерства к протекционизму. Отмечая катастрофическое состояние металлического производства, 3 марта Катков писал: «При таком положении дела волей-неволей должно согласиться с людьми, видящими причину расстройства железной промышленности в нашем таможенном тарифе». В ряде очередных номеров газеты пафос передовых статей направлялся на обоснование необходимости повышения пошлин на железо, чугун, сталь, уголь, машины, хлопок и пр., при этом особо подчеркивалась важность мнения Москвы как торгового и промышленного центра при пересмотре таможенного тарифа. В передовой статье 5 октября 1879 г. газета особо отметила речь председателя Московского биржевого комитета на обеде, устроенном купечеством в честь С. А. Грейга в конце сентября 1879 г., в которой «прямо и решительно выражен был протест против тяжелого гнета иноземных учений, пагубно влиявших на развитие отечественной промышленности», и содержалось ясно выраженное пожелание министру финансов, чтобы он «поборол те враждебные начала, которые стремятся поколебать и умалить значение материального благосостояния нашего отечества». Количество статей в защиту протекционистских тарифов особенно увеличилось в 1880 г., когда начала разворачиваться работа по пересмотру тарифов.

Переход от умеренно-охранительных таможенных пошлин к запретительным в правительственных верхах определился уже в 1876 г., когда вводится взимание пошлин в золотой валюте, что при тогдашнем курсе было равносильно увеличению пошлинных окладов на 30%. Начиная с 1877 г. в результате осуществления ряда мер покровительственная система постоянно упрочивается⁴⁴. Очередным заметным шагом в этом направлении было значительное повышение пошлин в 1882 г. (в общей сложности на 10%)⁴⁵.

В середине 70-х годов особое недовольство существующей тарифной системой высказывали уральские горнозаводчики, добивавшиеся совершенной отмены «беспошлинного ввоза из-за границы стали, железа и чугуна в каком бы то ни было видах» и пересмотра тарифа 1868 г.⁴⁶ Работа таможенной комиссии, учрежденной 30 марта 1879 г. в результате их настойчивых пожеланий, вызвала серьезную тревогу горнозаводчиков, использовавших в своих интересах авторитет Общества для содействия русской промышленности и торговле. За подписью председателя общества Демидова министру финансов и в Государственный совет была представлена записка, в которой осуждалось решение комиссии отказаться от введения пошлины на чугун. Общество настаивало на необходимости введения значительной пошлины не только на чугун, но и на машины и предлагало для обсуждения этого вопроса созвать съезд горнопромышленников и машиностроителей⁴⁷. В комитете общества в ноябре 1881 г. состоялось обсуждение доклада Д. П. Шипова о пошлинах на машины. Докладчик признавал, что таковые должны быть не менее 2 р. 50 к. с пуда веса машин⁴⁸. На съездах горнопромышленников Юга также ставились вопросы о введении пошлин на иностранный уголь, о чем принимались решения на VII и VIII съездах, проходивших в начале 80-х годов⁴⁹. Печатный орган этой организации, публикуя статьи А. Мевиуса, Н. С. Авдакова и других, одобрял и обосновывал эти решения⁵⁰. «Московские ведомости» в 1881—1883 гг. доказывали, что таможенное обложение текстильных изделий недостаточно, что в США, в частности, ввозные пошлины на разные номера пряжи составляли от 34 до 78% ее стоимости, а в России — только 20%⁵¹.

Против увеличения пошлины на чугун выступили биржевые комитеты приморских городов, или городов, расположенных вблизи от моря (Петербурга, Одессы, Варшавы). Эти биржевые комитеты (а также Ревельский, Либавский, Киевский и Рижский) были против введения пошлины и на дешевый иностранный уголь.

Одесский биржевой комитет, в частности, отмечал, что при введении пошлины на уголь цена его увеличится на 50—75% стоимости. Представители приморского купечества, состоявшего по преимуществу из иностранцев, пугали, что введение пошлин приведет к сокращению тор-

говли хлебом, к повышению фрахтов, остановке фабрик и иным бедам⁵².

За повышение пошлин на чугун высказались Московский биржевой комитет и Иваново-Вознесенский комитет торговли и мануфактур, Харьковский биржевой комитет, а также Московское отделение Совета торговли и мануфактур, Нижегородский и даже Киевский биржевые комитеты⁵³. Торгово-промышленный съезд, состоявшийся в Москве в 1882 г., решительно одобрил требования горнопромышленников о повышении пошлин на чугун до 25 коп. с пуда⁵⁴. Более того, съезд принял решение ходатайствовать «об общем рациональном пересмотре тарифа при участии представителей от промышленников и торговцев»⁵⁵. В результате этих ходатайств в 1884 г. устанавливается пошлина на уголь и увеличивается пошлина на чугун⁵⁶.

Введение пошлины на уголь происходило в обстановке острой борьбы предпринимательских группировок. С. И. Мамонтов писал жене 4 февраля 1884 г.: «В первый раз пришлось участвовать в таком интересном собрании. Со всех концов Европейской России были созваны компетентные люди для обсуждения весьма важного вопроса, налагать ли пошлину на ввозимый в Россию каменный уголь и чугун... Под конец заседаний страсти враждебных сторон настолько разыгрались (с одной стороны, немцы, иностранцы и вообще паразиты, а с другой — русские производители), и были в прениях эпизоды в высшей степени остроумные и энергичные. Общее впечатление отрадное: в России есть силы, которые могут пригодиться к ее благу, и надо только вызывать их к работе»⁵⁷. Тем не менее тарифная комиссия Министерства финансов в этом вопросе все же заняла негативную позицию. Только Государственный совет при окончательном решении вопроса признал «необходимым оказать покровительство русской каменноугольной промышленности» и распространил пошлины на уголь не только на южные, но и на прибалтийские порты⁵⁸. Эта нерешительность объяснялась протестами помещиков Юга России, купавших дешевый иностранный уголь для своих сахарных и иных заводов. Они считали, что «предполагаемая пошлина весьма неблагоприятно может отозваться на сельском хозяйстве района, прилегающего к бассейну Черного моря». А. Н. Пашков, представитель Общества сельского

хозяйства Юга России, ходатайствовал от имени общества в Петербурге о «неналожении» пошлины. 10 марта 1884 г. он докладывал, что, «насколько он может заключить из всех заявлений, сделанных ему везде, куда он счел нужным обратиться, можно надеяться на благоприятный исход возбужденного ходатайства», что «интересы сельских хозяев будут во всяком случае приняты во внимание при окончательном рассмотрении этого дела в Государственном совете»⁵⁹.

Следует также заметить, что крупные машиностроительные заводы Петербурга и других городов выступали против введения пошлин на уголь (Брянский завод в Бежице, Путиловский завод, завод Гужона и др.). Отдельные текстильные предприятия Москвы и Подмосковья (фабрики Цинделя, Гюбнера, товарищество С. Морозова и др.) их поддерживали⁶⁰. Однако эти частные отклонения отдельных представителей не могли изменить общей протекционистской политики московских торгово-промышленных кругов. Капиталисты являлись убежденными и решительными сторонниками таможенного покровительства, рассматривая его в качестве чуть ли не единственного условия развития промышленности. На торгово-промышленном съезде их лидеры вполне определенно выразили свое понимание значения мер таможенного покровительства. Особенно откровенно высказал кредо протекционистов Г. А. Крестовников. «Капиталу, — заявлял он, — нужны не энергия, не патриотизм, ему нужна выгода: укажите ему пути выгоды, проторите ему дорожку к ним, и капиталы богатырски выпрут из недр земли все русские несметные богатства»⁶¹.

Несмотря на все противодействующие силы, под нарастающим напором капиталистов таможенный барьер продолжал укрепляться. С 1884 по 1886 г. пошлина на чугун повышалась неоднократно и достигла 15 коп. за пуд⁶². В 1884 г. вводится пошлина на медь в размере 1 р. 50 к. за пуд, а в 1886 г. она увеличивается до 2 р. 50 к.⁶³ При поддержке «Московских ведомостей» текстильные фабриканты добились запрещения беспошлинного провоза иностранных товаров в Персию через Кавказ. В 1883 г. этот транзит, существовавший с 1864 г., был отменен. Настаивая на осуществлении этой меры, промышленники указывали не только на важность овладения внешними рынками, но и на то, что достроенная

теперь Закавказская железная дорога, по которой перевозились транзитные грузы, «открывала» иностранным товарам легкий доступ как в Предкавказье, так и на восточное побережье Каспийского моря и далее по Закаспийской железной дороге в Среднюю Азию⁶⁴. Упразднение беспошлинного транзита открыло русским товарам широкую дорогу в Закавказье, хотя местные предприниматели, сохранявшие старые торговые связи, чинили им всевозможные препятствия (задержки при перевозке грузов и пр.)⁶⁵.

Капиталисты не удовлетворялись достигнутым. Владельцы металлургических заводов считали недостаточными неоднократно повышенные пошлины на чугун. Углепромышленники признавали неудовлетворительной недавно введенную пошлину на уголь. Домогательства владельцев шахт по-прежнему поддерживались Московским биржевым комитетом, а горнозаводчики опирались на Общество для содействия русской промышленности и торговле. Текстильные фабриканты выражали недовольство не только таможенными тарифами, но и организацией таможенного дела, позволявшей ввозить товары без пошлины. Они возмущались также привилегиями финских коммерсантов при ввозе товаров в Россию, считая, что такие льготы способствовали застою в хлопчатобумажной промышленности. Притязания крупной торгово-промышленной буржуазии решительно поддерживались «Московскими ведомостями».

Запросы капиталистов росли, они требовали и добились новых привилегий и поблажек. Как горнозаводчики, так и углепромышленники и текстильные фабриканты обращались в разные ведомства с многочисленными записками по общим и частным вопросам таможенного обложения. 28 августа 1883 г. представители полусотни торгующих на Нижегородской ярмарке крупнейших, по преимуществу текстильных, фирм направили ходатайство в ярмарочный комитет, в котором объясняли, что ждут не полумер, «а твердую строго определенную, более устойчивую систему таможенного тарифа с целью ограждения нас от опасного наплыва соперников». Далее указывалось на пример США, где с помощью протекционизма успешно развивалась промышленность, и выдвигалось предложение коренного преобразования таможенной системы в России на основе учета

мнения предпринимательских организаций и промышленников⁶⁶.

Текстильные фабриканты не ограничивались общими пожеланиями. Они обстоятельно готовили соответствующие материалы. Московское отделение Общества для содействия русской промышленности и торговле разработало все данные для полного пересмотра тарифа на хлопок и изделий из него. Обстоятельный труд по этому вопросу («Русский таможенный тариф и его недостатки по отношению к различным хлопчатобумажным товарам». М., 1886) опубликовал член отделения А. Г. Макаров.

Горнопромышленники Юга на своем X съезде в декабре 1885 г. одобрили доклад Н. С. Авдакова, в котором обосновывалась необходимость дальнейшего повышения пошлин на уголь. Горнозаводчики Урала на съезде, созванном Министерством государственных имуществ в конце 1885 г., добивались немедленного повышения пошлин на чугун уже до 30—36 коп. за пуд и высказались за постепенное запрещение ввоза чугуна в Россию⁶⁷. Обширные материалы, обосновывающие необходимость повышения пошлин на чугун, публиковались в трудах Общества для содействия русской промышленности и торговле⁶⁸. Небольшие поблажки, полученные уральскими горнозаводчиками, их не удовлетворяли, и они упорно продолжали добиваться намеченной цели. Докладные записки, справки, аудиенции у министра следовали непрерывной чередой⁶⁹.

Необходимо отметить, что повышение тарифов на изделия железоделательной промышленности явилось одной из причин охлаждения в русско-германских отношениях⁷⁰. В записке министра финансов от 6 июня 1886 г. указывалось, что «предположение о дальнейшем возвышении пошлин на чугун произвело сильное впечатление в Германии»⁷¹. При повышении пошлин в первую очередь учитывались пожелания уральских заводчиков. Большую роль в противодействии германским желаниям понизить тарифы на уголь и чугун при пересмотре их в 1886 г. играли М. Н. Катков и его «Московские ведомости»⁷².

Предпринимательские организации и «нейтральные» учреждения, выражавшие интересы капиталистов, проявляли все большую настойчивость, по мере того как правящие верхи сознавали потребность в перестройке

существующей таможенной системы. Комитет Общества для содействия русской промышленности и торговле 17 июня 1887 г. обратился к министру финансов с новым настоятельным ходатайством о пересмотре таможенного тарифа, так как «вследствие многочисленных отдельных изменений за последние двадцать лет тариф является крайне несистематическим и беспорядочным». Выражая надежды промышленников, комитет требовал, чтобы «в основу всей работы по пересмотру тарифа было положено полное покровительство отечественному производству» и к участию «в разработке тарифа были приглашены представители нашей промышленности»⁷³. Вслед за обществом купечество, торгующее на Нижегородской ярмарке, обратилось к И. А. Вышнеградскому с аналогичным ходатайством, особо подчеркивая, чтобы пересмотр общего таможенного тарифа производился по примеру 1868 г. с участием представителей промышленности и торговли, практически знакомых с условиями производительной деятельности страны. Получив благосклонный ответ министра финансов, заверившего, что выработка удовлетворительного таможенного тарифа возможна лишь при участии промышленников и торговцев, купечество с нетерпением ожидало начала этих работ. Однако разработка нового тарифа задерживалась, поэтому 27 августа 1888 г. 116 крупных фирм обратилось к общему собранию ярмарочного купечества с предложением снова ходатайствовать перед министром о нуждах промышленности. Новым моментом, заслуживающим внимания, в очередной записке была попытка увязать пересмотр таможенного тарифа с существующими торговыми договорами с иностранными государствами. Капиталисты утверждали: «В непосредственной связи с таможенным тарифом стоит вопрос о торговых договорах и трактатах. Насколько тариф поощряет развитие внутреннего производства, настолько торговые договоры и трактаты с иностранными государствами содействуют усилению нашего экспорта на иностранные рынки, облегчая необходимое для страны восстановление надлежащего равновесия в ее международном расчетном балансе. Между тем ныне действующие у нас договоры и трактаты далеко не соответствуют предъявляемым к ним требованиям, ограничиваясь общими постановлениями, которые, доставляя выгоды иностранной торговле и мореплаванию в русских

владениях, нисколько не облегчают развитие русской торговли в иноземных государствах»⁷⁴. Ярмарочный комитет, одоблив основные положения записки, постановил составить доклад для собрания уполномоченных купечества, который намечалось представить в виде ходатайства министру финансов. По всей видимости, заявления торгово-промышленных кругов о необходимости обеспечения взаимных выгод по торговым соглашениям возникли в связи с теми дискриминационными мерами экономического давления, которые в 1887 г. проводились Бисмарком в Германии (повышение пошлин на хлеб, запрещение приема русских ценных бумаг в залог и т. п.)⁷⁵.

Пожелания капиталистов и предпринимательских организаций были приняты во внимание правительством. Новый тариф 1891 г. разрабатывался в течение четырех лет «с участием лучших знатоков дела», то есть самих промышленников⁷⁶. В состав комиссии по пересмотру тарифа были включены не только представители предпринимательских организаций Петербурга и Москвы, но и других промышленных центров. От Харьковского биржевого комитета, например, были избраны А. К. Алчевский, Н. В. Орлов, М. Ф. Гельферих-Саде, принимавшие участие в работе комиссии по очереди⁷⁷. Естественно, что новый тариф полнее удовлетворял интересы капиталистов, являясь как бы итогом всей протекционистской политики царизма с конца 70-х годов. Об этом откровенно заявляли представители ярмарочного купечества в Нижнем Новгороде в августе 1892 г.⁷⁸ Чрезвычайное собрание выборных Московского биржевого общества 15 сентября 1893 г. признало, что «в последнее десятилетие наше правительство, преследуя общегосударственные цели, стало придавать развитию отечественной промышленности не меньшее значение, чем развитию других отраслей народного хозяйства»⁷⁹.

Особые опасения русской буржуазии вызывали настоячивые посягательства на заградительный таможенный тариф со стороны Германии⁸⁰. В августе 1892 г. в Нижегородский ярмарочный комитет поступило заявление от уполномоченного М. А. Преображенского, в котором утверждалось: «Постоянно повторяющиеся слухи о предстоящем заключении торгового трактата с Германией на почве обоюдных уступок в таможенном тарифе вызывают тревогу в среде лиц промышленного мира»⁸¹.

Ярмарочный комитет под председательством С. Т. Морозова согласился с доводами, приведенными в заявлении, и признал: «Заключение торговых договоров с Германией является вопросом, возникновение которого по справедливости может внушать опасение о будущности русской промышленности». Заранее парируя контраргументы помещиков, капиталисты утверждали: «Несомненно, что русское земледелие и вывоз русского хлеба является одним из главных источников благосостояния страны, но не следует забывать и о том, что состояние торговых балансов страны определяется разницей между суммой вывоза и ввоза, а этот последний при заключении договора значительно увеличится. Таким образом, не только в интересах одной промышленности и торговли, но и в интересах благосостояния России вообще следует желать, чтобы торговый договор с Германией был заключен, имея в виду нужды русской промышленности». Общее собрание уполномоченных купечества 29 августа 1892 г. обсуждало заявление Преображенского и постановило «всепоподданнейше ходатайствовать перед его императорским величеством о том, чтобы при обсуждении торговых договоров с Германией были вызваны сведущие люди из торгового сословия»⁸². Горнопромышленники поддерживали московских капиталистов. Н. С. Авдаков утверждал, что «германские предложения направлены именно к тому, чтобы парализовать развитие русской горной промышленности, вновь завладеть русскими рынками и восстановить потерянное влияние»⁸³. В августе 1893 г. аналогичные опасения по поводу заключения льготного торгового договора с Германией высказывал Н. А. Найденов⁸⁴.

Логика развития русско-германских экономических отношений, во многом определявшаяся настоятельными требованиями крупной российской буржуазии, обнаружившей в этом вопросе поразительное единодушие, вела не к ослаблению, а к укреплению таможенного барьера. Так называемая таможенная война между Германией и Россией привела к введению повышенного тарифа на германские товары, ввозившиеся в Россию⁸⁵. Капиталисты высоко оценивали усилия правительства в этом направлении. В постановлении Московского отделения Общества для содействия русской промышленности и торговле 22 сентября 1893 г., например, отмечалось, что

«С. Ю. Витте отразил посягательства Германии на русские народнохозяйственные интересы»⁸⁶.

Добившись значительного исправления тарифных ставок в своих интересах, торгово-промышленные круги Европейской России настойчиво продолжали укреплять свое монопольное положение на внутреннем рынке. Общее собрание уполномоченных ярмарочного купечества 12 августа 1891 г., в частности, приняло решение ходатайствовать о закрытии порто-франко для Владивостока⁸⁷.

Выгоды, получаемые капиталистами от повышения таможенных тарифов, были совершенно очевидны. В результате этих мер капитал приобрел именно тот стимул, на который в 1882 г. указывал Крестовников как на решающее условие развития промышленности. Прибыли российских предпринимателей еще более увеличились. Роза Люксембург в своей книге о развитии Польши указывала, что при том монопольном положении, в котором под прикрытием заградительных пошлин оказалась промышленность и России и Польши на внутреннем рынке, фабриканты «стали получать чудовищные барыши»⁸⁸.

Заградительный таможенный барьер, обеспечивая монопольное положение капиталистов на внутреннем рынке, позволял им наживаться за счет ограбления трудового населения страны, расплачивающегося за поощрительные меры правительства. Рост цен на предметы первой необходимости (ткани, одежду, обувь и пр.) и продукты (сахар и др.) всей своей тяжестью ложился на их плечи.

Таким образом, по важнейшему вопросу экономической политики царизма к концу XIX в. крупная буржуазия добилась значительной консолидации своих сил. Наиболее влиятельные предпринимательские организации и преобладающая часть капиталистов (за редким исключением буржуазии некоторых приморских городов — Одессы, Владивостока и др.) единодушно и решительно высказывались в пользу укрепления протекционистских мер. Острые разногласия, возникавшие по вопросам целесообразности и уровня таможенного обложения тех или иных изделий и предметов ввоза, не опровергают этой отчетливо проявившейся тенденции. Такое единодушие повышало эффективность воздействия крупной буржуазии на некоторые стороны политики царизма. Учет ее экономических интересов явился одним из факторов, обусловивших постепенное охлаждение отношений ме-

жду Россией и Германией и укрепление связей с Францией.

Укрепляя таможенную защиту, царская Россия опиралась на опыт других европейских государств. Как известно, в большинстве развитых капиталистических стран (кроме Англии) с помощью протекционистских мер достигалось ускоренное развитие промышленного капитала и искусственное повышение отечественного производства⁸⁹.

В. И. Ленин в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» писал: «Русские марксисты, подчеркивая прежде всего и сильнее всего, что вопрос о свободе торговли и протекционизме есть вопрос капиталистический, вопрос буржуазной политики, должны стоять за свободу торговли, так как в России с особенной силой сказывается реакционность протекционизма, задерживающего экономическое развитие страны, служащего интересам не всего класса буржуазии, а лишь кучке олигархов-тузов, — так как свобода торговли означает ускорение того процесса, который несет средства избавления от капитализма»⁹⁰.

Возвращаясь к оценке протекционизма в работе «К характеристике экономического романтизма», В. И. Ленин вновь указывал, что «протекционизм создан лишь определенным хозяйственным строем и определенными противоречиями этого строя, что он выражает реальные интересы реального класса, играющего *преобладающую* роль в народном хозяйстве...»⁹¹. Затем он снова отмечает, что свобода торговли как направление буржуазной политики имеет прогрессивное значение по сравнению с другим (протекционизмом), потому что ускоряет «вымирание средневековых отношений в деревне и создание внутреннего рынка для индустрии, означает более широкое, более свободное и более быстрое развитие капитализма вообще»⁹².

Необходимо отметить и другую сторону, углубляющую и дополняющую оценку протекционизма для конца XIX в. Еще в примечании 1894 г. к III тому «Капитала» Ф. Энгельс указывал, что появились запретительные пошлины, отличающиеся от старого протекционизма тем, что больше всего защищают «как раз те продукты, которые способны к вывозу»⁹³. В. И. Ленин продолжил наблюдения Энгельса и развил его мысль в книге «Импе-

риализм, как высшая стадия капитализма». Показывая реакционность рассуждений Каутского о том, что капитализм развивался бы быстрее, если бы свободная конкуренция не ограничивалась монополиями, гнетом финансового капитала и пр., ссылаясь на приведенное высказывание Энгельса, он продолжает: «Известна, далее, свойственная картелям и финансовому капиталу система «вывоза по бросовым ценам», «выбрасывания», как говорят англичане: внутри страны картель продает свои продукты по монопольной — высокой цене, а за границу сбывает втридешева, — чтобы подорвать конкурента, чтобы расширять до максимума свое производство и т. д. Если Германия быстрее развивает свою торговлю с английскими колониями, чем Англия, — это доказывает лишь, что германский империализм свежее, сильнее, организованнее, выше английского, но вовсе не доказывает «перевеса» свободной торговли, ибо борется не свободная торговля с протекционизмом, с колониальной зависимостью, а борется один империализм против другого, одна монополия против другой, один финансовый капитал против другого»⁹⁴.

Русские капиталисты и в XX в. редко включались в активную борьбу за международные рынки. Однако даже в конце XIX в. попытки такой борьбы нам известны. Можно в первую очередь указать на проекты раздела мировых рынков между организацией бакинских нефтепромышленников и американскими нефтяными монополиями. Интерес представляет и «бросовый» вывоз сахара, организованный синдикатом сахарозаводчиков еще в середине 80-х годов. Заслуживают внимания попытки текстильных фабрикантов объединиться с целью внедрения своей продукции на рынках Ближнего и Среднего Востока. Определенные их монополистические устремления проявились уже в XX в. Более характерным для России было то, что ее рынки становились сферой приложения интересов тех или иных международных союзов капиталистов (электротехническая, химическая и другие отрасли промышленности). Даже если такого влияния и не было (металлургическая, сахарная и др.) и внутренний рынок обслуживался своей промышленностью, защитительный таможенный барьер становился важнейшим препятствием для проникновения иностранных монополистических союзов в Россию.

Политика протекционизма, следовательно, в условиях перерастания капитализма в империализм для крупной буржуазии развивающихся стран, создающих собственную промышленность, становилась объективно неизбежной. Обостряющиеся капиталистические противоречия, реальные условия действительности конца XIX — начала XX в. не позволяли российским предпринимателям принять идеи свободной торговли в качестве основополагающего лозунга экономической политики. Эгоистические интересы крупной буржуазии расходились в корне с насущнейшими нуждами мелкобуржуазной массы населения, заинтересованного в дешевых орудиях и средствах производства, недорогих товарах, свободных от наценок заградительных пошлин. Протекционизм сковывал развитие капиталистических отношений в деревне, а значит, и замедлял процесс вызревания объективных предпосылок для социалистической революции. В этом выпукло проявлялась реакционная (сравнительно со свободной торговлей) роль протекционизма в России.

**Заинтересованность крупной буржуазии
во внешних рынках и влияние
ее на решение других вопросов
экономической жизни**

Первые попытки сбыта изделий российской промышленности, в первую очередь текстильной, на зарубежных рынках относятся к весьма отдаленному прошлому. Русские товары попадали на Ближний, Средний и Дальний Восток и в Среднюю Азию через купцов-посредников еще в XVIII в. В 20-х годах XIX в. эта торговля достигла значительного развития. Отдельные фабриканты, например Посылины, проникают и на персидский рынок. Однако в начале 30-х годов экспорт текстильных изделий из России в Турцию и Персию резко сократился, так как товары российской текстильной мануфактуры не могли конкурировать с дешевыми английскими тканями машинной выработки. К середине XIX столетия вывоз хлопчатобумажных тканей из России в эти страны почти совершенно прекратился¹.

В первые пореформенные годы московские капиталисты решительно высказывались за развитие внешних

торговых связей и даже, хотя и крайне робко, пытались воздействовать на отдельные стороны внешней политики царизма.

В январе 1866 г. И. А. Лямин на обеде в честь американского посла выразил «желание иметь прямые торговые сношения с Америкой». Ему вторил Четвериков, провозгласивший тост «за американский купеческий флот и за создание такового же в России»². Однако практическая предпринимательская деятельность не подкрепляла этих заявлений. Недостаточная предприимчивость крупной российской буржуазии определялась воздействием целого ряда факторов. Более значительный экспорт промышленных изделий сохранялся лишь в Среднюю Азию и Западный Китай, то есть в те районы, где русским товарам пока не грозила конкуренция более развитых в экономическом отношении стран.

В 60—70-х годах в текстильной промышленности на смену ручному производству пришла машина, но положение с экспортом мало изменилось. Дело в том, что продукция крупной машинной индустрии, возникшей и развивавшейся в России под прикрытием заградительного таможенного барьера, находила достаточно емкий внутренний рынок, расширявшийся в результате развития капитализма вширь и вглубь после отмены крепостного права. Вывоз же тканей за границу вследствие очень больших транспортных расходов и неудовлетворительных путей сообщения, как правило, не мог обещать особых выгод тому или иному фабриканту и в то же время требовал много лишних хлопот.

Экспорт хлопчатобумажных тканей, изготовлявшихся на импортном (по преимуществу американском) сырье, продолжал оставаться незначительным и по-прежнему осуществлялся (главным образом купцами-посредниками) все в те же районы монопольного положения изделий российской промышленности. Отдельные русские купцы в пореформенные годы предпринимают шаги к расширению операций в новых сферах торговли. Так, в 1862 г. в связи с упадком кяхтинской торговли сибирские купцы отправили караваны с товарами и металлическими изделиями внутрь Китая и на плантациях близ г. Ханькоу основали чайную фабрику. В 1866 г. фабрика была уничтожена. Казанские купцы (П. О. Шайнин и др.), стоявшие во главе этого предприятия, вновь отправили в Ки-

тай товары. Благодаря энергии и твердости консула купца Иванова, сообщалось в «Биржевых ведомостях» 16 февраля 1869 г., китайское правительство вознаградило сполна за убытки, и «чайная торговля в Ханькоу достигла столь удачных результатов, что обороты ее простираются на несколько миллионов».

Подобные факты были, однако, еще единичными, поэтому царское правительство стремилось поощрять развитие внешней торговли в нужных для государственной внешней политики направлениях. Уже в середине XIX в. под руководством Кокорева в Астрабаде (Персия) действовал Московский торговый дом, получивший от правительства ряд привилегий, и в том числе право приобретать казенное железо и медь по заводской цене. В 1857 г. на смену этому предприятию приходит «Закаспийское торговое товарищество», в которое вошли Кокорев, Торнау и Новосельский. Последних вскоре сменили Мамонтов и Медынцев, но и они в конце 60-х годов были из товарищества. На рубеже 50—60-х годов Кокорев, получивший значительные государственные субсидии, пытался развернуть торговлю с Персией и Средней Азией. Товарищество вывозило оттуда хлопок, шерсть и другие товары, «приобретая их частью на наличные деньги, частью меной на русские металлы и мануфактурные изделия». Торговые сношения с местным населением производились через фактории и комиссионеров. Кокорев предполагал дальнейшее расширение торговых связей в Средней Азии. В 1863 г. товарищество «завело постоянную меновую торговлю с обитающими на восточном берегу Каспийского моря туркменами, имея там на острове Челекен свою лавку с товарами». Однако деятельность общества постепенно сокращается, так как финансовые возможности предприятия оказались ограниченными и на нем повис большой казенный долг. Дела самого Кокорева также пришли в упадок³.

Не обнаруживая большого энтузиазма вследствие огромных накладных расходов завязывать прямые, непосредственные связи в Средней Азии, торгово-промышленные круги проявляли вместе с тем глубокую заинтересованность в закреплении этой обширной территории в сфере влияния царской России. Она в перспективе рассматривалась капиталистами не только в качестве важного рынка, но и как сырьевая база для промышленности. По-

этому торгово-промышленная буржуазия стремилась активизировать среднеазиатскую политику царизма. Так, в газете «Аktionер», выражавшей настроения и чаяния крупной московской буржуазии, в статье «Несколько слов о нашей торговле со Средней Азией», заявлялось 3 февраля 1862 г.: «Средняя Азия — это наш улус. Слепые только не хотят этого видеть, тупоумие не может понять. Упускать эти естественные наши рынки из своих рук значило бы не понимать наших народных выгод, не подмечать наших естественных торговых путей». Далее статья сетовала на медлительность оренбургского начальства, которое обеспечило путь до Сырдарьи только в 50—60-е годы, в то время как, по мнению купечества, это следовало бы осуществить в 30-х годах. Причина такого положения усматривалась в том, что оренбургское ведомство «парализовалось в своих действиях каким-то непонятным хладнокровием к делу нашей торговли со Средней Азией и боязнью Англии». Автор статьи даже утверждал, что, «кроме этой поддержки, во всех остальных случаях русские торговые люди не только не находили себе ободрения и содействия в своих предприятиях на расширение и усиление нашей среднеазиатской торговли, но и встречали скорее противодействие».

Военные акции царизма в Средней Азии в 1864—1868 гг. не только приветствовались, но и активно поддерживались московскими капиталистами. Крупный текстильный фабрикант М. А. Хлудов даже сопровождал М. Г. Черняева в Туркестанском походе⁴. По поводу отношения капиталистов к деятельности Черняева интересное свидетельство имеется у Феоктистова, хорошо ориентировавшегося в настроении различных слоев русского общества в пореформенные годы. «Черняев, начальствовавший в Туркестане, — пишет он, — причинял столько беспокойства правительству, что решено было его отсюда удалить... Хотя сам он был человеком небольшого полета и только И. С. Аксаков да московские купцы сделали из него впоследствии героя и государственного мужа, но все-таки он придал важное значение занимаемому им посту уже потому, что при нем наступательное наше движение в Средней Азии приняло особенно резкий характер»⁵. Сам Черняев признавал, что активные операции в Средней Азии в 1865 г. не соответствовали «видам» правительства. В письме от 1 января 1866 г. он утверждал:

«Все мое успокоение в проявлении общественного мнения, а не в официальном мире, где постоянно встречаем помехи, не сочувствие к делу и даже противодействие. Я думаю, не многим известно, что мне дано было в прошлом поручение только овладеть Аулиетами и, бросив там гарнизон, вернуться назад, но сила обстоятельств вынудила меня взять на свою ответственность овладение Чимкентом и Ташкентом, не получив ни одного лишнего солдата и ни одной лишней копейки»⁶.

Едва царская администрация укрепилась на новых территориях, оренбургский генерал-губернатор высказался «о пользе, которую могло бы принести для России водворение правильной русской торговли в Ташкенте и других городах Средней Азии». Генерал-майор Романовский, только что объехавший присоединенный край, ведет переговоры с московским купечеством. По предложению Романовского 14 московских крупных купцов приняли решение учредить специальное товарищество и немедленно отправить в Ташкент караван с товарами, которые пользовались особым спросом в этом крае. В Московско-Ташкентское товарищество, возглавляемое М. А. Хлудовым, вошли И. А. Лямин, А. И. Каретников, Асаф и Александр Барановы, Т. С. Морозов и другие крупные фабриканты. Товарищество уже в январе 1866 г. получило ряд привилегий (освобождение на первое время от гильдейской повинности, разрешение провоза товаров без таможенного досмотра, право на получение стотысячной субсидии от казны). Московские миллионеры не спешили разворачивать операции на еще неосвоенной территории и рисковать своими капиталами⁷. Деятельность этого предприятия не оставила заметного следа. Решающим здесь было то, что условия для развития торговли со Средней Азией оставались крайне неблагоприятными (противодействие правителей ханств, неудовлетворительные транспортные связи и пр.).

М. К. Рожкова, справедливо оценивая приводимые ею записки М. Хлудова по вопросам среднеазиатской торговли, переписку по записке и выступления В. Хлудова в «Московских ведомостях», делает вывод, что «русские купцы были заинтересованы в том, чтобы царское правительство расширяло свое господство на территории Средней Азии, заставляя правителей среднеазиатских ханств создавать благоприятные условия русской торгов-

ле и ограждая ее от английской конкуренции. Включение в Российскую империю территории среднеазиатских ханств они считали важным условием для ведения там торговых операций»⁸. Политика царского правительства в Средней Азии в конечном итоге определялась с учётом этих пожеланий. Однако «наступательные шаги в Средней Азии диктовались главным образом соперничеством с Англией в общих масштабах международных отношений»⁹. Факты подтверждают правильность такого определения соотношения и роли буржуазии и царизма при осуществлении их планов в Средней Азии. Это необходимо особо подчеркнуть, так как в литературе встречаются утверждения, что «русская буржуазия в 60—80-х годах плохо представляла себе свои интересы в Средней Азии и не имела твердо установившейся точки зрения относительно среднеазиатской политики»¹⁰.

Как бы то ни было, продвижение царизма в Средней Азии создавало благоприятные условия для развития русской торговли в этом районе, которую в последние десятилетия XIX в. следует рассматривать уже в плане развития не внешних, а внутренних отношений.

Следует особое внимание обратить на то, что развитие торговли на вновь присоединенных территориях и в смежных с ними регионах, еще не вошедших в состав империи, крайне затруднялось ввиду отсутствия современных путей сообщения. Грузы от Самарканда до Оренбурга караванами верблюдов доставлялись лишь за полгода, а при «срочности» — за 2—3 месяца. К тому же от многочисленных перегрузок, непогоды и пыли хлопок и другие товары портились и иногда к месту назначения приходили в совершенно непригодном виде¹¹. Поэтому московские капиталисты, видевшие в Средней Азии не только потенциальную сырьевую базу, но и крупный рынок сбыта, пытались разными способами решить транспортную проблему. В марте 1870 г. купцы М. А. Хлудов и И. А. Первушин заключили соглашение с генералом М. Г. Черняевым (участвовавшим в нем негласно) и коллежским асессором Н. Г. Северцевым о создании товарищества для устройства частного торгового пароходства в Средней Азии. Учредители намеревались добиться от правительства передачи товариществу казенной Аральской флотилии и предоставления льгот, полученных в свое время пароходными компаниями на Черном и Кас-

пийском морях. Товарищество предполагало организовать пароходное сообщение по Аральскому морю и Сырдарье от Казалинска до Чиназа (близ Ташкента)¹². Хотя учредители усердно обивали пороги Министерства иностранных дел, Военного министерства и других ведомств, их предложение, по всей видимости, не получило одобрения¹³.

Вопрос об организации транспортных предприятий, занимающихся перевозкой в Среднюю Азию, обсуждался на съезде фабрикантов и заводчиков в мае 1870 г. Т. С. Морозов прямо указывал, что слабое использование среднеазиатского хлопка на русских текстильных фабриках связано с его высокой ценой по причине дороговизны перевозок. Изыскание кратчайших и удобнейших перевозок грузов выдвигалось в качестве первоочередной задачи. Он высказал идею о создании фабрикантами специальной торговой компании с целью закупки среднеазиатского хлопка и продажи его в России и за границей¹⁴. Однако при осуществлении этих предложений Морозов и другие текстильные фабриканты не проявляли сколько-нибудь заметной энергии. Они, видимо, не спешили потому, что организация транспортных предприятий требовала колоссальных капиталовложений без какой-либо гарантии получения прибылей в течение длительного времени.

Только в начале 1878 г. текстильные фабриканты (А. А. Морозов, Н. Н. Коншин, Л. Кноп) предприняли попытку учредить «Среднеазиатское общество пароходства и торговли». По их мнению, Средняя Азия одна могла поставлять около 3 млн. пудов очищенного волокна. Новое предприятие должно было организовывать транспортировку грузов как сухопутными, так и водными путями. Капиталисты снова ходатайствовали о передаче им казенной Аральской флотилии, рассчитывая использовать ее для перевозки хлопка, а также товаров в Среднюю Азию¹⁵.

Одновременно с проектами создания торгово-транспортных компаний московские капиталисты ходатайствовали о строительстве железной дороги, которая должна была соединить Среднюю Азию с Центральной Россией. Одна из таких записок, предлагавшая определить направление этой дороги в зависимости от направления Сибирской железной дороги, была представлена минист-

ру путей сообщения в марте 1874 г.¹⁶ Интересна записка, представленная по этому вопросу красноярскими купцами Пермитиным и Поповым, в Московское купеческое общество. Они писали: «Сознание необходимости обеспечить за русской промышленностью рынка Средней Азии побуждает нас соединить наши усилия и к последующему осуществлению означенной цели. Одним из более надежных к тому средств, по нашему мнению, было бы сооружение такого торгового пути, который, проходя через русскую территорию и соединяя нас со среднеазиатскими торговыми центрами, представлял бы в будущем возможность соединения с самой Индией. Линия эта от Оренбурга через Ташкент и Самарканд до крайних южных пределов Туркестанского генерал-губернаторства вполне совпадает с направлением установившихся почтовых и торговых путей с Хивой, Бухарой, Ташкентом, Кокандом, Кашгаром»¹⁷.

Следовательно, требование развития транспортных артерий диктовалось не только необходимостью расширения внутренней торговли в Средней Азии, но и внешней торговли с Персией и Китаем, куда все чаще обращались теперь взоры российского купечества. Так, 9 февраля 1871 г. под председательством Т. С. Морозова состоялось небольшое собрание, созданное по предложению министра финансов по вопросу об исследовании нового торгового пути в Китай. Наряду с крупными московскими предпринимателями (Н. А. Найденовым и др.) на нем присутствовали лица, прожившие много лет в Китае¹⁸.

Уже в ноябре 1873 г. Московское отделение торговли и мануфактур (после получения отношения из Департамента торговли и мануфактур) вынуждено было заняться рассмотрением причин вытеснения русских тканей из Шанхая, Ханькоу и Тяньцзиня. Московские капиталисты стремились опровергнуть нарекания чиновников, считавших, что «русские фабриканты недостаточно изучают вкус и потребность китайцев». А. К. Трапезников заметил, что высказанное обвинение «вряд ли справедливо». Он утверждал: «Не далее как на днях я получил до пятидесяти образцов различных тканей, преимущественно употребляемых в Китае, и передал их одному из наших фабрикантов. Но большую часть из них оказалось невозможным приготовить на ту же цену, по которой продают

их иностранные купцы, преимущественно англичане». Далее им высказывается довод, вскоре ставший шаблоном ответа капиталистов на упреки в безынициативности во внешней торговле: «Наши фабрики находятся в менее выгодных условиях сравнительно с иностранными. У нас и устройство фабрик, и издержки производства обходятся гораздо дороже». Доводы Трапезникова, несмотря на заявление В. Д. Аксенова, что такая оценка правильна скорее только для хлопчатобумажного производства, были одобрены отделением¹⁹.

Инициатива капиталистов хлопчатобумажной промышленности в деле развития экспорта сковывалась и некоторыми особенностями экономической политики царизма. Стремясь поощрить зарождавшееся промышленное хлопководство в Закавказье и Средней Азии, правительство наряду с существовавшими заградительными пошлинами на пряжу и ткани установило ввозную пошлину на хлопок в размере 40 коп. с пуда²⁰. Тем самым все хлопчатобумажные изделия были обложены дополнительным налогом, удорожавшим их стоимость, лишавшим капиталистов стимула к развитию операций за границей. Видимо, в связи с этим отдельные попытки московских капиталистов организовать в 60—70-х годах компании для заграничной торговли кончились неудачно. Проекты таких компаний («Московская компания судоходства и торговли», «Компания для заграничной торговли русскими произведениями») оставили след лишь на бумаге²¹.

Несколько лучше обстояло дело с вывозом сукон. Используя отечественную сырьевую базу и выгоды географического положения, крупные московские суконные фабриканты в середине XIX в. наладили вывоз тонких сукон на Дальний Восток. В 1866—1867 гг. сбыт сукон торгового дома Тюляева и Попова на Дальнем Востоке составлял сумму в 1 427 226 руб. Значительное количество сукон экспортировало также товарищество братьев Бабкиных. Однако к середине 70-х годов вывоз заметно сократился. В 1876—1877 гг. Тюляев продал сукон за границей на 598 577 руб., а в 1880—1881 гг. — лишь на 201 584 руб.²² Более дешевые иностранные ткани стали вытеснять русские товары.

Поэтому царские дипломаты пытались активизировать деятельность капиталистов в тех странах Востока,

которые являлись предметом особого внимания правящих верхов. Однако результативность подобного воздействия была невелика. Так, несмотря на поддержку русского посланника в Константинополе Н. П. Игнатьева и московского генерал-губернатора В. А. Долгорукова, текстильные фабриканты в 1874 г. не откликнулись на предложение учредить «Русско-левантийское товарищество промышленности и торговли» для развития торговли на Ближнем Востоке ²³.

Подобные усилия отчасти парализовались общим направлением политики царского правительства на Ближнем и Среднем Востоке. Проникновение русских капиталистов в Персию сильно затруднялось ввиду существования транзита европейских товаров через Баку, разрешенного с 1864 г. Несмотря на ряд попыток фабрикантов добиться отмены этого транзита, вред которого для русской торговли в Персии признавался консулами, он существовал два десятилетия. Положение не изменялось, хотя еще в 1871 г. «неудобства» беспешинного транзита европейских товаров через Закавказье не отрицались как военным министром, так и министром иностранных дел ²⁴.

Вопрос о закавказском транзите в связи с завершением строительства Закавказской железной дороги в 1882—1883 гг. не раз обсуждался в Московском биржевом комитете, Московском отделении Совета торговли и мануфактур при активном участии крупнейших текстильных фабрикантов (Морозовых, Кнопов, Коншиных и др.) ²⁵. Энергичные выступления московских капиталистов, поддержанные нижегородскими, одесскими, оренбургскими, кинешемскими, шуйскими и другими купцами, оказывали все большее воздействие на правительство, парализовали меры, принимаемые Нобелями и закавказской буржуазией, к его сохранению. Усилия их в этом направлении имели значительный общественный резонанс ввиду полемики «Московских ведомостей» с «Голосом» и «Русским курьером», иронизировавшими по поводу корыстных побуждений капиталистов. Домогательства промышленников получили поддержку у К. П. Победоносцева, писавшего Александру III 18 декабря 1882 г., что открытие Бакинско-Тифлисской дороги и слухи о сохранении транзита вызвали особое беспокойство в Москве. Оценивая настроение купечества, он писал, что «волнение происходит в среде самой русской,

самой консервативной, самой преданной государю во имя русских и национальных интересов»²⁶. Закавказский транзит в 1884 г. был отменен.

Два последних десятилетия XIX в. не внесли каких-либо принципиальных изменений в дело организации экспорта товаров из России. Капиталисты в какой-то мере пытались использовать укрепление политических позиций России после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Так, стремясь расширить торговые связи с Болгарией, Одесский комитет торговли и мануфактур в декабре 1881 г. взял на себя обязанность ознакомить одесских купцов и фабрикантов с образцами товаров, требуемых болгарским рынком. Комитет обратился к генерал-губернатору с просьбой привлечь русских консулов в Болгарии к высылке образцов и рассчитывал сведения о болгарских рынках получить от Русского общества пароходства и торговли²⁷.

В 1881 г. русский торговец А. И. Мурашев, долго живший в Сербии, обратился в Московский биржевой комитет, указывая на желательность создания общества для торговли на Балканах. В результате ряда совещаний в 1881—1882 гг., в которых принимали участие М. Д. Скобелев, Т. С. Морозов, Н. Н. Коншин и др., состоялась подписка для сбора средств на посылку экспедиции в Болгарию²⁸. Московские фабриканты направили в Болгарию в 1882 г. трех своих агентов с целью изучения этой страны в коммерческом и индустриальном отношениях. На основании выводов этой экспедиции была составлена записка, которую Т. С. Морозов представил в апреле 1863 г. комитету Общества для содействия русской промышленности и торговле. «Торговля с Болгарией, — говорилось в записке, — есть объявление экономической войны всей индустрии Западной Европы. Прежде чем начать такую войну, необходимо тщательно сообразить как свои собственные средства, так и помощь, которую можно ожидать». Собственные силы российской промышленности в записке оценивались весьма пессимистично. Фабриканты сетовали, что им приходится отбиваться от напора западноевропейских промышленников даже у себя дома, что конкурентоспособность российских товаров на внешних рынках еще очень слаба, и требовали дополнительных мер поддержки. К числу их относились заключение преимущественного перед другими странами тор-

гового договора с Болгарией, учреждение торгового агентства в Рушуке, действующего на английский манер, то есть учитывающего запросы купечества, уменьшение железнодорожных тарифов при перевозке товаров за границу и т. д. Вместе с тем Т. С. Морозов высказывал опасение, что борьба за болгарский рынок может иметь катастрофические последствия, если западная промышленность произведет в России коммерческий кризис, отказавшись от закупки хлеба²⁹.

Крупная буржуазия в середине 80-х годов выражала серьезное недовольство введением в Германии стеснительных пошлин на зерно, искусственным «провалом» на Берлинской бирже курса рубля, диктатом немецких коммиссионеров в хлопковой торговле и т. д. Поэтому на Нижегородской ярмарке 1887 г. российское купечество демонстративно устроило торжественную встречу французскому журналисту Дерулэду, специально приехавшему из Франции в Москву почтить память Каткова. Речи его, дышавшие «ненавистью к немцам», вызвали в среде всероссийского купечества желание встретить его с подчеркнутым вниманием, и при проводах ему вручили 7 «замечательно больших и хорошей воды аметистов»³⁰. Профранцузские симпатии русской буржуазии еще более усилились в начале 90-х годов. В. М. Голицын, бывший в то время московским губернатором, в своем дневнике летом 1891 г. записывал: «Участвовал в частном обеде, данном головой Алексеевым в честь французских моряков на выставке. . . Обед был шумный, демонстративный, но хороший в смысле оппозиции немцам и нашей немецкой политики»³¹.

В середине 80-х годов особый интерес к развитию экспортной торговли обнаружили сахарозаводчики. Как уже отмечалось, экспорт ими рассматривался в качестве важнейшего средства «оздоровления» внутреннего рынка, где цены находились на низком, с их точки зрения, уровне. Интенсивный вывоз сахара поддерживался с помощью значительных премий из государственного сундука. Если при вывозе через западную границу премии выплачивались лишь в 1885—1886 гг., то для вывоза в Персию и на среднеазиатские рынки они вводились на большие сроки³². Поощрительные меры по вывозу сахара были усилены в 90-е годы в связи с введением государственной сахарной нормировки.

В конце 80-х годов бакинские нефтепромышленники, объединенные Ротшильдами и Нобелями, активнее устремились на зарубежные рынки, где им угрожала лишь конкуренция американской нефти. В 1884 г. Ротшильды купили Батумское нефтепромышленное товарищество и в мае 1886 г. переименовали его в Каспийско-Черноморское общество. Войдя в соглашение о продаже нефтепродуктов с 52 керосиновыми заводами (из 156, существовавших в Баку), дававшими 50% керосина, располагая 68% вагонов, они стали понижать закупочные цены. В 1886 г. платили 26 коп. за пуд керосина, а в 1888 г. — 18 коп. Закупленный керосин передавался самостоятельным торговым синдикатам в Германии, Италии и Швейцарии. Хотя деятельность Ротшильдов, выполнявших по существу функции комиссионеров по продаже и бравших за свои «труды» по 2,5 коп. с пуда, возмущала нефтепромышленников, они вынуждены были признать, что это посредничество способствовало развитию торговли нефтепродуктами. Еще в 1888 г. среди них зарождается идея создания синдиката бакинских промышленников с целью продажи нефтепродуктов за границу. В качестве противодействия Ротшильдам, Нобелям и другим крупным нефтепромышленникам, монополизировавшим подвижной состав Закавказской дороги, появляется проект строительства нефтепровода Баку — Батуми. Против проекта выступили и Ротшильды и Нобели. Осуществлению проекта препятствовало, в частности, и то, что многие фирмы были связаны контрактами с Ротшильдами на 5 лет³³. Противодействие проекту строительства нефтепровода оказали капиталисты, использовавшие на своих предприятиях и пароходах нефтепродукты в качестве топлива. В августе 1888 г. более 50 купцов подписали записку в Нижегородский ярмарочный комитет, где выражалась тревога по поводу форсирования экспорта нефтепродуктов из России и неизбежного в связи с этим повышения цен на внутреннем рынке. Заверения Нобелей, что торговля керосином внутри России «не зависит от заграничного спроса», их не удовлетворили³⁴. Широкие слои буржуазии продолжали отрицательно относиться к строительству нефтепровода и к консолидации нефтепромышленников³⁵.

Если сахарозаводчики и нефтепромышленники сами активно стремились к расширению вывоза, то текстиль-

ные фабриканты развивали экспорт в значительной степени в результате «подталкивания» со стороны царского правительства, стремившегося закрепить завоеванные политические позиции на Ближнем и Среднем Востоке определенными мерами экономического характера. Так, по инициативе военного ведомства Н. Н. Коншин в 1882 г. направил караван в Ахал-Теке «для занятия рынка, дабы не отдать его англичанам»³⁶. В апреле 1883 г. русский посланник в Персии перед отъездом в Тегеран несколько раз встречался с Т. С. Морозовым, убеждая его в необходимости расширения экспорта текстильных изделий. 21 апреля он присутствовал на совещании в доме Т. С. Морозова, где собрались крупные московские фабриканты (А. Д. Носов, А. Н. Морозов, А. И. Каретников и др.), проявившие интерес к условиям развития русской торговли в Персии. Они снова высказали ряд пожеланий (закрытие транзита в Баку, высылка образцов тканей и пр.), направленных к облегчению проникновения тканей московского производства на иранский рынок. Московские капиталисты не очень-то спешили развертывать там операции. Из переписки Морозова видно, что они не форсировали торговые операции, хотя и приступили к созданию специального торгового товарищества, и предполагали направить в Персию доверенное лицо³⁷. Эта предварительная организационная работа проходила крайне медленно, поэтому, видимо, условия экспорта тканей в Персию по предложению российского консула в Астрабаде Л. С. Кохановского вновь обсуждались российскими фабрикантами на Нижегородской ярмарке 1884 г. Капиталисты еще раз подтвердили решение о создании специальной экспортной компании, но снова ничего не сделали для осуществления этого решения. По свидетельству И. К. Полякова, фабриканты «в силу различных обстоятельств» уклонились от осуществления намеченного под давлением царских чиновников плана. Они добивались введения возврата пошлин и других поощрительных мер для развития экспорта³⁸. Выражая их интересы, «Московские ведомости» 5 июля 1884 г. высказались за коренную реорганизацию консульской службы, одобряя намечавшиеся правительством меры. Указывая на то, что консульские донесения предполагается печатать и рассылать всем биржевым комитетам для раздачи капиталистам, как это делается в других странах, газета

выражала даже надежду, что «с изменением положения наших консулов, может быть, изменится и ход развития нашей промышленности и торговли».

Лишь отдельные предприятия пытались развернуть операции в Персии. В 1884 г. Коншины, только что возведенные в дворянское достоинство, командировали для ознакомления с персидским рынком своего поверенного С. Косых. Он ознакомился с состоянием торговли в крупнейших центрах и предложил устроить склады в Тегеране и других пунктах. Торговые операции оказались, однако, явно убыточными. С 1884 по 1889 г. Коншины вывезли тканей на 660 тыс. руб., потеряв при этом около 100 тыс. руб. В 1889 г. они предприняли последнюю попытку закрепиться на иранском рынке, организовав выставку русских товаров в Тегеране. Об организации выставки Коншины оповестили различные фирмы. Однако образцы прислали единицы. Естественно, что такие результаты при недостаточном количестве заказов, полученных от местных торговцев, не могли удовлетворить купцов. Вскоре Коншины были вынуждены ликвидировать дела в Персии³⁹.

Тем не менее, хотя и крайне медленно, вывоз хлопчатобумажных тканей из России увеличивался, но вплоть до 1886 г. оставался меньше ввоза. Только в этом году экспорт (4,1 млн. руб.) впервые превысил импорт (3,93 млн. руб.). Лишь к началу нового столетия общая сумма вывоза хлопчатобумажных тканей достигла 10 млн. руб.⁴⁰ Что же касается вывоза сукон на Дальний Восток, он совершенно сходит на нет⁴¹.

Русские фабриканты чем дальше, тем чаще и настойчивее требовали дополнительных поощрений, упорно добиваясь выдачи им премий за вывоз (возвращения ввозных пошлин на хлопок). Еще в 1885—1886 гг. Лодзинское и Московское отделения Общества для содействия русской промышленности и торговле разрабатывали предложения о возврате пошлин⁴². Особую настойчивость капиталисты стали проявлять в связи с повышением пошлин на заграничный хлопок. В принципе не возражая против очередного повышения пошлины (с 40 коп. до 1 р. 15 к. за пуд), 15 крупнейших хлопчатобумажных предприятий (Богородско-Глуховская мануфактура, Тверская мануфактура и др.) в записке от 14 октября 1887 г. доказывали, что «повышение пошлины на хлопок должно отра-

зиться весьма неблагоприятно на сбыте наших хлопчатобумажных изделий в Средней Азии, так как цена их непременно возвысится. . . Для устранения сего необходимо установление возврата пошлин за хлопок при вывозе изготовленных из оного изделий на азиатские рынки»⁴³. Аналогичное утверждение содержали записка Московского отделения Общества для содействия русской промышленности и торговле от 11 мая 1888 г. и заявление фирм, торгующих на Нижегородской ярмарке, одобренное общим собранием уполномоченных⁴⁴.

Предложения царских чиновников о развитии торговли на Балканах по-прежнему не получали положительного отклика. Так, Московское отделение Общества для содействия русской промышленности и торговле 16 января 1886 г. обсуждало письмо генерального консула в Константинополе, в котором выражалось пожелание «о лучшей организации торговых сношений Центрального промышленного района с землями Балканского полуострова». Ответ капиталистов ограничился малообнадешивающим указанием на то, что они займутся розысками коллекции образцов мануфактурных товаров, имеющих сбыт в Турции и на Балканах, направленных в Московское отделение Мануфактурного совета⁴⁵. Заседание комитета московских хлопчатобумажных фабрикантов (Н. Н. Коншин, Д. И. Морозов, Н. И. Прохоров, И. К. Поляков), специально избранного для обсуждения условий расширения торговли в Сербии, 21 октября 1891 г. признало, что «торговля с Сербией русскими хлопчатобумажными произведениями, составляющими главный предмет русской мануфактуры, при существующей ныне в России пошлине на заграничный хлопок в 1 р. 20 к. золотом немыслима, так как эта пошлина для русских фабрикантов увеличивает цену хлопка около 20% против их западноевропейских конкурентов, производящих торговлю с Сербией, и кроме сего русским фабрикантам приходится платить значительные пошлины на машины и химические материалы, почему их товары обходятся значительно дороже западноевропейских фабрикантов». Далее в протокольной записи заседания утверждалось, что конкуренция русских изделий на балканских и других рынках будет возможной лишь при условии возвращения пошлины на хлопок⁴⁶.

Требования промышленников получили частичное удо-

влетворение в феврале 1892 г., когда был установлен возврат пошлины при вывозе хлопчатобумажных тканей. Однако «возврату» подлежала не вся сумма ввозной пошлины на хлопок. Если в 1891 г. пошлина при ввозе хлопка составляла 3 р. 30 к. за пуд, то возврат пошлины для суровых и беленых тканей устанавливался в размере 1 р. 30 к. В дальнейшем при повышении таможенного тарифа на хлопок повышалась соответственно и сумма возврата пошлины⁴⁷.

Этим не ограничивались, однако, меры, осуществления которых торгово-промышленные круги добивались в интересах развития торговли с Персией, являвшейся объектом особого внимания царской дипломатии в конце XIX — начале XX в. Русские капиталисты были обеспокоены энергичным проникновением английского и немецкого капитала в страну. Особенно их тревожили концессии на строительство железных дорог в Персии, представлявшиеся французским, английским и немецким коммерсантам. Нижегородский губернатор Баранов 17 октября 1887 г. писал в секретном рапорте царю: «Близко зная некоторых главных персидских купцов, ведущих торговлю с Россией, и персидского консула Мир-Джафар-хана, я могу с полной уверенностью сказать, что усилия англичан и немцев добиться в Персии концессии на устройство сети железных дорог так в настоящее время велики, что при энергичной поддержке этих ходатайств их правительствами не может быть никакого сомнения в том, что проекты англо-немецких предпринимателей в самом непродолжительном времени увенчаются успехом». В противовес этим проектам, по его мнению угрожающим России не только в стратегическом, но и в экономическом отношениях, он выдвигает проект соединения Волги с Персидским заливом путем постройки трансиранской дороги от Решта. Далее он продолжает: «Смею говорить о вышеизложенном ввиду того, что главные лица от русского купечества, сознавая всю экономическую важность сохранения за русской торговлей рынков Персии, совершенно готовы из среды своей составить группу солидных предпринимателей для постройки персидских, в сущности русских, железных дорог»⁴⁸.

Уже 25 октября 1887 г. председатель Нижегородского ярмарочного комитета П. В. Осипов имел по этому вопросу объяснение с министром финансов и о результатах бе-

седы сообщил «тем представителям торговли и промышленности в Москве, которые изъявляют готовность заняться осуществлением этого предприятия в том случае, если наше правительство признает его целесообразным и окажет осуществлению свое содействие». В записке Осипова министру финансов от 30 ноября определялись условия концессии, на которых московские капиталисты хотели получить ее от персидского правительства (6%-ная гарантия, беспошлинный провоз товаров, установление железнодорожных тарифов без вмешательства правительства, монопольная торговля керосином по всей Персии, монопольное право на строительство железной дороги и пр.). Показательно и то, что строительство дороги московскими капиталистами связывалось не столько с задачами закрепления на иранских рынках, сколько с перспективами развития русской торговли на Дальнем Востоке. Осипов утверждал: «По занимаемому этой дорогой географическому положению через оную открывается полная возможность, обойдя Суэцкий канал, производить торговые сношения с Дальним Востоком не только одним русским, но и другим европейским народам, почему она, очевидно, имеет мировое значение, и для России эта дорога имеет не одно торгово-промышленное значение». В справках, приложенных к этой и другим запискам московских капиталистов, указывалось на важность развития для России прямой торговли с Дальним Востоком. Ежегодный привоз товаров с Дальнего Востока оценивался в 160 млн. руб. Из них прямо поступали товары лишь на 2 млн. руб. (из Персии). Остальные азиатские товары Россия получала из Англии, Голландии и Германии, перекупая их «из вторых, третьих и даже иногда из четвертых рук», ежегодно уплачивая «богатую дань Западной Европе». Поэтому особо выделялись транзитное значение дороги, ее роль в развитии торговли с Индией, Китаем, Японией и побережьем Тихого океана⁴⁹.

В связи с этими планами русские капиталисты с особой тревогой следили за активизацией в Персии Англии (проекты учреждения в стране железнодорожных концессий и английского банка). Нижегородский губернатор писал 30 декабря 1888 г.: «Беспокойное отношение наших крупных коммерсантов к сведениям, идущим из Персии, помимо самого характера этих сведений объясняется

еще и тем, что большинство персидских купцов, постоянно приезжающих на ярмарку, нынешний год были неузнаваемы. Свыкшись с мыслью довольно чувствительной зависимости от России, теперь они, бессознательно радуясь перемене барина, настолько же стали высокомерны и неуступчивы, насколько прежде были униженно заискивающими. Ясно видно, что англичане сумели вселить в них необыкновенно розовые надежды на будущее. Многие персияне заявляли, что очень скоро им незачем будет приезжать на наш главный рынок, потому что будет много выгоднее непосредственно обмениваться товарами с Англией». В рапорте оспаривалась правильность исходного положения вывода Азиатского департамента Министерства иностранных дел, высказавшегося против «идеи постройки в Персии железных дорог». В противовес мнению чиновников, которые считали, что «влияние наше в Персии настолько велико, что можно быть вполне спокойным, что ни англичане, ни немцы не будут допущены к устройству и эксплуатации персидских дорог», губернатор выдвигает активный план противодействия укреплению английского и германского капитала в Персии. Он настаивал на постройке железной дороги от Решта до Персидского залива, что окончательно закрепило бы «за Россией ее преобладание в Персии, вообще в Средней Азии и дало бы нам свободный доступ к южным морям, минуя Константинопольские проливы»⁵⁰. Рапорт губернатора появился в результате ряда обращений к нему ярмарочного купечества.

В 1889 г. представители ярмарочной торговли вновь собрались для обсуждения вопроса о развитии торговли с Персией и снова указывали на необходимость возврата пошлин и на учреждение банков в Тегеране, Тевризе, Мешхеде и требовали содействия правительства в постройке русских железных дорог от Энзели к Тегерану и ветки от Закаспийской железной дороги к Мешхеду. При этом указывалось, что «осуществление двух последних мероприятий необходимо безотлагательно ввиду успехов, достигнутых в том же направлении англичанами в Персии». Далее они настаивали на предъявлении персидскому правительству требования «возможного улучшения если не всех его портов на Каспийском море, то хотя бы одного Энзели»⁵¹.

Все эти пожелания в известной степени учитывались

правительством. В 1889 г. была образована русская компания (учредители Н. А. Хомяков, С. М. Третьяков, П. Л. Корф), которая получила от правительства полномочия ходатайствовать в Персии о концессии на проведение железной дороги от границы до Персидского залива через Тегеран. Однако учредители вскоре после получения полномочий вынуждены были «приостановить свои действия по требованию нашего Министерства иностранных дел»⁵².

Обострение англо-русских противоречий на Ближнем и Среднем Востоке привело к тому, что появляется соглашение России и Персии о запрещении железнодорожного строительства в Персии на 10 лет. В 1900 г. по инициативе России оно было продолжено на такой же срок⁵³. В начале XX в. в одной из справок, хранящихся в фонде И. И. Воронцова-Дашкова, утверждалось: «Что же касается самого разрешения вопроса о постройке персидских железных дорог, то к этому делу дипломатия наша продолжала все эти двадцать лет относиться с прежним страхом и трепетом, старалась и успевала заключать с персидским правительством конвенции впредь на известные сроки о запрещении железных дорог в Персии»⁵⁴.

Введение в 1892 г. замаскированной премии (под видом возврата пошлин на хлопок) на экспорт несколько оживило деятельность капиталистов по сбыту тканей за границей. В 1888—1892 гг. Д. И. и С. Т. Морозовы пытались учредить Общество товарных складов, страхования и транспортирования товаров с выдачей ссуд, имевшее целью экспортировать различные товары из России за границу. Однако общество так и не начало функционировать⁵⁵.

В 1889 г. стало действовать товарищество для торговли и промышленности в Средней Азии и Персии, организованное известным дельцом Л. С. Поляковым. За первые три года операции товарищества в Персии преимущественно за счет мануфактуры достигли 1 600 тыс. руб. В 1895 г. появилось созданное Л. С. Поляковым Общество Энзели-Казвинской дороги, в котором приняли участие многие московские фабриканты⁵⁶. Менее удачной оказалась банковская деятельность Поляковых в Персии. В 1890 г. Я. С. Поляков получил концессию сроком на 75 лет на устройство коммерческого банка под названием Ссудное общество Персии, имевшего право заниматься

ссудными операциями и устраивать аукционы. Поляковы как учредители банка получали 25% прибыли, что мало способствовало развитию его операций. Московские капиталисты, на привлечение средств которых было рассчитано новое предприятие, его игнорировали. Просуществовав 3 года, общество так и не смогло всерьез развернуть свои операции. С. Ю. Витте признавал, что оно и не сможет развить деятельность, так как «московские торговые фирмы, обладающие значительными средствами... уклоняются от собрания капитала, необходимого для учреждения в Персии сильного русского банка». Поэтому, признавая, что «Государственный банк не может открыть в Тегеране свое отделение» по политическим мотивам, Витте предложил проект реорганизации Ссудного общества Персии. Сохраняя внешне характер частного банка, оно должно было превратиться в предприятие государственного типа. В апреле 1894 г. был утвержден соответствующий проект, и Государственный банк стал фактически управлять этим коммерческим учреждением, которое стало теперь называться Ссудным банком Персии⁵⁷.

В результате этих мер в Персию наряду с текстильными изделиями из России в значительных размерах стали ввозиться нефтепродукты и сахар. До 1896 г. туда шла по преимуществу сырая нефть, а с 1896 г., когда стали возвращать пошлины на обработанную нефть, на персидский рынок направляется главным образом керосин⁵⁸.

Менее эффективными были попытки России утвердиться на рынках Турции и Балканского полуострова. Вплоть до конца 80-х годов в торговле с Турцией непосредственное участие принимали лишь некоторые купцы Одессы и Таганрога⁵⁹.

К концу XIX в. среди владельцев мукомольных предприятий нарастает недовольство в связи с отсутствием «равномерного и обеспеченного сбыта муки за границу», что «суживает спрос на зерно и лишает сельского хозяина возможности выгодно и регулярно сбывать продукты своего хозяйства». В начале 1897 г. по их ходатайству в Петербурге был учрежден специальный Совет съезда мукомолов, «призванный установить и поддерживать экспорт нашей муки за границу». Для получения средств этой организации был разрешен специальный сбор с мельниц. Однако за 14 месяцев существования Совета съездов мукомолов дело мало подвинулось. Поэтому в

марте 1898 г. группа владельцев мукомольных предприятий и хлебных торговцев обратилась в Московское общество сельского хозяйства с предложением создать при обществе центральный распорядительный орган для организации вывоза хлеба⁶⁰. Подобные настроения в кругах русской буржуазии, заинтересованной в экспортной торговле хлебом, все более крепили. Попытки объединения капиталистов, занимавшихся экспортом продуктов сельского хозяйства, продолжались. Вопросы организации экспорта были в центре внимания совещания представителей биржевых комитетов в 1903 г., а в апреле 1904 г. съезд представителей портовых биржевых комитетов в Петербурге «постановил образовать при С.-Петербургском биржевом комитете, не ожидая утверждения в установленном порядке разрабатываемого в Министерстве финансов законопроекта о съездах биржевых деятелей и их органах, особое временное бюро, на которое возложить работы по общим вопросам русской экспортной торговли и по защите ее интересов перед иностранными покупателями русских экспортных товаров и их союзами биржевыми и торговыми»⁶¹.

Кризисные явления в промышленности в начале XX в. явились как бы дополнительным стимулом к развитию вывоза из России товаров текстильной промышленности. К этому времени в хлопчатобумажном производстве возникли и приобрели определенную стабильность монополистические соглашения по сбыту продукции на вольном рынке. Руководителем этих соглашений очень часто являлось товарищество Э. Циндель, деятельность которого не ограничивалась рамками внутреннего рынка. Оно выступало также инициатором объединения русских текстильных фабрикантов в деле экспорта тканей. В 1900 г., когда происходили первые совещания московских мануфактуристов, на которых обсуждалось состояние внутреннего рынка, по инициативе товарищества Э. Циндель группа русских фабрикантов отправила в Северную Персию несколько экспедиций для изучения состояния местного рынка. Побудительные причины, заставившие фабрикантов совершить этот шаг, зафиксированы в протоколе заседания правления товарищества от 26 января 1901 г. «Ввиду все более ощущаемого в последнее время перепроизводства хлопчатобумажных изделий, — отмечалось в протоколе, — русским фабрикантам приходится

отыскивать рынки для сбыта своих произведений. Одним из таких рынков является Персия». Результаты этих экспедиций были вполне благоприятными. После их возвращения товарищество Э. Циндель совместно с товариществами Ясюненских, В. Морозова, а также Знаменской мануфактуры А. Е. Полякова и товариществом Новой Костромской мануфактуры открыло весной 1901 г. в Тегеране склад для оптовой торговли тканями. В течение первого года торговля при поддержке Учетно-ссудного банка Персии развивалась весьма успешно. Однако в 1902 г. банк открыл собственную торговлю мануфактурными товарами с предоставлением широкого кредита покупателям и занял по отношению к московским фирмам резко враждебную позицию. Московские фабриканты не выдержали такой конкуренции и в 1904 г. ликвидировали свое дело в Персии⁶².

Новые тенденции в деле организации экспорта и борьбы за внешние рынки особенно стали проявляться накануне первой русской революции, когда в России, в частности в хлопчатобумажном производстве, начинается интенсивный процесс монополизации промышленности и монополии становятся одной из основ хозяйственной жизни.

Неудачи в деле организации экспорта не обескураживали московских капиталистов. Они не оставляют планов объединения своих усилий с целью завоевания внешних рынков. В 1902—1903 гг. товарищество Э. Циндель организовало экспедицию для изучения рынков Балканского полуострова. Итоги этой экспедиции получили освещение в изданной товариществом брошюре «Экспорт ситца» (1904 г.), содержащей подробные сведения о рынках балканских стран. В 1906 г. товариществами Э. Циндель, П. М. Рябушинского и другими была организована новая экспедиция в Сербию, Болгарию, Турцию. 25 июня 1907 г. товариществом Э. Циндель, С. Морозова, братьев Носовых, торговым домом Михайлова был открыт оптово-розничный склад в Софии⁶³.

Все эти шаги можно рассматривать как подготовительную работу по созданию экспортного объединения российских текстильных фабрикантов. Условия для его создания к 1904 г. достаточно созрели. Во-первых, необходимость консолидации усилий сознавалась крупными фирмами, столкнувшимися с вопросами экспорта. Они

убедились, что пробиться на утраченные в течение XIX в. рынки в одиночку невозможно. Во-вторых, в 1904 г. под давлением настойчивых требований капиталистов правительство пошло на значительное увеличение возврата пошлин при вывозе тканей. «Возврат» становится неприкрытой премией за вывоз. Таможенный тариф при ввозе хлопка составлял 5 р. 25 к. за пуд, а возврат пошлины за пуд суровых и беленых тканей достиг 5 р. 45 к. Фабрики получили дополнительный стимул для вывоза. В-третьих, кризис 1900—1903 гг., сильно отразившийся на текстильной промышленности, заставлял обращаться к экспорту как к регулятору сбыта на внутреннем рынке. Вывоз хлопчатобумажных тканей заметно увеличился в результате отчаянных усилий фабрикантов, задыхавшихся на внутреннем рынке. Если в 1900 г. вывоз составлял 11,7 млн. руб., то в 1901 г. он достиг 17,1 млн. руб., а в 1903 г. — 20,8 млн. руб.⁶⁴

Таким образом, заинтересованность крупной торгово-промышленной буржуазии в овладении внешними рынками все более усиливалась к концу XIX в. Однако вплоть до начала XX в. их реальная деятельность по развитию самостоятельных торговых связей на Балканах, в Турции, Персии и Китае имела крайне ограниченный характер и в значительной степени являлась следствием нажима со стороны правительства, нуждавшегося в экономическом закреплении тех или иных результатов, достигнутых военным или дипломатическим путем. Активность царской дипломатии на Ближнем и Среднем Востоке, вызываемая экспансией Англии и Германии, была одним из факторов обострения внешнеполитических отношений. Меры, намечаемые капиталистами по овладению внешними рынками в этих районах, также объективно влияли на усиление империалистических противоречий.

Общие интересы по овладению внешними рынками, несмотря на различие конкретных целей, в известной степени сплачивали и объединяли капиталистов, хотя и здесь наблюдались иногда столкновения соперников. Порядку же других важных и весьма злободневных вопросов экономической жизни противоречия имели еще более острый и затяжной характер.

В результате настойчивых ходатайств и усилий предприниматели получали определенные привилегии и льготы. Но серьезные разногласия, конкурентная борьба за

лучшее «место под солнцем» ослабляли эффективность воздействия торгово-промышленных кругов на правительство. Царская бюрократия всегда имела возможность выбора между различными точками зрения и мнениями, могла лавировать между ними и принимать решения, соответствующие «видам» сфер. Особенно ярко это проявилось в связи со строительством и эксплуатацией железных дорог. В своем месте уже говорилось о той вакханалии организованного казнокрадства, которая царила в деле железнодорожного строительства. Так, представители промышленного Центра, потерпев неудачу с покупкой Николаевской дороги, вскоре получили «компенсацию» в виде Московско-Курской дороги. Показательно, что своих целей капиталисты Москвы пытались добиться под «национальным» флагом. Они противопоставляли свое дело, объединившее 92 «русских людей», французскому главному обществу железных дорог⁶⁵. При этом речи не было о какой-то принципиальной борьбе с иностранным капиталом, привлечение которого в страну считалось бы недопустимым.

Газета «Москва», орган московских капиталистов, по этому поводу 2 июля 1867 г. высказывалась совершенно недвусмысленно. Русские капиталисты были недовольны лишь теми тайными, закулисными комбинациями, в результате которых иностранные капиталисты имели предпочтения перед ними и получали различные преимущества и льготы, и выступали они не против упразднения таких привилегий и льгот, а добивались получения их для себя и своих предприятий. В 70-е годы любая железнодорожная концессия являлась объектом ожесточеннейшей закулисной борьбы конкурентов, так как ее получение обеспечивало миллионные доходы в самые короткие сроки.

Серьезные разногласия возникли и при определении направлений важнейших железных дорог. В конце 60-х — начале 70-х годов, например, бурные споры шли о направлении Сибирской железной дороги. Председатель Нижегородского ярмарочного комитета А. П. Шипов, владевший землями в северной части Костромской губернии, являвшийся совладельцем завода в Костроме и пароходства на Волге, был заинтересован в северном направлении: Ярославль — Кострома — Вятка — Пермь. Он препятствовал выражению мнения купцов, отстаивавших

южное направление — от Нижнего на Тюмень⁶⁶. Разногласия по этому вопросу имелись и в комитете Общества для содействия русской промышленности и торговле, большая часть членов которого высказалась за южное (через Казань) направление. Шиповы и их сторонники оказались в меньшинстве. Комментируя это соотношение сил, газета «Биржевые ведомости» писала 5 апреля 1875 г.: «Если большинство беспристрастных голосов стояло до сих пор за южное направление, то это было только потому, что южное направление проходит по местности более населенной, захватывает более значительные торговые и промышленные пункты».

В 80-е годы, когда окончательно определялось направление Транссибирской железнодорожной магистрали, нижегородское ярмарочное купечество высказалось (большинством голосов) за линию Нижний-Новгород — Казань — Екатеринбург, а не Самара — Уфа — Челябинск⁶⁷. Однако правительственные круги одобрили южное направление, более отвечающее интересам помещиков и крепнувшей буржуазии окраин⁶⁸.

К концу 70-х годов железнодорожная сеть России была разобщена между 52 акционерными обществами, не имевшими общей администрации, что порождало разноречивой в тарифах и пр. Это не могло не отражаться на перевозках грузов, а значит, и на развитии промышленности и торговли. Поэтому в 1876 г. была учреждена комиссия для исследования железнодорожного дела в России, действовавшая до 1884 г. В работе ее принимали участие и представители торгово-промышленной буржуазии. Итогом работ комиссии стал Общий устав российских железных дорог. Установленные им нормы эксплуатации железных дорог объективно соответствовали пожеланиям всей торгово-промышленной буржуазии⁶⁹. Показательно, что интересы торгово-промышленных кругов по этому вопросу выражали не только газеты типа «Московских ведомостей», но и более либеральные издания. Так, в заметках А. И. Чупрова (активного сотрудника «Русских ведомостей») за октябрь 1883 г. содержится следующая запись: «С 12 часов отправился к М. Н. Анненкову. Интересный разговор о вероятной судьбе железнодорожного закона. Вероятно, будут ходатайства со стороны купцов, которые нужно поддержать газетой»⁷⁰.

Большое значение для развития торговли и промыш-

ленности имели благожелательные и льготные тарифы при перевозке тех или иных товаров. Поэтому предпринимательские организации прилагали максимум усилий, чтобы обеспечить наиболее выгодные условия перевозок сырья и продукции заводов и фабрик. Горнопромышленники Юга России еще на IX съезде в 1884 г. приняли постановление о необходимости введения дифференцированного тарифа для каменного угля с понижением ставок при провозе на отдаленные рынки⁷¹. Текстильные фабриканты Центра России в Московском отделении Общества для содействия русской промышленности и торговле в 1885—1886 гг. неоднократно обсуждали причины, тормозящие развитие торговли в Средней Азии, и указывали как на главнейшую из них на неудовлетворительное состояние путей сообщения. В частности, особое недовольство вызывала тарифная политика Московско-Сызранской железной дороги⁷². Купечество, торгующее на Нижегородской ярмарке, также добивалось установления благожелательных тарифов и осуществления недавно состоявшегося решения по этому вопросу (очевидно, имелось в виду введение Общего устава)⁷³. Подобные выступления по вопросам тарифной политики заставили царское правительство централизовать в своих руках тарифное дело, сосредоточив его в специальных учреждениях Министерства финансов (Совет по тарифным делам, Тарифный комитет и Департамент железнодорожных дел). В этих органах сосредоточивалось теперь все «руководство действиями железных дорог по установлению тарифов с целью ограждения населения, промышленности, торговли и казны». В первую очередь были приняты меры к удешевлению перевозок хлебных грузов с целью форсирования (в интересах помещиков) вывоза хлеба за границу. Новые понижения тарифов на перевозку хлебных грузов были осуществлены в начале последнего десятилетия XIX в. В результате стоимость перевозки их (при продаже за границу) стала даже меньше действительных транспортных издержек. Подобная политика обуславливала хроническую бездоходность российской железнодорожной сети, а иногда и дефицит при эксплуатации дорог. Это вынужден был признать даже министр финансов Витте⁷⁴. Само собой разумеется, ни владельцы акций, ни держатели облигаций железных дорог от этого не страдали. Они были обеспечены правительственными

ми гарантиями и получали свои барыши за счет казны. Поддержка помещичьего землевладения государством осуществлялась за счет средств, выжимаемых разветвленным фискальным аппаратом из нищающего крестьянского населения, за счет повышения косвенных налогов, обрушивавшихся на трудящихся.

Торгово-промышленная буржуазия стремилась получить такие же преимущества при перевозке сырья и продукции промышленности. Московский биржевой комитет представил расчеты, в которых обоснованно утверждалось, что провоз хлопка из Средней Азии по Волге в Центральный район (по нормам действующих железнодорожных тарифов) обходится значительно дороже, чем перевозка американского хлопка через Ревель. В результате настоячивых ходатайств текстильных фабрикантов с середины 90-х годов для перевозки хлопка из Средней Азии был установлен благожелательный железнодорожный тариф⁷⁵. В соответствии с интересами монополистов нефтяной промышленности Баку, объединившихся в Союз бакинских керосинозаводчиков в 1894—1896 гг., резко понижаются тарифы на экспортный керосин. Нефтепромышленники резко увеличивают вывоз керосина на международные рынки и повышают цены на внутреннем рынке⁷⁶. Киевское биржевое общество в свою очередь признало в 1889 г. несправедливыми железнодорожные тарифы на сахар, составлявшие 15—20% к цене, в то время как для мануфактуры они составляли лишь 3%. В течение ряда лет Киевский биржевой комитет добивался изменения тарифа, упорно повторяя свои ходатайства (в 1889, 1891, 1892 гг.). В результате 7 сентября 1892 г. были опубликованы новые, более благоприятные тарифы при перевозке сахара⁷⁷.

В конечном итоге все подобные дополнительные льготы, повышавшие доходы промышленников и торговцев, осуществлялись за счет трудового населения России. Поощрительные меры царизма по отношению к промышленности и торговле тяжелым бременем ложились на плечи народа. Показательно, что любые узкогрупповые интересы капиталисты стремились выдавать за общенародные. Так, свою конкурентную борьбу с фабрикантами Лодзи московские текстильные фабриканты представляли как борьбу за сохранение национальной промышленности⁷⁸. Ярмарочное купечество, добиваясь ограниче-

ния акционерного учредительства на территории Польши и введения специального налога на иностранцев, хотело «уравнять» их с русскими промышленниками, несущими значительно большие повинности. К концу XIX в. подобные доводы получали известное звучание. Связано это было, видимо, с тем, что усиливающиеся трения между Россией и Германией воздействовали на различные стороны политики и по отношению к промышленности. Если ранее, в период возникновения лодзинской промышленности в 60-е годы, немецкие капиталы всячески поощрялись и привлекались в противовес польскому влиянию, то теперь серьезные опасения возникали в связи с «немецким» характером лодзинской промышленности (немецкие капиталы, финансовые связи с германскими банками и пр.)⁷⁹. Такая «переориентировка» не могла не способствовать «победе» московских текстильных фабрикантов.

В 80 — 90-е годы московские капиталисты и периодическая печать, выражавшая их взгляды, постоянно пускали в ход лозунг «национальных» интересов. Так, 19 июля 1879 г. «Московские ведомости» коренную причину неустойчивости финансов России усматривали в «финансовой и экономической зависимости от иностранцев». Газета охотно публиковала записки предпринимательских организаций московской буржуазии, где интересы нации отождествлялись с интересами капиталистов⁸⁰. Газета «Москва» 13 января 1883 г., защищая русских купцов, указывала ряд непреодолимых для них трудностей (плохую организацию кредита, неустройство путей сообщения, многочисленные несовершенства юридических и административных порядков и пр.). Далее с осуждением заявлялось: «Стоит какому-нибудь иностранцу задумать какое-нибудь предприятие в России, о нем тотчас же начнут кричать в газетах на всех перекрестках, выставят предпринимателя благодетелем страны и станут в силу этого требовать для него разных льгот, привилегий и субсидий. О русских же предпринимателях больше молчат».

Однако даже «национальные» интересы не обеспечивали крупной отечественной буржуазии желаемого результата. С середины 80-х годов приток в промышленность иностранных капиталов, которые рассматривались в качестве единственного средства стимулирования развития машиностроения и горнозаводского дела, усиливается. Бурный приток иностранного капитала, овладе-

вавшего ключевыми отраслями промышленности, вызывал открытое недовольство русской буржуазии, опасавшейся ослабления своих позиций в экономике и общественно-политической жизни. Бывший поверенный московских фабрикантов Шарапов в докладе «Иностранный капитал и наша финансовая политика», сделанном 10 марта 1899 г. в Обществе для содействия русской промышленности и торговле, заявлял: «Вопрос об иностранных капиталах стал за последнее время не только модным у нас вопросом, но и крайне серьезным. На наших глазах важнейшие естественные богатства России одно за другим переходят в руки иностранных компаний»⁸¹. Однако подобные протесты оставались без внимания. Правительство по-прежнему стремилось к привлечению в страну иностранных капиталов. Национальная буржуазия вынуждена была приспособляться и «сожительство-вать» с иностранными капиталистами и их поверенными. Эксплуатация трудящихся усиливалась. Крепнущая буржуазия Юга с присущей ей пестротой национального состава все более заставляла правительственные верхи считаться со своими интересами. Попытки такого воздействия были тем более успешными, что в процветании предприятий горной промышленности были непосредственно заинтересованы помещики — владельцы земли и влиятельные персоны из придворных кругов и высшей бюрократии. Поэтому представители национальной буржуазии в конце XIX в. были больше уже обеспокоены не тем, чтобы не допускать иностранный капитал в страну, а тем, чтобы сохранить свой приоритет и лидирующее положение при решении важнейших вопросов, затрагивающих интересы всех капиталистов. В мае 1897 г., например, группа промышленников великорусских губерний представила записку, в которой выражалось недовольство тем, что почин пересмотра законодательства по рабочему вопросу исходил из окраинного города Лодзи. В связи с этим заявлялось: «От начала Руси по дни наши никогда Москва как представительница коренной России не шла за окраинами, а окраины, напротив того, в силу причин естественных приспособлялись к порядкам московским»⁸². Если мнение московских капиталистов было учтено при подготовке нового закона 1897 г., то в значительной мере потому, что их интересы в принципе не расходились с интересами капиталистов других районов. Что

же касается претензии возглавлять всю российскую буржуазию, то московским (великорусским купцам) пришлось теперь за сохранение своего лидирующего положения вести многолетнюю борьбу с представителями других групп. В известной степени старые, утраченные к концу XIX в. позиции им удалось на новой основе восстановить лишь в годы первой мировой войны.

Правительство, несмотря на настойчивые ходатайства крупной торгово-промышленной буржуазии, упорно уклонялось от учреждения самостоятельного ведомства по делам промышленности и торговли. Еще в начале 1861 г. в журнале «Вестник промышленности» утверждалось, что «из хода самой жизни вытекает необходимость иметь отдельного министра торговли и промышленности»⁸³. На Нижегородской ярмарке 1864 г. купечество поддержало пожелание казанского купца майора Шихова об учреждении особого Министерства торговли и земледелия. Однако эти купеческие пожелания не встретили благосклонного отношения представителей царской администрации. Временный нижегородский генерал-губернатор Н. А. Огарев, по существу одобряя предложение, принял, однако, по его собственным словам, решительные меры, чтобы впредь такие заявления купечества не повторялись⁸⁴.

Необходимость в подобных преобразованиях признавалась в 60-х годах и в правительственных верхах. Князь Горчаков А. М. представил в октябре 1864 г. Александру II записку, составленную бароном Мейендорфом. Она содержала проект учреждения Министерства земледелия, промышленности, внутренней торговли. Проект был разработан с умеренно-либеральных позиций и предполагал осуществить децентрализованное управление земледелием (сельской промышленностью), промышленностью и торговлей. Вся тяжесть административной работы перемещалась «на местные организации, образуемые на избирательно-представительном начале из лиц, непосредственно заинтересованных в этой отрасли народной деятельности». Первую инстанцию должны были составить земледельческие съезды, избирающие членов во вторую инстанцию — земледельческие и мануфактурные советы. Советы, не имевшие права сношений с центральной администрацией, избирали членов в третью инстанцию — окружные комитеты, непосредственно связанные с цен-

тральными правительственными учреждениями. На первых порах предполагалось учредить 30 советов в 16 земледельческих и 14 неземледельческих губерниях⁸⁵. Проект остался на бумаге. Время реформ миновало. В верхах к середине 60-х годов все явственнее обнаруживалась тенденция к отказу от дальнейших буржуазных преобразований. Поэтому идея децентрализации управления с привлечением к этому делу представителей промышленности, торговли, сельского хозяйства не могла получить одобрения. В правительственных кругах в начале 70-х годов обсуждались проекты создания самостоятельного Министерства торговли и промышленности⁸⁶. Однако реорганизация существующего Министерства государственных имуществ так и не осуществилась. Министр финансов Рейтерн всячески противодействовал переходу промышленности и торговли в другое ведомство, объясняя свою позицию тем, что при объединенном управлении финансами, промышленностью и торговлей легче было вводить не только прямые налоги, но и косвенные (акцизный сбор и пр.). Новый министр финансов Грейг все же склонялся к созданию самостоятельного министерства. По его инициативе были даже подготовлены проект и программа его деятельности. Однако его преемник Абаза отказался от этой реорганизации⁸⁷.

Реальный результат бюрократического прожектёрства все же оказался несколько неожиданным. С 1 января 1874 г. Горный департамент был передан в Министерство государственных имуществ. Более чем на 30 лет управление промышленностью было расчленено между двумя ведомствами. Логику и смысл такого решения можно понять лишь в том случае, если мы признаем, что правящие верхи смотрели не вперед, а назад. Они брали под особую опеку только тех горнозаводчиков, промышленные предприятия которых были органически связаны с огромными земельными владениями, с сельским хозяйством. Даже первые законы о фабрично-заводском труде здесь вводили значительно позже по сравнению с предприятиями фабрично-заводской промышленности (оставшейся в Министерстве финансов).

Недовольство торгово-промышленных кругов патронированием Министерства финансов звучало в первую очередь там, где не было сколько-нибудь значительных казенных заказов и кредитов. Прорывалось оно в момен-

ты очередных посягательств на материальные интересы купечества. В частности, вспышка такого недовольства произошла в период подготовки закона о дополнительном 3-процентном сборе с крупных торгово-промышленных предприятий. Вопрос об учреждении отдельного Министерства торговли и промышленности был уже поставлен на съезде в Москве в 1882 г. На общем собрании съезда предложение об этом было сделано Д. И. Менделеевым и встретило горячее одобрение капиталистов. Его поддержали В. К. Крестовников и Т. С. Морозов. Последний особенно ратовал за учреждение «прямого защитника интересов торговли и промышленности в лице особого министерства»⁸⁸. В 1883 г. крупнейшие торгово-промышленные предприятия Центра представили за 31 подписью в Нижегородский ярмарочный комитет записку о современных нуждах торговли и промышленности, весь пафос которой сводился к возражениям против нового проектируемого закона. Капиталисты, «принимая во внимание, что главную задачу Министерства финансов составляет увеличение доходов казны, могущее во многих случаях быть не вполне согласным с интересами промышленности», признавали необходимым ходатайствовать перед правительством «о предоставлении торговой, фабричной и заводской промышленности отдельного от Министерства финансов представительства»⁸⁹. Вскоре, как только стало понятно, что новый налог не посягает на сверхприбыли крупной буржуазии, возбуждение это улеглось. Однако идея создания Министерства торговли и промышленности, рассматриваемого в качестве важного фактора развития экономики, не умирает. Так, Т. С. Морозов на первом собрании Московского отделения Общества для содействия русской промышленности и торговле 30 марта 1885 г., имея в виду неудачи ходатайств о создании такого министерства, заявлял: «Среди органов государственного управления нет ни одного, который защиту русского народного труда считал бы главным, а не второстепенным своим делом»⁹⁰. Ярмарочное купечество в 1886—1887 гг. также обнаруживало поползновение ходатайствовать об учреждении Министерства торговли. Однако посещение в 1887 г. ярмарки министром финансов И. А. Вышнеградским «положило конец пропаганде об учреждении отдельного Министерства торговли»⁹¹.

Несмотря на все «неудобства» существовавшего положения с управлением промышленностью и торговлей, оно продержалось вплоть до первой русской революции. Только в 1905 г. правительство сочло возможным удовлетворить давние домогательства купечества и учредило Министерство торговли и промышленности.

По многим конкретным вопросам, волновавшим крупную буржуазию и касавшимся важных сторон экономической политики, ее многолетние ходатайства не имели никакого успеха. Выше уже отмечалось, что безрезультатными оставались требования ликвидировать право собственности на недра, облегчить акционерное учредительство, снять ограничения в банковском деле и пр. Сопоставление этих безуспешных домогательств с теми многочисленными фактами удовлетворения конкретных требований всей торгово-промышленной буржуазии или ее отдельных групп дает основание для вывода о том, что экономические интересы капиталистов максимально учитывались в тех случаях, когда они не ущемляли интересов дворянско-помещичьего землевладения и не расходились с «видами» высшего сословия. Царское правительство удовлетворяло запросы предпринимателей, обеспечивая условия для получения высоких прибылей за счет ограбления трудящихся, подвергавшихся чудовищному угнетению и эксплуатации. Оно не скупилось на привилегии, льготы, преимущества и прочее при одном общем условии — если предприниматели не посягали на интересы дворянства. Более того, правительство вынуждено было тем щедрее идти на различные подачки, чем настоятельнее становилась необходимость отмены стеснительных для развития торговли и промышленности норм. Представители торгово-промышленной буржуазии вплоть до революции 1905—1907 гг. не проявляли сколько-нибудь серьезной настойчивости в борьбе за удовлетворение своих ходатайств, «мирились» с неудобствами ограничения их предпринимательской деятельности. В значительной степени это можно объяснить их заинтересованностью в поблajках, получаемых от самодержавия, особенно значительных в отраслях производства, выполнявших казенные заказы (металлургия, машиностроение и пр.). Царизм обеспечивал предпринимателям получение сверхприбылей за счет чудовищной эксплуатации трудящихся масс, обусловленной системой полного политического бес-

правия. Революционная борьба рабочего класса подавлялась самодержавием жесткими репрессивными мерами, здесь оно решительно оберегало и защищало интересы крупного капитала.

Развитие революционного движения в конце XIX — начале XX в. стало разрушать это равновесие, побуждая торгово-промышленные круги к более твердому отстаиванию своих коренных интересов. Первая русская буржуазно-демократическая революция, показавшая бессилие правительства сохранить спокойствие в стране и обеспечить нормальный ход экономической жизни, вызвала серьезное недовольство предпринимателей и побудила их определеннее сформулировать свою политическую и экономическую программу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В царской России начало процесса формирования крупной буржуазии как класса капиталистического общества следует отнести еще к дореформенному периоду. Предприниматели, занимавшие достаточно определенное положение в системе общественных отношений, сосредоточивают в своих руках средства производства и распределение продуктов, наживаются за счет эксплуатации наемных рабочих, которые в большинстве своем оставались крепостными крестьянами. Оформление же буржуазии в класс интенсивно протекало в пореформенные годы. Количественный рост ее и усиление экономического могущества являлись составной частью процесса бурного развития в стране капитализма вширь и вглубь. Однако на формирование класса капиталистов воздействовали также и другие факторы, определявшие его особенности. Сохранение сословных границ внутри русского общества препятствовало консолидации капиталистов, в известной степени разобщало промышленников-купцов и предпринимателей дворян, казаков, мещан и крестьян. Политическое самоопределение крупной буржуазии как класса задерживалось также вследствие «попечительной» политики царизма, развращавшего верхушку купечества не только экономической, материальной поддержкой и «вспомоществованием», но и новыми правовыми привилегиями («одворянивание», награждение орденами, званиями и пр.). Тем не менее определенное положение в системе производственных отношений, бурное развитие классовых противоречий в стране все отчетливее выявляют общие интересы капиталистов. Особенно быстро и тесно сплачиваются они против пролетариата, все решительнее выступающего в борьбе за свои права. Предприниматели противодействуют даже правительственным проектам законов о фабрично-заводском труде в 80—90-е годы, которые появляются в результате усиливающейся стачечной борьбы рабочих. Но это были расхождения и спо-

ры по частным и второстепенным вопросам, по преимуществу о целесообразности тех или иных ограничительных мер, намечаемых правительством.

Крупную буржуазию объединяют общность взглядов на рабочий класс, не выходящих из рамок общепринятой официальной доктрины, и единство действий в борьбе с пролетарскими стачками, выражавшихся в предпочтении мер репрессивно-карательных. Московские фабриканты, горнопромышленники Донбасса, заводчики Петербурга, предприниматели Риги не жалели средств для военно-полицейской охраны своих предприятий, добиваясь разрешения на учреждение сверхштатных должностных полицейских чинов.

К началу 80-х годов обнаруживается единодушие и по вопросам о заградительном таможенном барьере. Если исключить небольшие сравнительно слои купечества, связанные теснее с иностранным капиталом и непосредственно специализирующихся на обслуживании импорта и экспорта (одесских, владивостокских и некоторых других коммерсантов), то основная масса крупной отечественной буржуазии твердо закрепляется на протекционистских позициях. Аналогичная картина наблюдалась и по другим принципиальным вопросам экономической политики (железнодорожное строительство и железнодорожные тарифы, вывоз товаров за границу, право собственности на недра и пр.).

Все это дает основание признать, что в середине 80-х годов российская буржуазия была уже «классом в себе», то есть выступала как класс по отношению к другим классам общества, занимающим твердо определенное место в системе общественного производства и распределения. Однако потребовалось не менее двух десятилетий, чтобы она стала оформляться в класс, осознавший свои особые политические задачи, превращавшийся в единую и самостоятельную политическую силу.

Отдельные факты выступлений крупной буржуазии и ее представителей на общественной арене в пореформенные годы убедительно подтверждают такую оценку. В умеренно-либеральных выступлениях, организуемых представителями дворянско-помещичьих кругов, ей принадлежала незначительная роль. Преобладающая часть купечества оставалась на самых верноподданнических, сугубо консервативных и контрреволюционных позициях.

Активизация народнических организаций, смерть Александра II еще прочнее закрепили основную массу крупной торгово-промышленной буржуазии в правительственном лагере. Даже умеренно-либеральные взгляды земской оппозиции были для нее слишком левыми. Оказывала свое воздействие и «патриархальная» политика Александра III, которая максимально учитывала экономические интересы и запросы капиталистов. Купечество, получая щедрые награды, чины и звания, было довольно правлением своего любимого монарха и деятельностью его министров, в особенности И. А. Вышнеградского и С. Ю. Витте. Именно этим следует объяснить, что даже по сравнению с дворянством в 80—90-е годы купечество было «более довольным» и «менее оппозиционным»¹.

Последнее не означало, однако, что в среде торгово-промышленной буржуазии не наблюдалось никаких сдвигов. В качестве известных шагов в направлении осознания крупной буржуазией классовых целей можно рассматривать торгово-промышленный съезд в Нижнем Новгороде и те впервые высказанные претензии на руководящую роль купечества в обществе, которые прозвучали в преддверии съезда. Однако без самостоятельной политической классовой организации, оформлению которой прямо и косвенно всячески препятствовало правительство, превращение буржуазии в «класс для себя» было невозможно.

Нарастание рабочего движения в конце XIX — начале XX в. и некоторые направления в политике царизма по рабочему вопросу («зубатовщина») способствовали политическому прозрению российских капиталистов. В. И. Ленин отмечал, что «более широко понятые интересы *всей* буржуазии, всего развития капитализма вообще необходимо порождают либеральную оппозицию самодержавию»². Пока царизм гарантировал буржуазии возможность беспрепятственной и беспощадной эксплуатации рабочих и охрану их от воздействия идей марксизма, капиталисты «мирились» с теми препятствиями развитию производительных сил, которые существовали в России под сенью самодержавной власти. Как только стали появляться признаки неосновательности таких расчетов, политическое самоопределение и организация буржуазии как класса пошли несоизмеримо быстрее, чем раньше.

Особенно этот процесс ускорился в годы первой русской революции, когда крупная торгово-промышленная буржуазия стала выдвигать свои политические требования, создавать свои классовые организации и политические партийные формирования. В истории российской буржуазии начинается новый этап. «Буржуазия впервые, — писал В. И. Ленин, — начала в нашей революции складываться в класс, в единую и сознательную политическую силу»³. Именно в годы первой русской революции крупная буржуазия превращается из «класса в себе» в «класс для себя». Однако дальнейшая консолидация политических сил класса капиталистов происходила сложными путями. Вплоть до Февральской революции выразителями ее настроений, взглядов и интересов оставались несколько конкурирующих и недостаточно мощных партий.

В период революции 1905—1907 гг. буржуазия заметно созрела в политическом отношении и укрепилась организационно, но она слишком поздно проявила себя как политически активная сила, а интересы капиталистов расходились с интересами широких слоев населения, требовавших последовательного осуществления демократических преобразований в стране. В буржуазно-демократической революции крупная буржуазия по существу выступала против народа. Она не могла стать гегемоном движения потому, что в стране уже существовала более мощная и организованная сила — революционный пролетариат, руководимый ленинской большевистской партией. Эта сила повела за собой народные массы на штурм самодержавной монархии, а затем в союзе с беднейшим крестьянством уничтожила капиталистический строй в России.

ВВЕДЕНИЕ

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 411. ² В. И. Ленин. ПСС, т. 20, стр. 329. ³ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 220. ⁴ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 394. ⁵ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 397—398. ⁶ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 125. ⁷ А. Корнилов. Курс истории России XIX века, ч. II. СПб., 1912; ч. III. СПб., 1914; Б. Б. Глинский. Борьба за конституцию. 1612—1861 гг. Исторический очерк. СПб., 1908. ⁸ М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. СПб., 1898. ⁹ И. Х. Озеров. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы (по неизданным материалам). М., 1906; Ив. Чистяков. Страхование рабочих в России. Опыт истории страхования рабочих в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения. М., 1912. ¹⁰ М. Н. Соболев. Таможенная политика России во второй половине XIX в. Томск, 1911.

¹¹ Л. Нисселович. Торгово-промышленные учреждения в России. СПб., 1887. ¹² «История С.-Петербургской биржи. 1703—1903». СПб., 1903; «Московская биржа. 1839—1889». М., 1889; «История Московского купеческого общества». Под ред. В. Н. Сторожева, т. II, вып. 1. М., 1916. ¹³ «Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России». Составил П. И. Фомин. Харьков, 1908. ¹⁴ «Русская история с древнейших времен М. Н. Покровского при участии Н. М. Никольского», кн. IV, изд. III. М., 1920. ¹⁵ М. Н. Покровский. Избранные произведения в 4-х книгах, кн. II. М., 1965, стр. 323, 369, 429, 482—485. ¹⁶ М. Н. Покровский. Очерки русского революционного движения XIX—XX вв. Лекции, читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП(б) зимою 1923—1924 гг. М., 1924. ¹⁷ П. А. Берлин. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922. ¹⁸ «Очерки по социальной и экономической истории XVI—XIX вв.». Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1928. ¹⁹ М. Балабанов. Борьба фабрикантов против охраны труда. Пересмотр закона 3 июня 1886 г. — «Труд в России», кн. 11-12, 1924; *его же*. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. 2. М., 1925; ч. 3. М., 1926. ²⁰ «История Москвы», т. III, IV. М., 1954; «Очерки истории Ленинграда», т. II, III. М.—Л., 1956, 1957.

²¹ Н. М. Дружинин. Москва в годы Крымской войны. — «Вестник Академии наук», 1949, № 6; *его же*. Москва накануне реформы 1861 г. — «Вестник Московского университета», 1949, № 9. ²² П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II. М., 1948. ²³ М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.—Л., 1949. ²⁴ Н. А. Цаголов. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М., 1956;

Н. К. Каратаев. Русская экономическая мысль в период кризиса феодального хозяйства (40—60-е годы XIX века). М., 1957.²⁵ *Ш. М. Левин.* Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958, стр. 59.²⁶ *М. К. Рожкова.* Экономические связи России со Средней Азией в 40—60-е годы XIX века. М., 1963.²⁷ *С. А. Никитин.* Славянские комитеты в России. М., 1960.²⁸ *А. С. Нифонтов.* Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. — «Исторические записки», т. 54, 1955.²⁹ *К. С. Куйбышева.* Крупная московская буржуазия в период революционной ситуации в 1859—1861 гг. — «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1965.³⁰ «Проблемы социально-экономической истории России». Сб. статей к 85-летию академика Н. М. Дружинина. М., 1971.

³¹ *Г. Ф. Семенюк.* Московская текстильная буржуазия и вопрос о промысловом налоге в 90-х годах XIX века. — «Ученые записки Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской», т. СХХVII, 1963; *его же.* Борьба московской «текстильной» буржуазии за рынки сбыта и экономическая политика царизма в конце XIX в. — «Некоторые вопросы истории Москвы и Московской губернии в XIX—XX вв.». Сборник. М., 1964.³² *М. Л. Гавлин.* Роль центра и окраин Российской империи в формировании крупной московской буржуазии в пореформенный период. — «Исторические записки», т. 92, 1973; *его же.* Социальный состав крупной московской буржуазии во второй половине XIX в. — «Проблемы отечественной истории», ч. I. М., 1973.³³ *И. Ф. Гиндин.* Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности. — «История СССР», 1963, № 2, 3; *В. Я. Лаврычев.* По ту сторону баррикад (Из истории борьбы московской буржуазии с революцией). М., 1967; *В. С. Дякин.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны 1914—1917 гг. Л., 1967; *Е. Д. Черменский.* Буржуазия и царизм в первой русской революции, изд. 2, перераб. и исправл. М., 1970; «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России». М., 1970, и др.³⁴ «История СССР», 1963, № 2, стр. 73.

Глава 1

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ

Рост торговли и промышленности, появление частных коммерческих банков и возникновение первых монополистических союзов

¹ *А. Ф. Яковлев.* Экономические кризисы в России. М., 1955, стр. 13. ² См. *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20, стр. 173. ³ *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20, стр. 39. ⁴ *К. А. Пажитнов.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льно-пеньковая и шелковая промышленность. М., 1958, стр. 83—87. ⁵ *М. Туган-Барановский.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. М., 1922, стр. 346. ⁶ *К. А. Пажитнов.* Указ. соч., стр. 85—86. ⁷ *Б. Л. Цыпин.* Некоторые

особенности промышленного переворота в России. Свердловск, 1968, стр. 75—115. ⁸ Там же, стр. 103. ⁹ См. *В. И. Ленин*. ПСС, т. 3, стр. 603. ¹⁰ См. там же, стр. 498.

¹¹ См. там же, стр. 510. ¹² *П. А. Хромов*. Очерки экономики текстильной промышленности СССР. М.—Л., 1946, стр. 39. ¹³ *П. И. Лященко*. История народного хозяйства СССР, т. II. Капитализм. М., 1948, стр. 437—452. ¹⁴ *В. П. Крикунов*. Очерки социально-экономического развития Дона и Северного Кавказа в 60—90-е гг. XIX в. Грозный, 1973, стр. 41—42. ¹⁵ «Горнозаводское дело», 1914, № 28, стр. 9287. ¹⁶ «Горнозаводской листок», 1899, № 6, стр. 3729. ¹⁷ *П. И. Фомин*. Горная и горнозаводская промышленность Юга России, т. I. Харьков, 1915, стр. 175. ¹⁸ См. *В. И. Ленин*. ПСС, т. 3, стр. 489. ¹⁹ См. там же. ²⁰ Там же, стр. 488.

²¹ *П. И. Лященко*. Указ. соч., т. II, стр. 151. ²² Центральный государственный архив г. Москвы (далее — ЦГАМ), ф. 642, оп. 1, д. 118, л. 1, 7, 9. ²³ *П. И. Лященко*. Указ. соч., т. II, стр. 149—150. ²⁴ Там же, стр. 142. ²⁵ *В. А. Золотов*. Внешняя торговля России через порты Черного и Азовского морей в конце XVIII—XIX вв. Автореф. докт. дисс. Ростов-на-Дону, 1966, стр. 34—35. ²⁶ Там же, стр. 45—46. ²⁷ «Очерк льняной торговли и промышленности». Псков, 1886, стр. 15—22. ²⁸ *П. И. Лященко*. Указ. соч., т. II, стр. 121. ²⁹ *А. Ф. Яковлев*. Указ. соч., стр. 106; Государственный архив Горьковской области (далее — ГАГО), ф. 489, оп. 286, д. 1170, л. 8—9; д. 1646, л. 100. ³⁰ ГАГО, ф. 2, оп. 1, д. 830, л. 12.

³¹ «Промышленный листок», 1 января 1858 г. ³² Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР), ф. 678, оп. 1, д. 684, л. 103. ³³ *Л. Е. Шенгелев*. Акционерные компании в России. Л., 1973, стр. 93, 135. ³⁴ Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА), ф. 560, оп. 26, д. 218, л. 90—97. ³⁵ *П. И. Лященко*. Указ. соч., т. II, стр. 112—113. ³⁶ «Из воспоминаний Евгения Ивановича Ламанского». — «Русская старина», 1915, № 5, стр. 340—341. ³⁷ *И. С. Блюх*. Финансы России XIX столетия. История — Статистика, т. II. СПб., 1882, стр. 78—79. ³⁸ «Русская старина», 1915, № 11, стр. 209. ³⁹ ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 39726, л. 19—20; Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (далее — РОБИБЛ), ф. 332, карт. 2, д. 9. ⁴⁰ *П. И. Лященко*. Указ. соч., т. II, стр. 456; *А. М. Анфимов*. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX в.). М., 1969, стр. 278—279.

⁴¹ Там же, стр. 112—113, 356. ⁴² РОБИБЛ, ф. 332, карт. 47, д. 13, 14а; карт. 26, д. 7. ⁴³ *В. И. Бовыкин*. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967, стр. 277. ⁴⁴ Там же, стр. 226, 240. ⁴⁵ Там же, стр. 269—277. ⁴⁶ «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1898, № 50, стр. 951. ⁴⁷ Государственный исторический музей, отдел письменных источников (далее — ГИМ, ОПИ), ф. 122, оп. 1, д. 5, л. 69, 71, 78; д. 22, л. 1—9, 17—34, 97—101, 118. ⁴⁸ «Очерк Нижегородской ярмарки». Составлен в Министерстве внутренних дел. [СПб., 1858], стр. 36—37. ⁴⁹ *Г. Д. Бакулев*. Черная металлургия Юга России. М., 1953, стр. 137. ⁵⁰ *П. Фомин*. Очерк истории гвоздарной промышленности. — «Записки Харьковского университета за 1897 год». Харьков, 1897, стр. 6.

⁵¹ «Справочный листок для Нижегородской ярмарки», 14 августа 1862 г. ⁵² «Русские ведомости», 28 апреля, 21 мая, 11 июня

1864 г. ⁵³ Государственный архив Одесской области (далее — ГАОО), ф. 5, оп. 1, д. 1170, л. 4, 8, 9. ⁵⁴ П. А. Хромов. Указ. соч., стр. 31—32; РОБИЛ, ф. 332, карт. 75, д. 32. ⁵⁵ К. Лодыженский. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886, стр. 288. ⁵⁶ Г. Шульце-Геверниц. Крупное производство в России (Московско-Владимирская хлопчатобумажная промышленность). М., 1899, стр. 36—39. ⁵⁷ Б. Ф. Брандт. Иностранные капиталы. Их влияние на экономическое развитие страны, ч. 3. Мануфактурная промышленность в Царстве Польском. СПб., 1901, стр. 54. ⁵⁸ А. Вершинский. Хлопчатобумажная промышленность России и английские кризисы 60-х гг. XIX в. По переписке Морозовых. Тверь, 1930, стр. 8, 14, 16. ⁵⁹ «Торговый сборник», 1869, № 14, стр. 170. ⁶⁰ ГАГО, ф. 489, оп. 286, д. 1431, л. 40.

⁶¹ В. И. Бовыкин. Указ. соч., стр. 187—188. ⁶² М. Я. Гефтер. Из истории создания монополистического капитализма в России (сахарный синдикат). — «Исторические записки», т. 38, 1951; И. М. Каменецкая. Возникновение монополий в свеклосахарной промышленности. — «История СССР», 1956, № 6; «Двадцатипятилетие Киевской биржи. 1869—1894 гг.». Киев, 1895, стр. 136. ⁶³ «Двадцатипятилетие Киевской биржи. 1869—1894 гг.», стр. XVI, 12—15. ⁶⁴ «Труды съезда гг. членов императорского Русского технического общества в Москве 1882 года», т. II. СПб., 1883, стр. 7. ⁶⁵ «Русский курьер», 1 сентября 1883 г. ⁶⁶ «Труды съезда...», т. II, стр. 8. ⁶⁷ «Двадцатипятилетие Киевской биржи. 1869—1894 гг.», стр. 54—55, 62. ⁶⁸ Там же, стр. 67—70. ⁶⁹ Там же, стр. 74. ⁷⁰ «Русский курьер», 8 декабря 1888 г.

⁷¹ ЦГИА, ф. 892, оп. 1, д. 1632, л. 33, 34. ⁷² ГАГО, ф. 762, оп. 707, д. 1216, л. 124—125; д. 1413, л. 6, 7. ⁷³ М. П. Вяткин. Горнозаводской Урал в 1900—1917 гг. М.—Л., 1965, стр. 93—101; ГАГО, ф. 762, оп. 707, д. 1865, л. 1. ⁷⁴ ЦГИА, ф. 880, оп. 1, д. 476, л. 1. ⁷⁵ ГАГО, ф. 762, оп. 707, д. 1280, л. 1—10, 15. ⁷⁶ ГАГО, ф. 762, оп. 707, д. 1965, л. 1—8, 27, 87, 108—109. ⁷⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 452. ⁷⁸ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 18.

Важнейшие тенденции экономической политики царизма

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 20, стр. 38. ² И. Ф. Гиндин. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). М., 1960. ³ ЦГАМ, ф. 143, оп. 1, д. 88, л. 2, 3. ⁴ А. П. Погребинский. Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1954, стр. 76—77. ⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 537—548. ⁶ И. Ф. Гиндин. Указ. соч., стр. 200—202. ⁷ ЦГИА, ф. 560, оп. 22, д. 183, л. 1. ⁸ Там же. ⁹ «Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881—1894 гг.)». СПб., 1902, стр. 311—315, 319—320. ¹⁰ «Ученые записки Московск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской», т. СХХVII, вып. 7, 1963, стр. 146—150.

¹¹ П. М. Экземплярский. История города Иванова, ч. 1. До-октябрьский период. Иваново, 1958, стр. 117—118. ¹² И. П. Хлыстов. Дон в эпоху капитализма. 60-е — середина 90-х годов XIX века. Очерки по истории Юга России. Ростов-на-Дону, 1962, стр. 125—126. ¹³ И. Ф. Гиндин. Неуставные ссуды Государственного банка и эко-

номическая политика царского правительства. — «Исторические записки», т. 35, 1950, стр. 88. ¹⁴ ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 1644, л. 9. ¹⁵ РОБИЛ, ф. 332, карт. 3, д. 4, л. 179. ¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 170. ¹⁷ А. М. Анфимов. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX в.). М., 1969, стр. 256—258. ¹⁸ И. Ф. Гиндин. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы), стр. 178—180. ¹⁹ ЦГИА, ф. 37, оп. 3, д. 1152, л. 34—35, 54. ²⁰ И. Ф. Гиндин. Указ. соч., стр. 128, 136—153.

²¹ РОБИЛ, ф. 332, карт. 33, д. 20. ²² «М. Х. Рейтерн. Биографический очерк. Составлен А. Н. Куломзинным и В. Г. Рейтерн-Нолькен. С приложением из посмертных записок М. Х. Рейтерна». СПб., 1910, стр. 139, 156—157. ²³ «Замечания на проект положения об акционерных обществах, составленный особою комиссией при Министерстве финансов», вып. 1. СПб., 1872, стр. 130—132. ²⁴ «С.-Петербургский биржевой комитет. Замечания С.-Петербургского биржевого комитета и комиссии биржевого купечества на проект положения об акционерных обществах», ч. 1. СПб., 1873, стр. 1—3, 8 и др. ²⁵ «Свод замечаний на проект положения об акционерных обществах». СПб., 1872, стр. 1—2, 6. ²⁶ «Записка к предварительному проекту положения об акционерных предприятиях. Материалы высочайше учрежденной комиссии для пересмотра узаконений о биржах и акционерных компаниях». СПб., 1896, стр. 17. ²⁷ Там же, стр. 1—2. ²⁸ Там же, стр. 20—21. ²⁹ И. С. Блиох. Финансы России XIX столетия. История. Статистика, т. II. СПб., 1882, стр. 192. ³⁰ РОБИЛ, ф. 332, карт. 68, д. 29.

³¹ Л. Е. Шенелев. Акционерные компании в России. Л., 1973, стр. 119, 120. ³² ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 29, л. 134. ³³ «Запросы жизни» (№ 38), 21 сентября 1912 г., стр. 2158. ³⁴ «Об издании нового положения о горном промысле». СПб., [1897], стр. 5. ³⁵ «О мерах по развитию в России рельсового производства. Записка министра финансов от 19 апреля 1876 г.». СПб., стр. 8—9. ³⁶ «Обзор деятельности Министерства государственных имуществ (ныне земледелия и государственных имуществ) в царствование Александра III. 1881—1894 гг.», стр. 161—162. ³⁷ «Об издании нового положения о горном промысле», стр. 5. ³⁸ А. П. Кеппен. О необходимости коренной реформы законодательства о правах на недра земли. СПб., 1894, стр. 5. ³⁹ «Об издании нового положения о горном промысле», стр. 6. ⁴⁰ ЦГИА, ф. 37, оп. 5, д. 2078, л. 56.

⁴¹ Там же, л. 1. ⁴² «Об издании нового положения о горном промысле», стр. 54—55. ⁴³ ЦГИА, ф. 37, оп. 5, д. 2078, л. 56—57. ⁴⁴ ЦГИА, ф. 37, оп. 79, д. 53, л. 7. ⁴⁵ ЦГИА, ф. 931, оп. 1, д. 60, л. 1—2; д. 68, л. 6—10; д. 78, л. 3; д. 294, л. 1, 3. ⁴⁶ И. Ф. Гиндин. Указ. соч., стр. 200. ⁴⁷ РОБИЛ, ф. 332, карт. 49, д. 28. ⁴⁸ ГАОО, ф. 1, оп. 248, д. 298, л. 16. ⁴⁹ РОБИЛ, М3018/IV, стр. 824—825. ⁵⁰ И. Ф. Гиндин. Указ. соч., стр. 200.

⁵¹ ГАСО, ф. 121, оп. 1, д. 1040 и др. ⁵² ГАСО, ф. 121, оп. 1, д. 559, л. 102. ⁵³ ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 1644, л. 5—6. ⁵⁴ ЦГАОР, ф. 108, оп. 265, д. 11, л. 80. ⁵⁵ А. Н. Вигмер. Отрывочные воспоминания. — «Исторический вестник», сентябрь 1911 г., стр. 864. ⁵⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 4, стр. 419. ⁵⁷ А. Головачев. Вопросы государственного хозяйства. СПб., 1873, стр. 111. ⁵⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 450. ⁵⁹ К. А. Ермаков. История строительства Московско-Курской железной дороги (1864—1868 гг.). Авто-

реф. канд. дисс. Л., 1971, стр. 11. ⁶⁰ А. И. Дельви́г. Мои воспомина-
ния, т. III. М., 1913, стр. 59—62.

⁶¹ Там же, стр. 6—9, 34, 42, 93—95; РОБИЛ, ф. 332, карт. 24, д. 1. ⁶² А. И. Дельви́г. Указ. соч., т. III, стр. 60—62. ⁶³ К. А. Ермаков. Указ. соч., стр. 14; «Московские ведомости», 12 и 30 апреля 1869 г.; ГАОО, ф. 1, оп. 248, д. 295, л. 10—14, 26. ⁶⁴ А. П. Погребинский. Строительство железных дорог в пореформенной России и финансовая политика царизма (60—90-е годы XIX в.). — «Исторические записки», т. 47, 1954, стр. 154—155. ⁶⁵ А. Головачев. Указ. соч., стр. 118. ⁶⁶ «Записка Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы)». Berlin, 1884, стр. 191. ⁶⁷ «Биржевые ведомости», 8 декабря 1867 г.; 18 марта 1868 г.; «Экономические провалы в воспоминаниях с 1837 года В. А. Кокорева». СПб., 1887, стр. 181—182. ⁶⁸ ЦГИА, ф. 560, оп. 22, д. 136, л. 20—21. ⁶⁹ А. И. Дельви́г. Мои воспоминания, т. IV. М., 1913, стр. 297—298; «Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Исторический очерк», т. 1. СПб., 1902, стр. 319—320. ⁷⁰ А. И. Дельви́г. Указ. соч., т. IV, стр. 297.

⁷¹ Там же, стр. 311. ⁷² ГИМ ОПИ, ф. 303, оп. 1, д. 1, л. 32, 35—36; д. 12, л. 2—5, 16—23. ⁷³ «Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига», т. II. М., 1930, стр. 262, 358. ⁷⁴ А. И. Дельви́г. Указ. соч., т. IV, стр. 297—300; РОБИЛ, ф. 332, карт. 23, д. 20; «Биржевые ведомости», 8 сентября 1869 г. ⁷⁵ РОБИЛ, ф. 150, карт. 51, д. 1; ф. 332, карт. 72, д. 45. ⁷⁶ РОБИЛ, ф. 332, карт. 4, д. 7, л. 2—3; д. 8, л. 1; карт. 2, д. 19, л. 11. ⁷⁷ Н. Найденов. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном, т. I. М., 1903, стр. 100. ⁷⁸ «Романовы и железнодорожные концессии в 70-х годах XIX в.». — «Красный архив», 1933, т. 1 (56); «Дневник Д. А. Милютина», т. 1. М., 1947, стр. 187—188; РОБИЛ, М3018/IV, стр. 763—765. ⁷⁹ А. М. Соловьева. Выкуп частных железных дорог в России в конце XIX века. — «Исторические записки», т. 82, 1968, стр. 99. ⁸⁰ «Красный архив», 1933, т. 1 (56), стр. 145.

⁸¹ Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы. М., 1929, стр. 307—309. ⁸² ЦГИА, ф. 899, оп. 1, д. 8, л. 1. ⁸³ Е. М. Феоктистов. Указ. соч., стр. 311. ⁸⁴ А. М. Соловьева. Указ. соч., стр. 118. ⁸⁵ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. 1. М., 1966, стр. 477. ⁸⁶ РОБИЛ, ф. 230, карт. 4390, д. 3. ⁸⁷ ЦГАОР, ф. 678, оп. 1, д. 673, л. 10. ⁸⁸ «Московские ведомости», 18 августа 1887 г. ⁸⁹ ЦГАОР, ф. 678, оп. 1, д. 673, л. 13. ⁹⁰ ГАГО, ф. 472, оп. 287, д. 192, л. 1.

⁹¹ Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА), ф. 400, Азиатская часть, 1897 г., д. 138, л. 5—6, 18, 41 и др.; 1898 г., д. 318, л. 5—6; 1915 г., д. 89, л. 7; М. П. Вяткин. Монополистический капитал в Средней Азии. Фрунзе, 1962, стр. 49—50. ⁹² ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, 1892 г., д. 24, л. 12, 21, 38 и др.; 1898 г., д. 318, л. 1, 3, 4, 38, 40, 81, 82, 89, 90. ⁹³ И. А. Курбатова. Возникновение и рост хлопкоочистительной промышленности в Туркестане в конце XIX — начале XX в. (по материалам Ферганской области). — «Научные доклады и сообщения», кн. 6. Ташкент, 1963, стр. 8—9. ⁹⁴ ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, 1891 г., д. 69, л. 13, 15—17, 23, 25, 59, 152—153, 181; д. 69 (ч. 2), л. 29, 68.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ БУРЖУАЗИЯ И ЕЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Численность, состав и облик крупной буржуазии

¹ ЦГАМ, ф. 51, оп. 6, д. 76, л. 96. ² А. С. Нифонтов. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. (По материалам переписей г. Москвы в 70—90-х годах XIX в.). — «Исторические записки», 1955, т. 54, стр. 244—245. ³ «Материалы по проекту положения о пошлинах за право торговли и других промыслов». СПб., 1862, стр. 287. ⁴ ЦГАМ, ф. 3, оп. 2, д. 1007, л. 74. ⁵ ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 37698, 37993, 39983—39985, 42656, 45872 и др. ⁶ «Справочная книга о лицах, получивших на 1881 г. купеческие свидетельства по I и II гильдиям». М., 1881. ⁷ ЦГАМ, ф. 51, оп. 5, д. 122, л. 27; д. 133, л. 11, и др. ⁸ К. С. Куйбышева. Крупная московская буржуазия в период революционной ситуации в 1859—1861 гг. — «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1965, стр. 318. ⁹ «Исторические записки», 1955, т. 54, стр. 246. ¹⁰ «Проблемы отечественной истории», ч. 1. М., 1973, стр. 169—170.

¹¹ «Справочная книга о лицах, получивших на 1875 г. купеческие свидетельства по I и II гильдиям». М., 1875, стр. 39. ¹² «Исторические записки», 1955, т. 54, стр. 243. ¹³ «Промышленный листок», 18 января 1858 г.; «Вестник промышленности», 1858, № 1, стр. 76, 84; 1859, № 5, стр. 97, 105; 1860, № 1, стр. 199; ЦГАМ, ф. 2199, оп. 1, д. 1089, л. 1, 21, 45. ¹⁴ «Торговый сборник», 1868, № 4, стр. 33—34. ¹⁵ «Проблемы отечественной истории», ч. 1, стр. 169—170. ¹⁶ Ленинградский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. 479, оп. 15, д. 67, л. 50—51. ¹⁷ ЦГАМ, ф. 51, оп. 6, д. 6, л. 8. ¹⁸ Л. М. Иванов. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России. — «Проблемы социально-экономической истории России». Сборник. М., 1971, стр. 337. ¹⁹ «Двадцатипятилетие Киевской биржи. 1869—1894 гг.». Киев, 1895, стр. 67, 74 и др. ²⁰ В. Н. Рубин. Рабочий вопрос на съездах горнопромышленников Юга России. — «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», 1966, т. 249, стр. 5—7.

²¹ И. П. Хлыстов. Дон в эпоху капитализма. 60-е — середина 90-х годов XIX века. Очерки по истории Юга России. Ростов-на-Дону, 1962, стр. 207. ²² Ю. П. Колмаков. Крупная торгово-промышленная буржуазия Восточной Сибири в период монополистического капитализма (1898 — март 1917). Автореф. канд. дисс. Иркутск, 1971, стр. 16—17. ²³ «Исторические записки», 1955, т. 54, стр. 242. ²⁴ ЛГИА, ф. 479, оп. 20, д. 1031, л. 71—72; д. 1289, л. 19. ²⁵ А. М. Анфимов. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1969, стр. 274—278. ²⁶ «Исторические записки», 1955, т. 54, стр. 242—245. ²⁷ «Очерки по истории Ленинграда», т. III. М.—Л., 1956, стр. 138. ²⁸ ЛГИА, ф. 479, оп. 20, д. 1293, л. 15; д. 323, л. 9; д. 532, л. 18—19; ЦГАМ, ф. 51, оп. 7, д. 1822, л. 9; д. 2307, л. 22, и др. ²⁹ ЛГИА, ф. 479, оп. 20, д. 328, л. 17—21; д. 607, л. 2—3, 18, 32; ф. 2186, оп. 1, д. 87, л. 166. ³⁰ ЦГАМ, ф. 51, оп. 7, д. 2029, л. 2—3.

³¹ А. М. Анфимов. Указ. соч., стр. 278—279. ³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 67. ³³ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 140—141. ³⁴ ЦГАМ, ф. 51, оп. 6, д. 6, л. 8. ³⁵ ЦГАМ, ф. 3, оп. 2, д. 496, л. 60—65. ³⁶ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 504—505. ³⁷ «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1965, стр. 319. ³⁸ ЦГИА, ф. 1639, оп. 1, д. 11, л. 7—8. ³⁹ В. И. Бовыкин. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967, стр. 153. ⁴⁰ ЦГАМ, ф. 342, оп. 5, д. 27.

⁴¹ ЦГАМ, ф. 341, оп. 5, д. 8. ⁴² Н. Журавлев. Из росписи личных расходов фабриканта М. А. Морозова. — «Красный архив», 1937, т. 4 (83), стр. 226—227. ⁴³ «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», 1966, т. 249, стр. 6. ⁴⁴ «История СССР», 1963, № 2, стр. 71. ⁴⁵ «Дневник кн. В. П. Мещерского. Июнь 1881 г.». СПб., 1881, стр. 11. ⁴⁶ РОБИЛ, ф. 332, карт. 3, д. 4, л. 2. ⁴⁷ «Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская дума». М., 1934, стр. 176, 180—181; ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 42152. ⁴⁸ А. Вершинский. Хлопчатобумажная промышленность России и английские кризисы 60-х годов XIX в. По переписке Морозовых. Тверь, 1930, стр. 6. ⁴⁹ «Воспоминания П. И. Щукина», ч. 1. М., 1911, стр. 14—15, 29—30; ч. 2, стр. 3—7, 11—13; ч. 3, стр. 3. ⁵⁰ А. Вершинский. Указ. соч., стр. 9—13.

⁵¹ РОБИЛ, ф. 327, разд. 2, карт. 4, д. 15. ⁵² «Былое», 1907, № 9, стр. 11. ⁵³ Центральный государственный архив литературы и искусства (далее — ЦГАЛИ), ф. 1956, оп. 2, д. 7, л. 95—96. ⁵⁴ ЦГАМ, ф. 3, оп. 2, д. 161, л. 73—78. ⁵⁵ ЦГАМ, ф. 3, оп. 2, д. 274, л. 40—41. ⁵⁶ ЦГАМ, ф. 3, оп. 2, д. 496, л. 29—31. ⁵⁷ «Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России». Харьков, 1908, стр. 38—39. ⁵⁸ Н. В. Давыдов. Из прошлого. М., 1913, стр. 9. ⁵⁹ «Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина...», стр. 180. ⁶⁰ А. Вершинский. Указ. соч., стр. 5—6.

⁶¹ Владимир Безобразов. Село Иваново. Общественно-физиологический очерк. [СПб., 1863], стр. 285—286. ⁶² ЦГАМ, ф. 616, оп. 1, д. 43, л. 105—110. ⁶³ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 1666, л. 2. ⁶⁴ И. И. Янжул. Фабричный быт Московской губернии. СПб., 1884, стр. 44, 83, 88, 91. ⁶⁵ «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2. М., 1950, стр. 613. ⁶⁶ ЦГАМ, ф. 1780, оп. 1, д. 11, л. 1. ⁶⁷ Государственный архив Ярославской области (далее — ГАЯО), ф. 674, оп. 1, д. 513, л. 14. ⁶⁸ «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1. М., 1950, стр. 543—546; «Рабочее движение на Ярцевской фабрике в 1880—1917 гг.». Сборник документов и материалов. Смоленск, 1956, стр. 33—34. ⁶⁹ «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1, стр. 569. ⁷⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 430.

⁷¹ РОБИЛ, ф. 261, карт. 18, д. 5, л. 7. ⁷² ГАОО, ф. 22, оп. 1, д. 244, л. 78—79. ⁷³ ЦГАОР, ф. 109, 3 экспед., 1880 г., д. 460, л. 15. ⁷⁴ «Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина...», стр. 181. ⁷⁵ «Русское спасибо Василию Михайловичу Бостанджогло от Московского купеческого общества». СПб., 1875, стр. 16—18. ⁷⁶ ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 40482, л. 1, 8, 5; д. 40570, л. 12—13. ⁷⁷ ЦГАМ, ф. 3, оп. 2, д. 1666, л. 1—2. ⁷⁸ ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 48730, л. 3, 5, 10, 11, 13, 16, 20, 37, 68 и др.; оп. 2, д. 1062, л. 3. ⁷⁹ ЦГАОР, ф. 677, оп. 1, д. 140, л. 20, 151, 233 и др. ⁸⁰ ЦГИА, ф. 40, оп. 1, д. 24, л. 26—28.

⁸¹ ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 38142; д. 42149, л. 1, 9; д. 42689, л. 13—14; д. 41884, л. 13. ⁸² ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 42688, л. 1, 8, 9. ⁸³ ЦГАМ, ф. 3, оп. 4, д. 2533, л. 16. ⁸⁴ ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 49633, л. 1, 13, 17, 18. ⁸⁵ ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 37842, л. 1. ⁸⁶ «История С.-Петербургской

биржи». СПб., 1903, стр. 227—229; ГАГО, ф. 2, оп. 5, д. 613, л. 1.
⁸⁷ ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 43109, л. 1, 3, 14, 21, 22. ⁸⁸ ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 43629, л. 2—5, 11, 51, 53; оп. 3, д. 496, л. 97. ⁸⁹ ЦГАМ, ф. 203, оп. 327, д. 5; оп. 364, д. 106, л. 83, 91. ⁹⁰ РОБИЛ, ф. 342, карт. 54, д. 2.
⁹¹ «Московское купеческое собрание. Исторический очерк». М., 1914, стр. 11—14, 37. ⁹² ГАГО, ф. 2, оп. 5, д. 1496, л. 9. ⁹³ ЦГАМ, ф. 3, оп. 2, д. 1007, л. 70—73; д. 1062, л. 4. ⁹⁴ РОБИЛ, ф. 261, карт. 18, д. 5, стр. 14. ⁹⁵ ГАГО, ф. 2, оп. 5, д. 193, л. 17—25. ⁹⁶ А. Вершинский. Указ. соч., стр. 5. ⁹⁷ ГАГО, ф. 472, оп. 287а, д. 5, л. 227, 233—234; оп. 286, д. 1743, л. 14, 26. ⁹⁸ ГАГО, ф. 472, оп. 287, д. 282, л. 111—112.

Предпринимательские организации

¹ В. Сторожев. История Московского купеческого общества, кн. II, вып. 1. М., 1916, стр. 241, 245; «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1965, стр. 323—324. ² ЦГИА, ф. 557, оп. 1, д. 1416, л. 1—14. ³ «С.-Петербургский биржевой комитет. По вопросу о преобразовании С.-Петербургского комитета. Декабрь, 1871». СПб., стр. 5; «Московская биржа. 1839—1889». М., 1889, стр. 19.
⁴ Л. Нисселович. Торгово-промышленные совещательные учреждения в России. Исторический очерк. СПб., 1887, стр. 13—18. ⁵ Там же, стр. 24—26. ⁶ «С.-Петербургский биржевой комитет...», стр. 41; «История С.-Петербургской биржи. 1703—1903. История биржевого законодательства, устройства и деятельности учреждений С.-Петербургской биржи». Составил А. Г. Тимофеев. СПб., 1903, стр. 171; «Московская биржа. 1839—1889», стр. 73. ⁷ ГАГО, ф. 491, оп. 288, д. 265, л. 184. ⁸ Там же. ⁹ ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 47262, л. 1. ¹⁰ ЦГИА, ф. 40, оп. 1, д. 17, л. 30.

¹¹ Л. Нисселович. Указ. соч., стр. 25—27. ¹² Там же, стр. 36—39.
¹³ ЦГИА, ф. 40, оп. 1, д. 33, л. 17. ¹⁴ Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО), ф. 205, оп. 1, д. 278, л. 1—2.
¹⁵ Л. Нисселович. Указ. соч., стр. 43—44. ¹⁶ ГАОО, ф. 5, оп. 1, д. 53, л. 2. ¹⁷ ГИМ ОПИ, ф. 146, оп. 1, д. 12, л. 18—19. ¹⁸ «Отчет о деятельности высочайше утвержденного Общества для содействия русской промышленности и торговле с 1867 по 1892 годы». СПб., 1892, стр. 2—3. ¹⁹ «Торговый сборник», 1867, № 8, стр. 79. ²⁰ «Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны». Сборник, изданный под редакцией русского купца, вып. 1. М., 1865, стр. 9.

²¹ «Торговый сборник», 1867, № 8, стр. 79. ²² «Торговый сборник», 1869, № 11, стр. 135. ²³ «Торговый сборник», 1867, № 49; 1868, № 4, стр. 33—34; 1869, № 11, стр. 135. ²⁴ РОБИЛ, ф. 332, карт. 61, д. 1. ²⁵ М. К. Рожкова. Экономические связи России со Средней Азией в 40—60-е годы XIX века. М., 1963, стр. 24, 29. ²⁶ «Протоколы и стенографические отчеты заседаний первого Всероссийского съезда фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью, 1870 года». СПб., 1872, стр. III—IV, 1; «Стенографический отчет 5-го заседания первого Всероссийского съезда». СПб., 1872, стр. 8—9. ²⁷ «Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле, издаваемые Комитетом Общества», ч. XIII, отд. III. СПб., 1883, стр. 341. ²⁸ «Труды высочайше разрешенного торгово-промышленного съезда, созванного Обществом для содействия русской промышленности и торговле в Москве в июле 1882 г.», т. I. СПб., 1883. ²⁹ Л. Нисселович. Указ. соч., стр. 14.

³⁰ «Труды высочайше разрешенного торгово-промышленного съезда, созванного Обществом для содействия русской промышленности и торговле в Москве в июле 1882 г.», т. 1, стр. 21.

³¹ ГАСО, ф. 121, оп. 1, д. 826, л. 1—2. ³² Там же, д. 826, 827.

³³ Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО), ф. 32, оп. 2, д. 952, л. 6. ³⁴ «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», 1966, т. 249, стр. 8. ³⁵ «Краткий очерк истории съездов горно-промышленников Юга России». Харьков, 1908, стр. 161—162. ³⁶ ЦГИА, ф. 37, оп. 72, д. 123, л. 4. ³⁷ ЦГИА, ф. 37, оп. 5, д. 2052, л. 35—36, 50—63; оп. 72, д. 10, л. 38. ³⁸ ЦГИА, ф. 892, оп. 1, д. 1632, л. 1—2, 33—34. ³⁹ ЦГИА, ф. 37, оп. 65, д. 2140, л. 2—3, 7—8, 14, 47, 51, 81, 88, 103, 131—133. ⁴⁰ ЦГИА, ф. 892, оп. 1, д. 1632, л. 15—16.

⁴¹ ЛГИА, ф. 2186, оп. 1, д. 94, л. 4; д. 109, л. 8—10. ⁴² ЦГАОР, ф. ДП-VI, 1899 г., д. 28, л. 1, 10. ⁴³ ГАОО, ф. 22, оп. 1, д. 301, л. 3—4. ⁴⁴ ГАГО, ф. 2, оп. 5, д. 504, л. 6, 8; ф. 489, оп. 286, д. 1443, л. 4, 32. ⁴⁵ ГАГО, ф. 2, оп. 4, д. 6734, л. 1; д. 6735, л. 3—4. ⁴⁶ ГАГО, ф. 472, оп. 287, д. 1, л. 1—2. ⁴⁷ ГАГО, ф. 472, оп. 287, д. 2, л. 30, 40—41. ⁴⁸ ГАГО, ф. 2, оп. 5, д. 1172, л. 23—30, л. 91, 96, 119—122, 155—156. ⁴⁹ ГАГО, ф. 472, оп. 287, д. 61, л. 6—7, 92—93, 206. ⁵⁰ ГАГО, ф. 2, оп. 5, д. 1439, л. 2—9, 19—28.

⁵¹ ГАГО, ф. 472, оп. 287, д. 489, л. 16—19; д. 28, л. 2. ⁵² «Московские ведомости», 18 августа 1887 г. ⁵³ ГАГО, ф. 472, оп. 287, д. 871, л. 1. ⁵⁴ ЦГИА, ф. 1093, д. 338, л. 7. ⁵⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 411. ⁵⁶ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 44, стр. 145. ⁵⁷ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 141, 142.

Глава 3

КРУПНАЯ БУРЖУАЗИЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ

Капиталисты и периодическая печать

¹ ГАГО, ф. 1398, оп. 315, д. 140, л. 1; оп. 315а, д. 2, л. 1. 3; д. 140, л. 1; д. 170, л. 4. ² К. С. Куйбышева. Крупная московская буржуазия в период революционной ситуации в 1859—1861 гг. — «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». Сборник. М., 1965, стр. 330—331, 336—338; В. Н. Розенталь. Идеиные центры либерального движения в России накануне революционной ситуации. — «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». Сборник. М., 1963, стр. 376, 379—380. ³ ЦГИА, ф. 1639, оп. 1, д. 200, л. 1. ⁴ «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1965, стр. 329—330. ⁵ РОБИЛ, ф. 332, карт. 5, д. 13, л. 1—2; д. 16, л. 2; карт. 61, д. 6. ⁶ ГИМ ОПИ, ф. 440, оп. 1, д. 784. ⁷ РОБИЛ, ф. 332, карт. 5, д. 16, л. 2. ⁸ РОБИЛ, ф. 332, карт. 68, д. 52. ⁹ РОБИЛ, ф. 332, карт. 10, д. 43, л. 1; д. 67, л. 1—2; карт. 37, д. 21, л. 1—2; карт. 76, д. 13. ¹⁰ «День», 30 ноября 1863 г.

¹¹ «Вестник промышленности», 1860, № 20, стр. 203—204. ¹² «Вестник промышленности», 1861, № 10, стр. 102, 116. ¹³ «Акционер», 1 января 1860 г.; 3 февраля 1862 г.; 16 марта 1863 г., и др. ¹⁴ РОБИЛ, ф. 332, карт. 61, д. 2. ¹⁵ РОБИЛ, ф. 332, карт. 68, д. 52. ¹⁶ РОБИЛ, ф. 332, карт. 5, д. 1, л. 7. ¹⁷ С. А. Никитин. Славянские комитеты

в России в 1858—1876 годах. М., 1960, стр. 70.¹⁸ Институт русской литературы (далее — ИРЛИ), ф. 3, оп. 2, д. 20, л. 19, 54.¹⁹ С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 67.²⁰ ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, д. 8, л. 1.

²¹ «Торговый сборник», 1864, № 1, стр. 1.²² «Торговый сборник», 1865, № 16, стр. 121; № 20, стр. 153; № 29, стр. 227; 1867, № 8, стр. 79; № 49, стр. 448, и др.²³ «Торговый сборник», 1868, № 9, стр. 197.²⁴ ГАГО, ф. 472, оп. 287, д. 2, л. 24.²⁵ С. А. Никитин. Южно-славянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века. — «Ученые записки Института славяноведения», т. VI. М., 1952, стр. 105.²⁶ ГИМ ОПИ, ф. 44, оп. 1, д. 1, л. 109—113.²⁷ РОБИЛ, ф. 332, карт. 15, д. 5.²⁸ ГИМ ОПИ, ф. 440, оп. 1, д. 783, л. 52.²⁹ ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 2, д. 18, л. 110.³⁰ РОБИЛ, ф. 332, карт. 41, д. 12, карт. 37, д. 23.

³¹ ИРЛИ, ф. 3, оп. 5, д. 51, л. 30—31.³² «Москва», 1 января 1867 г.³³ «Москва», 7 и 10 марта, 2 июля, 1 сентября и 18 октября 1867 г.; 2 марта 1868 г., и др.³⁴ «Москва», 20 и 26 января, 2 февраля 1867 г.; 4, 15, 16 и 17 апреля 1868 г., и др.³⁵ ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 1, д. 143, л. 1—4.³⁶ Там же, л. 40—41.³⁷ ГИМ ОПИ, ф. 44, оп. 1. Дополнительные материалы.³⁸ ГИМ ОПИ, ф. 440, оп. 1, д. 782, л. 15.³⁹ ГИМ ОПИ, ф. 44, оп. 1. Дополнительные материалы.⁴⁰ РОБИЛ, ф. 332, карт. 37, д. 23.

⁴¹ ГИМ ОПИ, ф. 440, оп. 1. Дополнительные материалы.⁴² ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, д. 68, л. 1.⁴³ ГИМ ОПИ, ф. 440, оп. 1, д. 782, л. 15.⁴⁴ ЦГАМ, ф. 16, оп. 58, д. 119, л. 3, 7, 10—11.⁴⁵ РОБИЛ, ф. 332, карт. 15, д. 7, 8, 9, 10, 11.⁴⁶ РОБИЛ, ф. 332, карт. 41, д. 12.⁴⁷ ГИМ ОПИ, ф. 440, оп. 1, д. 784, л. 38.⁴⁸ ГИМ ОПИ, ф. 208, оп. 1, д. 29, л. 2, 29.⁴⁹ РОБИЛ, ф. 332, карт. 59, д. 8.⁵⁰ ГИМ ОПИ, ф. 208, оп. 1, д. 29, л. 2.

⁵¹ ЦГАОР, ф. 109, III экспедиция, 1874 г., д. 4, ч. 2, л. 53.⁵² *Ив. Петрункевич. Памяти В. А. Гольцева.* — «Памяти Виктора Александровича Гольцева». Сборник. М., 1910, стр. 107.⁵³ Там же, стр. 107.⁵⁴ ЦГАОР, ф. ДП, оп. 249, 1883 г., д. 3, л. 326.⁵⁵ *Б. П. Козьмин.* Русская журналистика 70-х и 80-х годов XIX века. М., 1948, стр. 32.⁵⁶ ИРЛИ, ф. 359, оп. 1, д. 92, л. 1.⁵⁷ ИРЛИ, ф. 3, оп. 5, д. 26, л. 104.⁵⁸ «Колокол», 1864, № 190, стр. 1563.⁵⁹ РОБИЛ, ф. 120, карт. 19, стр. 19.⁶⁰ «Общее вече» (№ 17), 1 июня 1863 г.

⁶¹ РОБИЛ, ф. 120, карт. 19, стр. 17.⁶² *Р. И. Сементковский.* М. Н. Катков, его жизнь и публицистическая деятельность. СПб., 1891, стр. 51.⁶³ «Дневник Д. А. Малютина», т. 3. 1878—1880. М., 1950, стр. 217.⁶⁴ РОБИЛ, ф. 120, карт. 42, стр. 1.⁶⁵ ИРЛИ, 9121, ЛП613, л. 16, 18, 42.⁶⁶ «Дневник Государственного секретаря А. А. Половцова», т. 1. 1883—1886 гг. М., 1966, стр. 450.⁶⁷ *П. А. Берлин.* Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922, стр. 308.⁶⁸ РОБИЛ, ф. 120, карт. 21, л. 180.⁶⁹ ИРЛИ, 9109, ЛП65, л. 25, 31.⁷⁰ «Голос Москвы», 9 января и 3 августа 1885 г.

⁷¹ «Памяти Виктора Александровича Гольцева», стр. 115; ЦГАОР, ф. ДП, оп. 249, д. 5, л. 55, 59; ф. ДП-III, 1885 г., д. 59, ч. 45, л. 9.^{72—74} «Памяти Виктора Александровича Гольцева», стр. 19, 115—116; «Дневник князя В. П. Мещерского за 1882 г.». СПб., 1882, стр. 445.⁷⁵ РОБИЛ, ф. 230, карт. 10802, д. 5.⁷⁶ «Русский курьер», 5 и 25 марта 1881 г.; 1 марта 1884 г.⁷⁷ «Русский курьер», 2 декабря 1881 г.⁷⁸ «Русский курьер», 1 ноября 1885 г.⁷⁹ «Русский курьер», 6 августа 1886 г.⁸⁰ «Русский курьер», 5 ноября 1886 г.

⁸¹ ЦГАОР, ф. 109, 3 экспед., 1880 г., д. 460, л. 1.⁸² «Русские

ведомости. 1863—1913». М., 1913, стр. 78; ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 47796, л. 1.⁸³ ЦГАЛИ, ф. 1956, оп. 2, д. 6, л. 117—118, 123; ф. 452, оп. 1, д. 31, л. 1—2.⁸⁴ ЦГАОР, ф. ДП-III, 1885 г., д. 59, ч. 45, л. 11.⁸⁵ РОБИЛ, ф. 230, карт. 10802, д. 5.⁸⁶ РОБИЛ, ф. 77, карт. 7, д. 77; ЦГАЛИ, ф. 640, оп. 1, д. 299, л. 39—40; д. 84, л. 3—4.⁸⁷ И. Д. Шишманов. К вопросу о роли графа П. П. Шувалова в конституционном движении 80-х годов. — «Вестник Европы», 1914, № 1, стр. 213.⁸⁸ ИРЛИ, ф. 661, оп. 1, д. 16, л. 1419, 1425.⁸⁹ «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. 1. М., 1925, стр. 393—394.⁹⁰ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 1. М., 1960, стр. 171; ИРЛИ, 9090, LI6103, л. 90—94; 9123, LI615, л. 59—60, 61—63.

⁹¹ К. А. Бороздин. «Священная дружина» и «Народная воля». — «Былое», 1907, № 10, стр. 156, 164 и др.⁹² «Русское дело», 4 марта 1890 г.; ГАСО, ф. 121, оп. 1, д. 22, л. 4, 15, 16.⁹³ ГАСО, ф. 121, оп. 1, д. 328, л. 2.⁹⁴ «Русское дело», 11 сентября 1888 г.⁹⁵ ГАСО, ф. 121, оп. 1, д. 328, л. 1.⁹⁶ ГАСО, ф. 121, оп. 1, д. 17, л. 1—2; д. 22, л. 16—20; д. 1021, л. 1; д. 1022, л. 1.⁹⁷ ГАСО, ф. 121, оп. 1, д. 1041, л. 1, 28; д. 24, л. 7.⁹⁸ «Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович». М.—Л., 1924, стр. 238—239.⁹⁹ Ю. Б. Соловьев. Противоречия в правящем лагере России по вопросу об иностранных капиталах в годы первого промышленного подъема. — «Труды Ленинградского отделения института истории», вып. 1. М.—Л., 1959, стр. 383—385.

Социально-политические взгляды представителей крупной буржуазии и ее роль в общественной жизни

¹ «История Москвы», т. III. М., 1954, стр. 307.² «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1963, стр. 376—381.³ Н. А. Цаголов. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М., 1956, стр. 258—259, 379; «История русской экономической мысли», т. 1, ч. II. М., 1958, стр. 425—432; «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1965, стр. 336—337.⁴ ЦГИА, ф. 1639, оп. 1, д. 11, л. 7.⁵ «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1965, стр. 333—336.⁶ Б. Б. Глинский. Борьба за конституцию. 1612—1861 гг. Исторический очерк. СПб., 1908, стр. 547—548.⁷ ЦГАЛИ, ф. 799, оп. 1, д. 11, л. 2.⁸ ЦГАЛИ, ф. 54, оп. 1, д. 81, л. 11.⁹ А. А. Бухарин. В. П. Боткин (Из истории формирования буржуазного либерализма в России в предреформенную эпоху). Автореф. канд. дисс. Воронеж, 1972, стр. 19.¹⁰ «История Москвы», т. IV. М., 1954, стр. 23.

¹¹ ЦГИА, ф. 1639, оп. 1, д. 10, л. 1, 2.¹² А. А. Бухарин. Указ. соч., стр. 20.¹³ Николай Найденов. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном, т. II. М., 1905, стр. 3.¹⁴ «Общее вече», 17 июня 1863 г.¹⁵ «Московское купеческое собрание. Исторический очерк». М., 1914, стр. 38.¹⁶ «Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного», ч. III. СПб., 1864, стр. 16, 54—55, 57, 165, 191—192, 194—195.¹⁷ ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, д. 68, л. 1—2.¹⁸ ЦГАМ, ф. 16, оп. 58, д. 119, л. 10—11.¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 1, д. 143, л. 1—4.²⁰ РОБИЛ, ф. 512, карт. 1, д. 13, л. 13.²¹ РОБИЛ, ф. 327, разд. II, карт. 4, д. 15.²² РОБИЛ, ф. 75, карт. 7, стр. 144—145.²³ ГАСО, ф. 121, оп. 1, д. 20, л. 1.²⁴ ГИМ ОПИ, ф. 44, оп. 1.

Дополнительные материалы. ²⁵ ГАСО, ф. 121, оп. 1, д. 328, л. 1—2.

²⁶ А. Л. Корнилов. Общественное движение при Александре II (1855—1881). Paris, 1905, стр. 147. ²⁷ В. Голицын. Москва в семидесятых годах. — «Голос минувшего», 1919, № 5—12, стр. 137—139.

²⁸ ЦГАЛИ, д. 1337, оп. 1, д. 169, л. 121. ²⁹ РОБИЛ, ф. 327, разд. I, карт. 53, д. 5. ³⁰ А. А. Корнилов. Указ. соч., стр. 148.

³¹ А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров, т. 2. М., 1929, стр. 213—214. ³² ИРЛИ, 9121, ЛП613, л. 8. ³³ А. Ф. Тютчева. Указ. соч., стр. 210. ³⁴ РОБИЛ, ф. 327, разд. II, карт. 4, д. 18. ³⁵ ИРЛИ, 9121, ЛП613, л. 11. ³⁶ ЦГИА, ф. 934, оп. 2, д. 104, л. 14. ³⁷ ГИМ ОПИ, ф. 208, оп. 1, д. 29, л. 2, 29; РОБИЛ, ф. 332, карт. 59, д. 8. ³⁸ В. Я. Лаверычев. Царизм и рабочий вопрос в России. 1861—1917 гг. М., 1972, стр. 12—32. ³⁹ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 411. ⁴⁰ С. А. Никитин. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М., 1960, стр. 76—80.

⁴¹ ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 45642, л. 1, 3, 9—10, 13, 14, 18, 19, 23, 24. ⁴² РОБИЛ, ф. 75, д. 5, стр. 432. ⁴³ ИРЛИ, ф. 18, оп. 1, д. 1, л. 5. ⁴⁴ ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 46149, л. 1, 118. ⁴⁵ ИРЛИ, ф. 18, оп. 1, д. 1, л. 5. ⁴⁶ ГАГО, ф. 472, оп. 278, д. 13, л. 121—122. ⁴⁷ С. Неведенский. Катков и его время. СПб., 1888, стр. 364. ⁴⁸ «История С-Петербургской биржи. История биржевого законодательства и деятельности учреждений С-Петербургской биржи». Составил А. Г. Тимофеев. СПб., 1903, стр. 227. ⁴⁹ ИРЛИ, ф. 18, оп. 1, д. 1, л. 5. ⁵⁰ ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 46149, л. 74.

⁵¹ «История С-Петербургской биржи», стр. 227—228. ⁵² ИРЛИ, ф. 3, оп. 5, д. 38, л. 2—12. ⁵³ ЦГИА, ф. 908, оп. 1, д. 382, л. 1, 3. ⁵⁴ «Голос минувшего», 1919, № 5—12, стр. 149. ⁵⁵ ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, д. 474, л. 1—2. ⁵⁶ ИРЛИ, ф. 3, оп. 5, д. 37, л. 1. ⁵⁷ ЦГАМ, ф. 3, оп. 2, д. 947, л. 58. ⁵⁸ ГАГО, ф. 472, оп. 287, д. 16, л. 97. ⁵⁹ А. Ф. Тютчева. Указ. соч., стр. 222, 225. ⁶⁰ РОБИЛ, ф. 230, карт. 4410, д. 1, л. 40, 113, 133—134; карт. 4409, д. 2, л. 81, 82, 109.

⁶¹ ЦГИА, ф. 1639, оп. 1, д. 221, л. 37—38. ⁶² РОБИЛ, ф. 230, карт. 4390, д. 3. ⁶³ Там же, д. 4. ⁶⁴ ЦГАОР, ф. ДП, оп. 249, д. 3, л. 326—327. ⁶⁵ Л. Т. Сенчакова. «Священная дружина» и ее состав. — «Вестник Московского университета». Серия истории, 1967, № 2, стр. 65. ⁶⁶ РОБИЛ, ф. 230, карт. 4410, д. 2. ⁶⁷ ИРЛИ, ф. 661, оп. 1, д. 16, л. 596, 602—603, 613. ⁶⁸ Ю. Г. Оксман. Отклики московских промышленников на антиеврейские беспорядки 1881 г. — «Красный архив», 1926, т. 1 (14), стр. 259—269. ⁶⁹ «Вестник Московского университета». Серия истории, 1967, № 2, стр. 67, 72—83. ⁷⁰ ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 49634, л. 10—15; д. 49638, л. 23.

⁷¹ «К. П. Победоносцев и его корреспонденты». Письма и заметки, т. 1, полутом I. М.—Пг., 1923, стр. 295, 296, 298. ⁷² В. Я. Богучарский. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века. М., 1912, стр. 212—213. ⁷³ «Былое», 1907, № 9, стр. 10. ⁷⁴ РОБИЛ, ф. 253, карт. 1, д. 8. ⁷⁵ «Русский курьер», 26 июня 1879 г., 11 февраля и 5 марта 1881 г., 3 января 1884 г. ⁷⁶ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 397—398. ⁷⁷ В. В. Широкова. Партия «Народного права». Из истории освободительного движения 90-х годов XIX века. Саратов, 1972, стр. 45, 55, 123—124. ⁷⁸ В. Я. Лаверычев. Указ. соч., стр. 55—75. ⁷⁹ Там же, стр. 76—96. ⁸⁰ ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, д. 298, л. 2; д. 74, л. 1; ф. 181, оп. 1, д. 461, л. 1—2.

⁸¹ «История СССР», 1963, № 2, стр. 79. ⁸² ИРЛИ, ф. 359, оп. 1, д. 467, л. 1. ⁸³ П. И. Шлемин. Земское движение и либеральная ин-

теллигенция на рубеже 80—90-х годов XIX века. — «Вопросы истории СССР». Сборник. М., 1972, стр. 192—194. ⁸⁴ ИРЛИ, ф. 359, оп. 1, д. 467, л. 3. ⁸⁵ В. Богучарский. Земский союз или Священная дружина. — «Русская мысль», № 9, 1912, стр. 80—81. ⁸⁶ «История Москвы», т. V. М., 1955, стр. 676—677. ⁸⁷ М. Горький. Литературные портреты. М., 1959, стр. 296—297. ⁸⁸ ГАГО, ф. 472, оп. 287, д. 316, л. 315—316; д. 386, л. 132—133. ⁸⁹ «Волгарь», 18 июля 1896 г. ⁹⁰ «Волгарь», 17 августа 1896 г.

⁹¹ «Волгарь», 6 июля 1896 г. ⁹² ЦГАЛИ, ф. 1956, оп. 2, д. 7, л. 105. ⁹³ А. И. Сумбатов. Джентльмен. — «Сцена». Сборник, вып. XVIII. М., 1897, стр. 26. ⁹⁴ Е. Д. Черменский. Земско-либеральное движение накануне революции 1905—1907 гг. — «История СССР», 1965, № 5, стр. 44. ⁹⁵ Е. Д. Черменский. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970, стр. 22—24. ⁹⁶ ЦГАОР, ф. 586, оп. 1, д. 725, л. 1—2. ⁹⁷ ЦГАОР, ф. ДП—00, 1904 г., д. 1000, т. 2, л. 13, 66, 69—70. ⁹⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 6, стр. 267. ⁹⁹ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 220. ¹⁰⁰ «Русские ведомости», 28 января 1905 г.

¹⁰¹ ЦГИА, ф. 40, оп. 1, д. 58, л. 19, 20. ¹⁰² ГАРО, ф. 170, оп. 1, д. 409, л. 1—5. ¹⁰³ Там же, л. 10—11. ¹⁰⁴ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 220.

Глава 4

ВОЗДЕЙСТВИЕ КАПИТАЛИСТОВ НА НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА

Усилия крупной буржуазии по упрочению мер таможенной охраны

¹ Константин Лодыженский. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886, стр. 264, 289; «Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России». Харьков, 1908, стр. 73. ² Николай Найденов. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном, т. II. М., 1905, стр. 64. ³ РОБИЛ, ф. 332, карт. 61, д. 2. ⁴ «Записка о заключении торгово-таможенного договора между таможенным союзом и Россию, представленная правительствам таможенного союза депутацией постоянного Германского коммерческого съезда». М., 1865, стр. 3. ⁵ РОБИЛ, ф. 332, карт. 43, д. 7. ⁶ ГАГО, ф. 489, оп. 286, д. 1192, л. 4, 19, 28. ⁷ ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 1603, л. 7, 8—9. ⁸ ГАГО, ф. 489, оп. 286, д. 1192, л. 1, 11, 42; оп. 287, д. 2, л. 9—12. ⁹ РОБИЛ, ф. 332, карт. 61, д. 2. ¹⁰ РОБИЛ, ф. 332, карт. 43, д. 7.

¹¹ ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 1603, л. 10—11, 18—19. ¹² РОБИЛ, ф. 332, карт. 61, д. 2. ¹³ Николай Найденов. Указ. соч., т. II, стр. 66—68. ¹⁴ «Мнение Рижского биржевого комитета по поводу записки о заключении торгового таможенного договора между Россией и Германским таможенным союзом». М., 1865, стр. 4, 17—18, 22—24. ¹⁵ «Торговый сборник», 1865, № 20, стр. 153. ¹⁶ «Биржевые ведомости», 11 февраля 1866 г. ¹⁷ «День», 17 апреля, 8 мая 1865 г. и др. ¹⁸ А. Шипов. Ответ г. Ламанскому. Нижний Новгород, 1865, стр. 42. ¹⁹ ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 38543, л. 1—4; оп. 2, д. 101, л. 111—113. ²⁰ Николай Найденов. Указ. соч., т. II, стр. 68.

²¹ «Мнение постоянной депутации московских купеческих съездов по поводу записки, представленной правительствам Таможенного

союза депутацию постоянного Германского коммерческого съезда о заключении торгово-промышленного договора между Россией и Германским таможенным союзом». М., 1865, стр. IV—V, XXI.²² Там же, стр. 7—9, 19, 21, 38—41, 46—48, 53, 59—60, 68, 136, 190, 195—197, 209—210 и др.²³ Там же, стр. XLIII.²⁴ «О средствах к устранению наших экономических и финансовых затруднений». Ряд статей Александра Шипова с января по май 1866 г. СПб., июнь 1866, стр. IV.²⁵ РОБИЛ, ф. 332, карт. 43, д. 7.²⁶ *Joachim Mai. Das Deutsche Kapital in Rußland, 1850—1894.* Berlin, 1970, S. 29—30.²⁷ «Биржевые ведомости», 16 июля 1866 г.; 13 января 1867 г.²⁸ «Биржевые ведомости», 20 января 1867 г.²⁹ «Биржевые ведомости», 14, 15 и 20 января 1867 г.³⁰ ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 1685, л. 3.

³¹ «Биржевые ведомости», 12 мая 1867 г.³² А. Шипов. Замечания на «Материалы по пересмотру тарифа». М., 14 октября 1867, стр. 1.³³ А. Бобринский. О применении систем охранительной и свободной торговли к России и о значительном понижении таможенного дохода по введении тарифа 1857 г., ч. 1. М., 1868, стр. 2.³⁴ Д. Шипов. Экономист «Московских ведомостей». М., 1868, стр. 1, 3, 8—10; его же. Оригинальные доводы и вычисления экономиста «Московских ведомостей» о пошлинах на машины. М., 1868, стр. 1—2, 4—5.³⁵ Николай Найденов. Указ. соч., т. II, стр. 84.³⁶ Там же, стр. 84—90.³⁷ ЦГАОР, ф. 677, оп. 1, д. 499, л. 1, 3—4, 10.³⁸ ЦГАОР, ф. 677, оп. 1, д. 499, л. 10—13, 16.³⁹ М. Н. Соболев. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск, 1911, стр. 305.⁴⁰ «Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России», стр. 70.

⁴¹ «Биржевые ведомости», 6 мая 1875 г.⁴² «О мерах по развитию в России рельсового производства» (СПб., 1876), стр. 2, 9, 20—21.⁴³ «Фабрично-заводская промышленность и торговля России. Издание Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов для Всемирной Колумбовой выставки в Чикаго в 1893 г.», отд. XIX. СПб., 1893, стр. 155—156.⁴⁴ «Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России», стр. 73.⁴⁵ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II. М., 1948, стр. 188.⁴⁶ ЦГИА, ф. 892, оп. 1, д. 1571, л. 17, 19.⁴⁷ «Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле...», ч. XIII, отд. 1. СПб., 1881, стр. 70, 71, 79.⁴⁸ Там же, отд. III, стр. 352.⁴⁹ «Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России», стр. 70.⁵⁰ «Южнорусский горный листок», 1881, № 1, 6; 1882, № 8, и др.

⁵¹ «Московские ведомости», 1, 12 августа 1881 г.; 25, 26 июня 1883 г.⁵² «Обозрение деятельности Министерства государственных имуществ по горной части в 1881—1891 гг.». СПб., 1892, стр. 39.⁵³ М. Н. Соболев. Указ. соч., стр. 519, 537, 567.⁵⁴ «Резолюция высочайше разрешенного торгово-промышленного съезда, созванного Обществом для содействия русской промышленности и торговле в Москве в июле 1882 г.», т. 1. СПб., 1883, стр. 5.⁵⁵ ЦГИА, ф. 20, оп. 5, д. 574, л. 1.⁵⁶ «Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России», стр. 16.⁵⁷ ЦГАЛИ, ф. 799, оп. 2, д. 40, л. 99.⁵⁸ Н. С. Авдаков. О пошлинах на иностранный каменный уголь. Харьков, 1885, стр. 16.⁵⁹ ГАОО, ф. 22, оп. 1, д. 91, л. 14—15.⁶⁰ ЦГИА, ф. 37, оп. 65, д. 2022, л. 12—13, 15, 17.

⁶¹ «Труды высочайше разрешенного торгово-промышленного съезда, созванного Обществом для содействия русской промышленности и торговле в Москве в июле 1882 г.», т. 1. СПб., 1883, стр. 19—20, 52, 260—269.⁶² ЦГИА, ф. 40, оп. 1, д. 38, л. 77.⁶³ «Обозрение деятель-

ности...», стр. 38. ⁶⁴ ЦГАМ, ф. 616, оп. 1, д. 19, л. 72—73. ⁶⁵ «Московские ведомости», 10, 12 февраля 1884 г.; «Русь», 1 июня 1884 г. ⁶⁶ ГАГО, ф. 472, оп. 287, д. 40, л. 14—17. ⁶⁷ ЦГИА, ф. 40, оп. 1, д. 38, л. 79. ⁶⁸ «Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле...», ч. XV, отд. II. СПб., 1885, стр. 1—69. ⁶⁹ ЦГИА, ф. 892, оп. 1, д. 1571, л. 10—16. ⁷⁰ «История дипломатии», т. II. М., 1963, стр. 240—242.

⁷¹ ЦГИА, ф. 40, оп. 1, д. 38, л. 83—84. ⁷² «Германские желания. Письмо к издателю «Московских ведомостей» горного инженера Н. С. Авдакова». Харьков, 1892, стр. 7. ⁷³ ЦГИА, ф. 20, оп. 5, д. 574, л. 3. ⁷⁴ ГАГО, ф. 472, оп. 287а, д. 4, л. 204—205. ⁷⁵ «История дипломатии», т. II, стр. 260. ⁷⁶ К. Красильников. Экономические заметки. — «Русское обозрение», 1893, № 10, стр. 1030. ⁷⁷ «Отчет Харьковского биржевого комитета». Харьков, 1896, стр. IV. ⁷⁸ ГАГО, ф. 472, оп. 287а, д. 5, л. 385. ⁷⁹ «Русское обозрение», 1893, № 10, стр. 1025—1026. ⁸⁰ «История дипломатии», т. II, стр. 273. ⁸¹ ГАГО, ф. 472, оп. 287а, д. 5, л. 385. ⁸² Там же, л. 386—389. ⁸³ «Германские желания...», стр. 11—12. ⁸⁴ «Русское обозрение», 1893, № 10, стр. 1027. ⁸⁵ «История дипломатии», т. II, стр. 274. ⁸⁶ «Русское обозрение», 1893, № 10, стр. 1028—1029. ⁸⁷ ГАГО, ф. 472, оп. 287а, д. 5, л. 213—214. ⁸⁸ Роза Люксембург. Промышленное развитие Польши. СПб., 1899, стр. 19. ⁸⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 480; ч. II, стр. 347. ⁹⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 457—458. ⁹¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 2, стр. 188. ⁹² Там же, стр. 191. ⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 134. ⁹⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 27, стр. 412.

Заинтересованность крупной буржуазии во внешних рынках и влияние ее на решение других вопросов экономической жизни

¹ М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.—Л., 1949, стр. 66, 79, 164, 248, 298—299, 303. ² «Торговый сборник», 1866, № 7, стр. 51—52. ³ ЦГИА, ф. 1639, оп. 1, д. 59, л. 4—5, 17—18, 23—24; д. 84, л. 1; д. 86, л. 1, 2. ⁴ «Воспоминания П. И. Шукина», ч. III. М., 1912, стр. 5. ⁵ ИРЛИ, 9123, LI1615, л. 71. ⁶ РОБИЛ, ф. 512, карт. 1, д. 48. ⁷ ЦГИА, ф. 40, оп. 1, д. 18, л. 5—8, 20—23. ⁸ М. К. Рожкова. Экономические связи России со Средней Азией в 40—60-е годы XIX века. М., 1963, стр. 157—158. ⁹ Там же, стр. 224. ¹⁰ Г. А. Хидоятов. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-х гг.). Ташкент, 1969, стр. 24. ¹¹ «Русь», 27 февраля 1882 г. ¹² ГИМ ОПИ, ф. 208, оп. 1, д. 22, л. 1—2. ¹³ М. К. Рожкова. Экономические связи России со Средней Азией в 40—60-е годы XIX века, стр. 90—91. ¹⁴ Там же, стр. 80—81; Н. М. Халфин. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М., 1965, стр. 275—276. ¹⁵ Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА), ф. 400, Азиатская часть Главного штаба, 1878 г., д. 400, л. 4—6. ¹⁶ ЦГАМ, ф. 143, оп. 1, д. 40, л. 23. ¹⁷ ЦГАМ, ф. 3, оп. 1, д. 43109, л. 2—4. ¹⁸ РОБИЛ, ф. 332, карт. 41, д. 13. ¹⁹ ЦГАМ, ф. 616, оп. 1, д. 8, л. 101—103. ²⁰ В. Юферов. Русский хлопок. Пг., 1916, стр. 21.

²¹ РОБИЛ, ф. 260, карт. 4, д. 1, 2; карт. 2, д. 35. ²² «Вестник ма-

нуфактурной промышленности», 1910, № 10, стр. 452—453. ²³ ЦГАМ, ф. 143, оп. 1, д. 57, л. 1, 5. ²⁴ ЦГИА, ф. 560, оп. 43, д. 38, л. 2. ²⁵ ЦГАМ, ф. 143, оп. 1, д. 98, л. 4, 18; ф. 616, оп. 1, д. 19, л. 72—73. ²⁶ «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. I. М., 1925, стр. 398—399. ²⁷ ГАОО, ф. 5, оп. 1, д. 27, л. 9. ²⁸ «Москва», 13 января 1883 г.; ЦГАМ, ф. 143, оп. 1, д. 95, л. 29. ²⁹ ЦГАМ, ф. 342, оп. 6, д. 83, л. 73—74. ³⁰ РОБИЛ, ф. 58, разд. II, карт. 43, д. 3.

³¹ РОБИЛ, ф. 75, карт. 16, стр. 471. ³² «Двадцатипятилетие Киевской биржи. 1869—1894 гг.». Киев, 1895, стр. 63, 66—67. ³³ «Труды общества...», т. 20, отд. II. СПб., 1890, стр. 306—329. ³⁴ ГАГО, ф. 472, оп. 287, д. 190, л. 1, 3, 4. ³⁵ ЦГАМ, ф. 143, оп. 1, д. 42. ³⁶ М. Н. Тихомиров. Присоединение Мерва к России. М., 1960, стр. 112—113. ³⁷ ЦГАЛИ, ф. 348, оп. 1, д. 1129, л. 14—19. ³⁸ ЦГАМ, ф. 143, оп. 1, д. 100, л. 69. ³⁹ Г. Ф. Семенюк. Борьба московской «текстильной» буржуазии за рынки сбыта и экономическая политика царизма в конце XIX века. — «Некоторые вопросы истории Москвы и Московской губернии в XIX—XX вв.». М., 1964, стр. 128—129. ⁴⁰ А. А. Баранов. Исторический обзор хлопчатобумажного производства в России в связи с таможенными тарифами. М., 1913, стр. 112—115.

⁴¹ «Вестник мануфактурной промышленности», 1910, № 10, стр. 452—453. ⁴² ГАСО, ф. 121, оп. 1, д. 826, л. 16; д. 827, л. 1—2. ⁴³ ЦГИА, ф. 20, оп. 4, д. 4233, л. 21. ⁴⁴ «Некоторые вопросы истории Москвы и Московской губернии в XIX—XX вв.», стр. 133; ГАГО, ф. 472, оп. 287, д. 40, л. 296. ⁴⁵ ГАСО, ф. 121, оп. 1, д. 827, л. 3. ⁴⁶ ЦГАМ, ф. 143, оп. 1, д. 95, л. 69. ⁴⁷ А. А. Баранов. Указ. соч., стр. 102, 113; ЦГИА, ф. 20, оп. 4, д. 4233, л. 1, 2. ⁴⁸ РОБИЛ, ф. 58, разд. II, карт. 43, д. 3. ⁴⁹ Там же, карт. 38, д. 1. ⁵⁰ ГАГО, ф. 2, оп. 6, д. 1117, л. 6—8.

⁵¹ ГАГО, ф. 472, оп. 287, д. 40, л. 20, 21, 25—28. ⁵² РОБИЛ, ф. 58, разд. II, карт. 38, д. 2. ⁵³ Б. В. Ананьич. Из истории англо-русского соперничества в Персии накануне русско-японской войны (Персидский залив). — «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 194, 1958, стр. 232. ⁵⁴ РОБИЛ, ф. 58, разд. II, карт. 38, д. 2. ⁵⁵ ЦГИА, ф. 20, оп. 4, д. 3664, л. 120; д. 3681, л. 86, 87, 144, 154—164, 211—212. ⁵⁶ «Некоторые вопросы истории Москвы и Московской губернии в XIX—XX вв.», стр. 128, 139. ⁵⁷ Б. В. Ананьич. Учетно-ссудный банк Персии в 1894—1907 гг. — «Труды Ленинградского отделения института истории», вып. 4. М.—Л., 1962, стр. 275—277. ⁵⁸ Б. В. Ананьич. Россия и концессия Д'Арсси. — «Исторические записки», т. 66, 1960, стр. 278—279. ⁵⁹ «Журнал соединенных заседаний Одесских комитетов Торговли и мануфактур и Биржевого 8-го и 12-го июля 1889 г.». [Одесса, 1889], стр. 7. ⁶⁰ ЦГАМ, ф. 419, оп. 1, д. 2279, л. 62.

⁶¹ ГАРО, ф. 170, оп. 1, д. 32, л. 3—4. ⁶² ЦГАМ, ф. 774, оп. 1, д. 279, л. 12—13. ⁶³ ЦГИА, ф. 32, оп. 1, д. 348, л. 75. ⁶⁴ А. А. Баранов. Указ. соч., стр. 114—115. ⁶⁵ «Экономические провалы в воспоминаниях с 1837 года В. А. Кокорева». СПб., 1887, стр. 181—183. ⁶⁶ «Московские ведомости», 14 ноября 1869 г. ⁶⁷ ГАГО, ф. 472, оп. 27, д. 61, л. 179—197. ⁶⁸ В. Ф. Борзунов. История создания Транссибирской железнодорожной магистрали XIX—начала XX в. Автореф. докт. дисс. М., 1972, стр. 13. ⁶⁹ А. М. Соловьева. Государственный капитализм и развитие железнодорожного транспорта России во второй половине XIX в. Автореф. канд. дисс. М., 1966, стр. 15, 17—18. ⁷⁰ ЦГАМ, ф. 2244, оп. 1, д. 445, л. 84.

⁷¹ «Московские ведомости», 27 сентября 1884 г. ⁷² ГАСО, ф. 121,

оп. 1, д. 827, л. 22—29; д. 826, л. 15. ⁷³ «Московские ведомости», 18 августа 1887 г. ⁷⁴ А. М. Соловьева. Указ. соч., стр. 20, 21. ⁷⁵ ЦГАМ, ф. 143, оп. 2, д. 1, л. 8, 9, 71. ⁷⁶ «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883—1914 гг.» Сборник документов и материалов. М.—Л., 1961, стр. 142—145, 163—165. ⁷⁷ «Двадцатипятилетие Киевской биржи. 1869—1894 гг.». Киев, 1895, стр. 86—87, 101, 103. ⁷⁸ «Русский курьер», 9 января 1886 г.; «Московские ведомости», 18 августа 1887 г.; «Русская жизнь», 12 ноября 1892 г. ⁷⁹ «Русская жизнь», 12 и 13 ноября 1892 г. ⁸⁰ «Московские ведомости», 18 августа 1887 г.

⁸¹ ГАСО, ф. 121, оп. 1, д. 706, л. 1. ⁸² И. Татаров. Классовая борьба вокруг законов о труде и образовании рабочей молодежи во второй половине XIX века. М.—Л., 1928, стр. 381—383. ⁸³ «Вестник промышленности», 1861, № 1, стр. 193. ⁸⁴ ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 1603, л. 7—9, 19, 20. ⁸⁵ ЦГИА, ф. 911, оп. 1, д. 76, л. 2, 5, 6; ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 1603, л. 1—4, 13, 19, 20. ⁸⁶ ЦГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, д. 169, л. 67, 69, 157. ⁸⁷ ЦГИА, ф. 908, оп. 1, д. 328, л. 10—19; ф. 911, оп. 1, д. 76, л. 41, 42; «Нижегородская ярмарка», 31 августа 1883 г. ⁸⁸ «Труды высочайше разрешенного торгово-промышленного съезда, созванного Обществом для содействия русской промышленности и торговле в Москве в июле 1882 г.», т. 1. СПб., 1883, стр. 21. ⁸⁹ ГАГО, ф. 472, оп. 287, д. 40, л. 10, 11. ⁹⁰ «Московские ведомости», 1 апреля 1885 г. ⁹¹ РОБИЛ, ф. 58, разд. II, карт. 43, д. 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 394. ² В. И. Ленин. ПСС, т. 6, стр. 267. ³ В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 125.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Некоторые особенности развития промышленности и торговли	13
Рост торговли и промышленности, появление частных коммерческих банков и возникновение первых монополистических союзов	—
Важнейшие тенденции экономической политики царизма	33
Глава 2. Торгово-промышленная буржуазия и ее организации	63
Численность, состав и облик крупной буржуазии	—
Предпринимательские организации	88
Глава 3. Крупная буржуазия и общественно-политическая жизнь России	109
Капиталисты и периодическая печать	—
Социально-политические взгляды представителей крупной буржуазии и ее роль в общественной жизни	139
Глава 4. Воздействие капиталистов на некоторые стороны политики царизма	168
Усилия крупной буржуазии по упрочению мер таможенной охраны	—
Заинтересованность крупной буржуазии во внешних рынках и влияние ее на решение других вопросов экономической жизни	195
Заключение	230
Источники и литература	234

Лаверычев В. Я.

Л13 Крупная буржуазия в пореформенной России (1861—1900 гг.). М., «Мысль», 1974.

252 с.

В книге исследуется процесс формирования крупной буржуазии в период становления и развития капитализма в России. Используя многочисленные архивные документы, мемуары, периодическую печать и другие издания, автор обобщает различные сведения об особенностях складывания крупной буржуазии России в класс капиталистического общества, в класс, непосредственно противостоящий пролетариату.

В монографии рассмотрены следующие основные вопросы: развитие торговли и промышленности в пореформенный период, общественно-политическая роль и контрреволюционность крупных капиталистов, их отношение к политике царизма и др.

Л 10604-240
004 (01)-74 БЗ-25-7-74

9(С)16

**Лаверычев,
Владимир Яковлевич**

**КРУПНАЯ БУРЖУАЗИЯ
В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ
(1861—1900 гг.)**

Редактор **Г. И. Пылаева**
Младший редактор **В. М. Кузнецова**
Оформление художника **Ю. Н. Холодовского**
Художественный редактор **А. А. Брантман**
Технический редактор **С. П. Лебедева**
Корректор **Т. С. Пастухова**

Сдано в набор 12 июня 1974 г. Подписано в печать 20 августа 1974 г. Формат 84×108¹/₃₂, бумага типографская № 2. Усл. печатных листов 13,44. Учетно-издательских листов 14,13. Тираж 4000 экз. А 08111. Заказ № 701. Цена 1 р. 19 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

**В 1975 г.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
ПРЕДЛАГАЕТ ЧИТАТЕЛЯМ:**

А царкин А. И. Жизнь и борьба рабочей молодежи в России (1901 — октябрь 1917 г.). Изд. 2-е, дораб. 23 л., 1 р. 65 к.

Книга посвящена жизни и борьбе молодежи в самодержавно-помещичьей и капиталистической России, истории возникновения и становления предшественников комсомола — социалистических союзов рабочей молодежи. Используя архивные материалы и воспоминания старых комсомольцев, автор ярко показывает участие молодежи в Октябрьской революции и борьбу за упрочение ее завоеваний. Со страниц книги встают легендарные образы В. Алексеева, Ф. Лемешева, П. Смородина, Л. Лисиновой и других вожakov молодежи — организаторов комсомола.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей, лекторов, пропагандистов.

Гегемония пролетариата в трех русских революциях. Под ред. проф. Л. С. Гапоненко и проф. К. В. Гусева. 14 л., 1 р. 20 к.

В книге рассматривается гегемония пролетариата в революции 1905—1907 гг., раскрываются ее формы в годы реакции и нового революционного подъема, анализируется процесс превращения рабочего класса из гегемона буржуазно-демократической революции в гегемона социалистической революции. Авторы обобщают результаты работы советских историков по изучению проблемы, подвергают критике ее освещение в буржуазной историографии.

Книга рассчитана на преподавателей общественных наук, научных сотрудников, аспирантов, слушателей партийных учебных заведений, студентов, пропагандистов.

Революция 1905—1907 гг. в России. Отв. ред. Ю. И. Кораблев. 23 л. с ил., 1 р. 65 к.

В этой научно-популярной книге воссоздаются картины героических событий в годы первой народной революции в России. На основе многообразных источников с привлечением обширного иллюстра-

тивного материала авторы ярко показывают борьбу народов России за свою свободу.

Юбилейное, посвященное 70-й годовщине первой русской революции издание отличается оригинальным красочным оформлением, содержит десятки фотографий и цветных репродукций с лучших картин советских художников.

Книга написана свежо, доходчиво, популярно, рассчитана на широкий круг читателей.

Пр. 49к.

Министерство
Образования
СССР

В. Я. ЛАВЕРЬЧЕВ